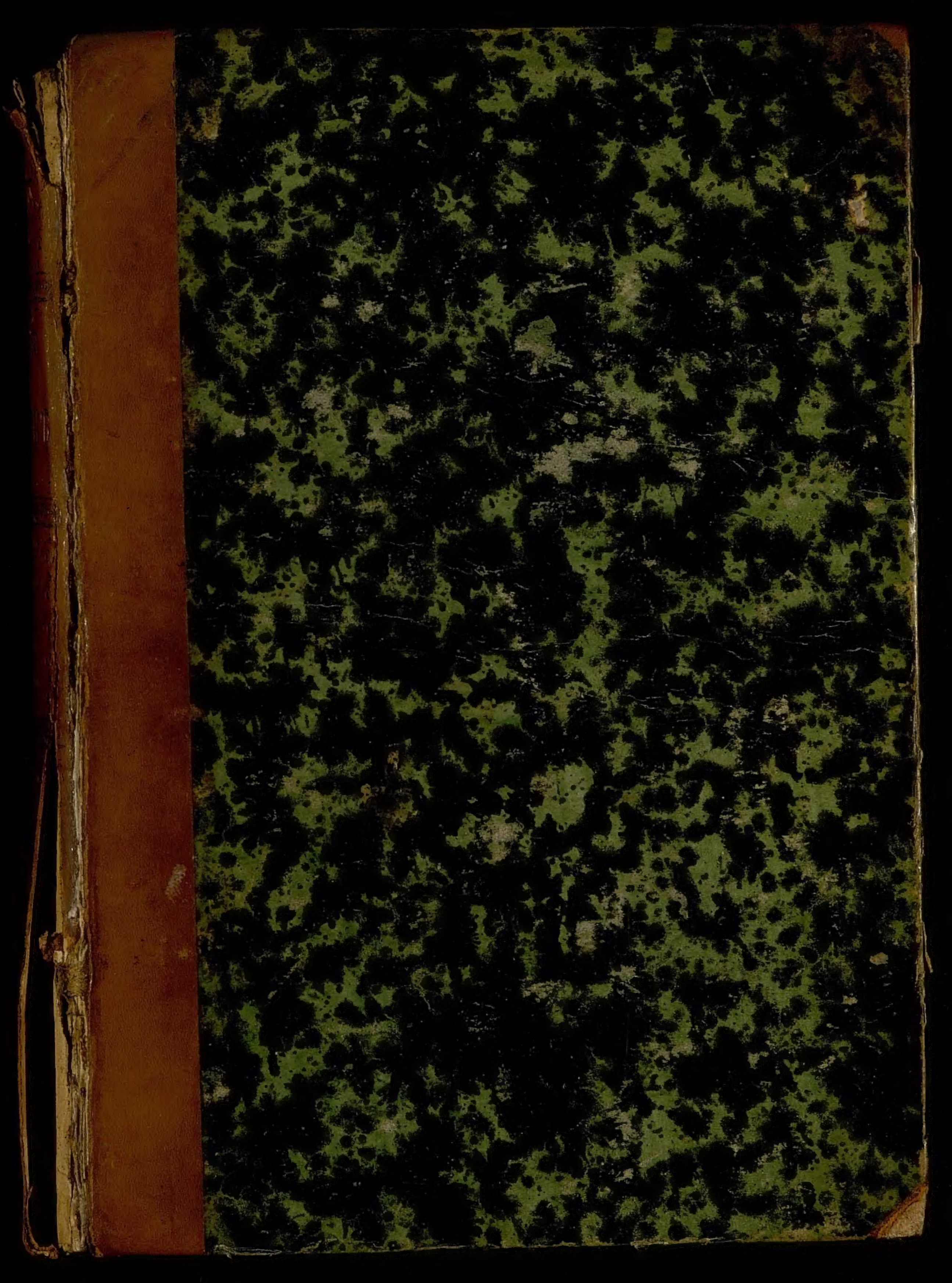

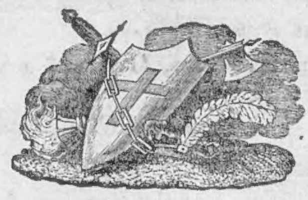

Грав. Николай Уткинъ, Профессоръ И.А.Х.
Іюля 14 дня 1831 года

СКАЗАНІЯ

СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ЧАСТЬ I.

Берова Лѣтопись Московская.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

Санктпетербургъ, Августа 8 дня, 1831 года.

Цензоръ *О. Сенковскій.*

Никогда Отечество наше, до восшествія на престолъ знаменитаго поколѣнія Романовыхъ, не было такъ сильно и счастливо, какъ въ первые годы царствованія Бориса Годунова: рукою опытною, искусною онъ правилъ кормиломъ Государства, устраняя отъ него бѣдствія, указывая народу новые источники благоденствія, помышляя о наукахъ, о смягченіи нравовъ, объ Европейской образованности. Народъ любилъ его какъ отца, ибо зналъ, что Борисъ готовъ былъ пожертвовать для счастія подданныхъ послѣднею рубахою; тронъ его казался непоколебимымъ; съ почтеніемъ и страхомъ смотрѣли на оный сосѣды; въ юномъ сынѣ Борисовомъ Россія видѣла залогъ будущаго благоденствія, а въ дочери его, въ прелестной Ксеніи, опору своего могущества..... и все это рушилось, и все это изчезло, какъ мечта! Сила Годунова онѣмѣла предъ тѣнію

отрока, 12 лѣтъ лежавшаго въ могилѣ; тронъ его палъ, родъ его погибъ: бродяга явился на Русскомъ престолѣ; но правилъ умно, дѣйствовалъ смѣло, хотѣлъ быть выше Королей и Цесаря, готовилъ важный переворотъ—и упоенный счастіемъ, слетѣлъ съ высоты величія скорѣе, чѣмъ достигъ до нея. Тутъ настало время неустройствъ безпримѣрныхъ; имя Димитрія, какъ волшебный гласъ, какъ приговоръ Судьбы, взволновало наше Отечество, разорвало всѣ узы, ниспровергло всѣ законы, привело въ Россію, къ самой Москвѣ, Поляковъ, Литовцевъ, Шведовъ, Крымцевъ, Донцовъ, Запорожцевъ, Черемисъ, Чувашей, Казанцевъ..... Предки наши въ непонятномъ ослѣпленіи стремились съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу каждому, кто только хотѣлъ назваться Димитріемъ, и— повѣритъ ли потомство?—нѣсколько сотъ тысячъ Россіянъ съ Боярами, съ Князьями, предались Жиду—Вору Тушинскому! До сихъ поръ видны слѣды лагеря, гдѣ онъ болѣе двухъ лѣтъ стоялъ подъ Москвою. Судьба нашего Отечества зависѣла отъ одного слова Сигизмунда, и если бы не твердость Ермогена, не великодушіе Минина, не мужество Пожарскаго—прощай

Россія—и на вѣки. Къ счастію заблужденіе изчезло; предки наши образумились, стали дружно, твердо за Вѣру, за Отечество; явили доблести Героевъ, и подъ сѣнію Михаила вздохнули наконецъ свободно, какъ пловцы послѣ страшной бури.

Если Исторія, изображая судьбу Царствъ и Народовъ, должна вселять въ насъ покорность Провидѣнію, уваженіе къ Святынѣ и Законамъ, любовь къ Истинѣ, Красотѣ, Добродѣтели, и если уроки ея тѣмъ сильнѣе, краснорѣчивѣе, чѣмъ разительнѣе примѣры, ею приводимые: то едва ли найдемъ въ Лѣтописяхъ Человѣчества эпоху столь достопамятную, какую представляетъ наша Исторія въ началѣ XVII вѣка; по крайней мѣрѣ для насъ, Россіянъ, знать время Самозванцевъ должно быть поучительнѣе и занимательнѣе чтенія Исторіи многихъ народовъ иноплеменныхъ. Самые легкіе, даже неправильные очерки добродѣтелей и злодѣйствъ, ознаменовавшихъ сіе время, врѣзываются глубоко въ нашей памяти и оставляютъ въ душѣ впечатлѣнія неизгладимыя... Ермогенъ, Мининъ, Пожарскій! кто безъ трепета сердечнаго произноситъ священныя имена

ваши, хотя мы знаемъ о васъ только по темному преданію, хотя до сихъ поръ, въ сумракѣ временъ, вы стоите какъ величественныя тѣни, безъ жизни, безъ выраженія! Памятники дѣлъ вашихъ—сказанія современниковъ, ваши собственныя—истлѣваютъ въ Архивахъ....

Въ эпоху Самозванцевъ болѣе, нежели когда либо разкрылся характеръ народный: тутъ явился въ полномъ блескѣ Россіянинъ—непоколебимый въ Вѣрѣ, въ Законѣ праотцевъ, непоколебимый въ преданности Царю и Престолу, но врагъ всего не Русскаго, ужасный на войнѣ, въ пылу страстей, добрый и привѣтливый въ спокойной хижинѣ. И нынѣ Русскій народъ не измѣнилъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, сему характеру: его одушевляетъ та же преданность къ Вѣрѣ, къ Престолу, къ обычаямъ предковъ, которая спасла Россію отъ ига иноземцевъ, отъ власти Сигизмунда, та же ненависть ко всему не родному, которая въ началѣ XVII вѣка однихъ ознаменовала подвигами доблести, другихъ довела до слѣпаго заблужденія, до мрачныхъ злодѣйствъ. Въ Исторіи Самозванцевъ вы узнаете народъ со всѣми его добродѣтелями и недостатками.

Кромѣ пользы, кромѣ спасительныхъ уроковъ, сіе достопамятное время дастъ обильную пищу воображенію: тамъ найдетъ Поэтъ или Художникъ картины очаровательныя; тамъ увидитъ онъ и героевъ необыкновенныхъ и злодѣевъ невѣроятныхъ, тѣмъ не менѣе истинныхъ, каждаго съ выразительною физіогноміею. Пусть наши юные Пѣвцы, наши Романисты познакомятся съ Борисомъ Годуновымъ, съ Димитріемъ Самозванцемъ, съ Мариною, съ Воромъ Тушинскимъ, а болѣе всего, пусть узнаютъ Ермогена, Ляпунова, Минина, Пожарскаго, даже враговъ нашихъ, Гетмана Жолкѣвскаго, Палста Лисовскаго, Пана Струся, Делагарди: пусть обрисуютъ ихъ дѣла и характеры кистію вѣрною, красками живыми, не измѣняя духу времени въ малѣйшихъ подробностяхъ—и мы перестанемъ исключительно читать Вальтеръ-Скотта,—по крайней мѣрѣ, не промѣняемъ своего на чужое.

Но никто, можетъ быть, не обрѣтетъ въ нашей Исторіи перваго десятилѣтія XVII вѣка, столь неисчерпаемаго источника наслажденій, какъ любитель Бытописанія, который углубляется въ минувшіе вѣки съ благороднымъ же-

лапіемъ открыть истину, разгадать характеръ людей, духъ времени, тайныя пружины событій, однимъ словомъ, хочетъ видѣть и узнать человѣка. Для такого ума испытательнаго одинъ Борисъ Годуновъ доставитъ обильную пищу къ размышленію. Потомство обвиняетъ его въ злодѣйствѣ, едва не погубившемъ Россіи: если онъ дѣйствительно обагрилъ руки свои кровію Св. Отрока, мы забудемъ все хорошее, что ни сдѣлалъ Годуновъ для Отечества; но если онъ правъ, если его обвиняютъ по одному подозрѣнію, по стеченію обстоятельствъ, какими взорами станемъ смотрѣть и на Бориса, и на сына его, и на злополучную Ксенію? Такой предметъ стоитъ изслѣдованія. Димитрій Самозванецъ представляетъ загадку не менѣе любопытную: нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ обманщикъ—но кто же именно? Отрепьевъ ли, сынъ ли Баторіевъ, орудіе ли Іезуитовъ? Далѣе, въ поступкахъ Шуйскаго, Ляпунова, въ избраніи на престолъ Михаила Θеодоровича, мы видимъ явленія непостижимыя.

И на всѣ сіи предметы мы смотримъ съ какимъ-то безпримѣрнымъ равнодушіемъ! Вотъ почему вся наша Исторія представляетъ, по

большой части, однѣ *загадки*: не говоря о временахъ древнѣйшихъ, мы не знаемъ еще ни Царя Іоанна, ни Алексѣя, ни Софіи, не знаемъ, къ стыду нашему, и Петра Великаго. А болѣе всего блуждаемъ въ смутномъ времени Самозванцевъ: Карамзинъ начерталъ картину плѣнительную; но многое въ сей картинѣ темно, не полно, не твердо. На чемъ основанъ его строгій приговоръ о Годуновѣ? Разгадалъ ли онъ Димитрія Самозванца, Шуйскаго, Басманова? По чему онъ вѣритъ одному свидѣтелю и отвергаетъ другаго, даже ссылаясь на одного и того же Автора, почему онъ говоритъ, что это сказаніе справедливо, а то ложно? Однимъ словомъ читатель размышляющій находитъ и въ его прелестномъ твореніи много, много случаевъ сомнительныхъ; ихъ разрѣшить не льзя, если не будемъ знакомы съ современниками: когда сами выслушаемъ свидѣтелей, дадимъ очную имъ ставку, увидимъ, какія страсти ими руководствовали, сличимъ ихъ показанія; тогда многія загадки изчезнутъ сами собою; духъ времени, характеръ народа, дѣйствія, нравы, обычаи, все будетъ живо, ясно. Одинъ Беръ откроетъ многія истины; а онъ-то менѣе всѣхъ извѣстенъ.

Вотъ мысль, побудившая меня собрать сказанія Современниковъ иноземцевъ о Димитріи Самозванцѣ, и издать ихъ въ Русскомъ переводѣ. Я употребилъ всѣ свои силы, чтобы принести удовольствіе и пользу Любителямъ Русской Исторіи. Впрочемъ сколь ни лестно для меня благосклонное вниманіе Публики; но если трудъ мой, по своимъ недостаткамъ, не заслужитъ ся одобренія, я буду утѣшать себя воспоминаніемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя провелъ я въ бесѣдѣ съ свидѣтелями судьбы нашего Отечества.

Николай Устряловъ.

14 Іюля,
1831.

Мартинъ Беръ, *Martinus Bäer,* родомъ изъ Нейштата, жилъ въ Россіи болѣе 12 лѣтъ, при Борисѣ Годуновѣ, Димитріи Самозванцѣ, Василіи Шуйскомъ и во все время Междуцарствія. Неизвѣстно, кто вызвалъ его изъ Германіи— Борисъ ли Годуновъ, усердно искавшій образованныхъ иностранцевъ, или Нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, пригласили его отъ себя, какъ искуснаго Проповѣдника? Достовѣрно только то, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1600 году, съ званіемъ Студента, и тогда же былъ избранъ въ Пасторы Московскими Лютеранами, коимъ Царь Борисъ дозволилъ выстроить божницу за рѣкою Яузою. При семъ Государѣ, Беръ спокойно отправлялъ свои обязанности и заслужилъ всеобщее уваженіе; по смерти же его, пріобрѣлъ дружбу и довѣренность славнаго Басманова, который не рѣдко съ нимъ бесѣдовалъ, повѣрялъ ему самыя тайныя мысли свои и не скрывалъ самозванства мнимаго Димитрія. Беръ, сколько можно догадываться, былъ въ чести и у легкомысленнаго Отрепьева, такъ,

что съ его дозволенія заговорилъ Лютеранскія проповѣди во Дворцѣ Кремлевскомъ! По восшествіи Шуйскаго на престолъ, онъ убрался изъ Москвы, гдѣ злоба народная преслѣдовала всѣхъ вообще иноземцевъ, и съ семействомъ своимъ удалился въ городъ Козельскъ; тамъ онъ мирно жилъ среди своей паствы, но недолго: по навѣтамъ злыхъ людей, Тушинскій Воръ приказалъ привезти его въ Калугу и со многими Нѣмцами утопить въ Окѣ. Къ счастію бѣдныхъ Нѣмцевъ, вступилась за нихъ Марина: убѣжденная слезами своихъ *Фрейлинъ*, Нѣмокъ, духовныхъ дщерей оклеветаннаго Пастора, она съ опасностію собственной жизни, смягчила кровожаднаго Самозванца. Въ надеждѣ на покровительство Марины, Беръ переселился изъ Козельска въ Калугу. Когда же Воръ Тушинскій кончилъ бѣдственную для Россіи жизнь отъ руки Татарина Уруса и на Русскій престолъ избранъ былъ Владиславъ, онъ снова пришелъ въ Москву къ друзьямъ своимъ Полякамъ, и тамъ видѣлъ страшное кровопролитіе, вызвавшее Минина и Пожарскаго къ мести, къ спасенію Отечества. Почему и когда удалился Беръ изъ Россіи, неизвѣстно; знаемъ только, что

знаменитый Олеарій, уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, бесѣдовалъ съ нимъ въ Нарвѣ и слушалъ его сказанія о Московіи.

Внимательный свидѣтель любопытнѣйшей эпохи нашего Отечества, очевидецъ происшествій, почти невѣроятныхъ, Беръ рѣшился предать воспоминаніе объ оныхъ потомству, и въ 1612 году написалъ Лѣтопись Московскую *). Она заключаетъ въ себѣ извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ нашей Исторіи съ 1584 года по 1612, т. е. со времени восшествія на престолъ Ѳеодора Іоанновича до разоренія Москвы Поляками. Большую часть происшествій сего времени Беръ видѣлъ собственными глазами, или свѣдалъ отъ лицъ достовѣрныхъ: довольно припомнить, что онъ бесѣдовалъ съ Басмано-

*) Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584—1612. Подлинникъ писанъ стариннымъ языкомъ Нѣмецкимъ съ примѣсью Латинскихъ изрѣченій и пословицъ; онъ еще не изданъ, и хранится въ рукописи у немногихъ любителей Исторіи. Кельхъ и Трейеръ, имѣвшіе Берову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя оной Конрадомъ Буссау или Буссо: кромѣ современнаго свидѣтельства Петреева, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясные признаки, что Авторомъ ея былъ Мартинъ Беръ. См. Петрееву Muſzkow. Chron. стр. 391 и Берову Лѣтоп. Московс. стр. 77. 172—181.

вымъ, съ Маржеретомъ, зналъ лично обоихъ Лжедимитріевъ, Марину, Папа Сапѣгу, однимъ словомъ зналъ всѣхъ людей, исключая развѣ Сигизмунда, которые играли столь важную ролю въ нашемъ Отечествѣ въ началѣ XVII вѣка. Отъ сего, рѣдкое извѣстіе Бера не льзя подтвердить свидѣтельствами несомнѣнными, напримѣръ Государственными актами; рѣдкое событіе утаилось отъ его любопытнаго и проницательнаго взора; онъ разгадалъ характеръ Бориса Годунова, Димитрія Самозванца, Василія Шуйскаго; каждое лице, имъ упоминаемое даже мимоходомъ, имѣетъ свою отличительную физіогномію, а главные Герои исполнены жизни и души. Все сочиненіе его есть вѣрная картина бѣдствій Россіи, терзаемой Самозванцами, Нѣмцами, Поляками, Татарами: краски и черты ея выразительны, ибо Историкъ описывалъ все, что онъ видѣлъ и зналъ, перомъ наблюдателя умнаго, опытнаго и нерѣдко безпристрастнаго. Сверхъ того, Беръ объясняетъ многіе случаи своего времени, бывшіе загадкою для потомства: такъ, отъ него узнаемъ навѣрное, что мнимый Димитрій былъ Самозванецъ.

Однимъ словомъ, твореніе Бера есть сокро-

вище неоцѣненное для Русской Исторіи; одного только не достаетъ къ полному совершенству его: Авторъ слишкомъ строго смотрѣлъ на слабости нашихъ предковъ и не умѣлъ цѣнить ихъ добродѣтелей, потому ли, что тайная злоба руководила перомъ его, или онъ не постигъ духа времени; по крайней мѣрѣ, часто судилъ о Россіянахъ весьма несправедливо: тамъ, гдѣ они отъ Историка безпристрастнаго заслужили бы легкія укоризны, даже похвалу, Беръ клянетъ ихъ безъ пощады, не различая ни времени, ни обстоятельствъ. Именуя Россіянъ, непоколебимыхъ въ Вѣрѣ, въ благочестіи, въ законѣ праотцевъ, въ безпредѣльной преданности Государю, варварами, идолопоклонниками, не находя въ нихъ ни одной добродѣтели, онъ въ то же время говоритъ съ какимъ то сердечнымъ умиленіемъ о Нѣмцахъ и Полякахъ, превозноситъ ихъ до небесъ за малѣйшее доброе дѣло, и слегка укоряетъ за мрачныя преступленія; пристрастіе къ Нѣмцамъ отчасти извинительно; но выхваляя Поляковъ и безъ пощады порицая Россіянъ, Авторъ обнаруживаетъ явную несправедливость: ему не льзя было не знать, что истинными виновниками всѣхъ неустройствъ

и злополучія Россіи были Поляки: ибо самъ же описываетъ мрачными красками ихъ злодѣйства; при всемъ томъ говоритъ о нихъ несравненно снисходительнѣе, нежели о Россіянахъ, такъ, что по его словамъ не Поляки, а мы были во всемъ виновны. Впрочемъ эта явная несправедливость не уменьшаетъ достоинства Берова сочиненія: потомство судитъ по фактамъ и не вѣритъ укоризнамъ, не подкрѣпленнымъ доказательствами, факты же описаны Беромъ такъ вѣрно и точно, что мы не будемъ затрудняться въ сужденіи, кто былъ правъ, кто виноватъ.

Съ сей же точки должно смотрѣть на упреки, коими Авторъ осыпаетъ нашихъ праотцевъ въ дѣлахъ Вѣры: не забудемъ, что онъ былъ Лютеранинъ XVII вѣка, когда невѣроятный фанатизмъ ослѣплялъ всѣ умы и готовилъ для Европы войну тридцатилѣтнюю: если самые Католики въ глазахъ Лютеранъ казались хуже язычниковъ; могли ли ожидать пощады мы, Русскіе, уже нѣсколько вѣковъ отдѣлившіеся отъ Западной церкви? И потому пусть злой Пасторъ честитъ насъ идолопоклонниками, пусть отвергаетъ нашу святыню, и разсказываетъ нелѣ-

пую басню о Св. Димитріи—мы смѣемся его сказкамъ, и въ самыхъ укоризнахъ находимъ доказательства истиннаго благочестія, которое всегда одушевляло нашихъ предковъ.

Руководствуясь сею мыслію, я смѣло передавалъ всѣ сужденія Автора, даже самыя нелѣпыя; на нѣкоторыя изъ нихъ указалъ въ примѣчаніяхъ, другія же оставилъ безъ всякаго поясненія, бывъ увѣренъ, что въ такомъ случаѣ никто изъ насъ не приметъ словъ его за чистую монету.

Читатель найдетъ въ числѣ примѣчаній нѣсколько выписокъ изъ Московской хроники Петрея и вѣроятно спроситъ, для чего многія изъ нихъ приложены? На сіе считаю долгомъ сказать: Шведскій Посланникъ Петрей, *Petrus Petreius de Erlesunda*, жившій въ Москвѣ 4 года, въ царствованіе Годунова, Лжедимитрія и Шуйскаго, издалъ въ 1620 году хронику Московскую *), гдѣ разсказываетъ Исторію Россіи отъ основанія Государства до мира Столбовскаго и описываетъ гражданское состояніе

*) Historien und Bericht von dem Groszfürstenthum Muschkow, mit dero schönen fruchtbaren Provincien et caet. Lipsiae, 1620 in 4°. На Шведскомъ издана 1619.

нашего Отечества въ началѣ XVII вѣка: свѣдения о Русской Исторіи до смерти Іоанна IV, Петрей выбиралъ изъ Герберштейна, Гваньини, Одерборна, а самыя любопытныя извѣстія о Борисѣ Годуновѣ и Самозванцахъ заимствовалъ изъ Мартина Бера, т. е. переписалъ его Лѣтопись почти цѣликомъ, съ немногими выпусками и дополненіями, въ коихъ отчасти поясняетъ Бера, отчасти разсказываетъ нѣкоторые случаи совсѣмъ иначе; сверхъ того вездѣ поправляетъ слогъ оригинала, и всегда почти неудачно, растягивая оный излишнимъ многословіемъ. Переводить Петреевы сказанія о Самозванцахъ вполнѣ, значило бы повторять Бера; посему я рѣшился выписать изъ Московской хроники все, чего не говоритъ Беръ, и сіи выписки присоединить къ сочиненію сего послѣдняго въ примѣчаніяхъ, въ надеждѣ оказать читателю двойную услугу.

Приложенный къ сей части портретъ Самозванца, извѣстнаго подъ именемъ Отрепьева, съ снимкомъ его подписи, гравированъ съ современной медали: потомству любопытно будетъ взглянуть на черты злодѣя, ознаменованнаго необыкновенною силою души.

МАРТИНЪ БЕРЪ.

ЛѢТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ,

съ 1584 года по 1612.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ЛѢТОПИСЬ

МОСКОВСКАЯ.

ГЛАВА I.

Царствованіе Ѳеодора Іоанновича.

1584—1598.

Смерть Іоанна IV. Характеръ Ѳеодора. Годуновъ Правитель. Свойства его. Младенчество Димитрія. Убіеніе Царевича. Пожаръ Московскій. Кончина Ѳеодора. Романовы отвергаютъ скипетръ.

Въ пятое воскресенье великаго поста 1584 года, умеръ Государь Московскій Іоаннъ Васильевичъ Мучитель [1]); послѣ него остались два сына, Ѳеодоръ и Димитрій. Старшій сынъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престолъ; а младшій удалился вмѣстѣ съ матерью своею, вдовою покойнаго Государя, Маріею Ѳеодоровною, изъ рода Нагихъ, въ назначенное ему Княжество Углицкое, лежащее отъ Москвы въ 90 верстахъ, или 18 миляхъ [2]).

1584-1598. Царь Өеодоръ Іоанновичъ, Государь набожный,—какъ и всѣ Москвитяне,—заботился болѣе о своихъ иконахъ, нежели о правленіи, и охотнѣе посѣщалъ церкви Св. Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, чѣмъ Совѣтъ Государственный. Собравъ Князей и Бояръ своихъ, онъ объявилъ имъ, что правленіе столь обширною Державою для него слишкомъ обременительно и что онъ желаетъ единственно служить своему Господу въ тишинѣ безмятежной; почему и велѣлъ Вельможамъ избрать мужа благоразумнаго, на котораго могъ бы возложить всю тяжесть заботъ Государственныхъ. Въ слѣдствіе сего, Правителемъ Царства былъ избранъ Дворянинъ Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ, человѣкъ рода не знатнаго, но проницательный и умный. По совершеніи приличныхъ обрядовъ, Өеодоръ всталъ съ своего мѣста и, снявъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею Правителя, сказавъ ему: »вмѣстѣ »съ сею цѣпію снимаю я, Царь и Самодержецъ »всея Руси, бремя съ моей выи и возлагаю »оное на тебя, Борисъ Өеодоровичъ! Рѣшай въ »моемъ Государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣй»шихъ, которыя докладывай мнѣ, не приводя »ихъ въ исполненіе безъ моей Царской воли: »я буду по прежнему Царемъ-Государемъ [5].«

Возведенный въ достоинство Правителя, Борисъ Годуновъ исполнялъ свою обязанность

весьма усердно и благоразумно; привелъ въ порядокъ запущенныя дѣла, пресѣкъ многія злоупотребленія, оградилъ права вдовъ и сиротъ. 1584-1598. Изумленные дѣятельностію его, Москвитяне говорили, что во всей Россіи нѣтъ равнаго ему умомъ и что если, по кончинѣ Царя, умретъ и Димитрій безъ наслѣдника; то въ цѣломъ Государствѣ не льзя найти человѣка способнѣе Бориса къ правленію 4). Узнавъ о сей молвѣ чрезъ своихъ шпіоновъ, Годуновъ задумалъ хитрыми и незамѣтными средствами овладѣть со временемъ престоломъ; для сего онъ принялъ столь искусныя мѣры, что набожный и слабоумный Царь не имѣлъ отъ супруги своей, Ирины Ѳеодоровны, сестры Борисовой, ни одного наслѣдника 5).

Въ то же время Годуновъ приказалъ наблюдать внимательно за всѣми словами и забавами юнаго Димитрія; вскорѣ замѣтили въ семъ Царевичѣ отцовское жестокосердіе: однажды онъ велѣлъ своимъ товарищамъ, молодымъ Дворянамъ, сдѣлать изъ снѣгу нѣсколько изображеній, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ Бояръ, поставилъ рядомъ и началъ рубить: одному отсѣкъ голову, другому отбилъ руку, ногу, инаго прокололъ на сквозь, приговаривая: »это такой-»то Бояринъ, такой-то Князь: такъ имъ будетъ »въ мое царствованіе 6)«

1584-1598. Многіе Бояре, симъ устрашенные, видѣли въ Димитріи подобіе Іоанна Васильевича и весьма желали, чтобы сынъ скорѣе отправился за отцемъ своимъ въ могилу; а болѣе всѣхъ желалъ этого Годуновъ, коего фигуру Царевичъ поставилъ выше прочихъ и отсѣкъ ей голову. *Видна птица по полету*—думалъ Годуновъ, и рѣшился, подобно Ироду, предупредить опасность: подкупленные имъ нѣсколько человѣкъ зарѣзали Царевича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ, и тѣмъ проложили Борису путь къ престолу; но сами получили худую награду: Годуновъ, опасаясь, чтобы злодѣйство его не обнаружилось, приказалъ ихъ умертвить на обратномъ пути въ Москву. Царь же Ѳеодоръ Іоанновичъ, не умѣя открыть истиннаго виновника, велѣлъ казнить многихъ изъ дворцовыхъ стражей и прислужниковъ юнаго Димитрія; инымъ отрубили голову, другихъ побросали въ воду, или предали пыткѣ, такъ что сіи невинные люди лишились жизни или здоровья 7). Между тѣмъ Годуновъ чрезъ своихъ клевретовъ поджегъ Москву во многихъ мѣстахъ и обратилъ въ пепелъ нѣсколько тысячъ домовъ по обѣимъ сторонамъ Неглинной, въ томъ предположеніи, что одна скорбь прогонитъ другую и что каждый будетъ заботиться болѣе о собственномъ несчастіи, нежели о смерти юнаго Димитрія 8). Такъ сей Царевичъ простился съ

міромъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, на 10 году. 1584-1598.
Его похоронили въ Угличѣ.

Въ 1597 году смиренный Ѳеодоръ занемогъ тяжкою болѣзнію, отъ которой онъ умеръ на другой день послѣ Богоявленія Господня 9). Когда сей Государь лежалъ на смертномъ одрѣ, Бояре приступили къ нему съ вопросомъ: »если Богу будетъ угодно отозвать тебя, Государь! отъ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставляемой безъ законнаго преемника?« Царица Ирина, сестра Правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему Государствомъ. Но умирающій Царь предложилъ оный старшему изъ Никитичей, Ѳеодору, имѣвшему на престолъ ближайшее право; Ѳеодоръ Никитичъ отказался отъ Царскаго скипетра и уступалъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ сію честь другому брату, Ивану; Иванъ третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному Князю, такъ, что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять оный, какъ послѣ увидимъ. Умирающій Царь долго передавалъ свой жезлъ изъ рукъ въ руки, лишился наконецъ терпѣнія и сказалъ: *возми же его кто хочетъ; я не въ силахъ болье держать!* Тутъ, сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрашивать себя, протянулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ 10). Царь, между тѣмъ, скон-

1598. чался; на другой день, по Русскому обычаю, его похоронили въ церкви, гдѣ погребаются Государи. Онъ царствовалъ 12 лѣтъ.

ГЛАВА II.

Царствованіе Бориса Θеодоровича Годунова.

1598—1604.

Дѣятельность Правителя и сестры его. Избраніе Годунова Царемъ. Посолъ Хана Крымскаго. Коронованіе Бориса. Попеченіе его о Государствѣ. Намѣреніе просвѣтить Россію. Благосклонность къ иноземцамъ. Густавъ, Герцогъ Шведскій. Врачи иноземные. Союзъ съ Римскимъ Императоромъ. Посолъ Турецкаго Султана. Сношенія съ разными Государями. Іоаннъ, Герцогъ Датскій, женихъ Ксеніи. Честь Ливонскимъ выходцамъ. Посольство отъ Ганзы. Строеніе городовъ. Замыселъ Богдана Бѣльскаго. Романовы.

По смерти Θеодора Іоанновича, первостепенные Вельможи начали жалѣть о своей оплошности, и досадуя на проворнаго Бориса, говорили, что сей человѣкъ, низкій родомъ, не достоинъ сидѣть на престолѣ. Но все это не помогло: Правитель былъ коронованъ на зло Русскимъ пузанамъ. При семъ случаѣ онъ и сестра его, Ирина, вдова умершаго Государя, поступили весьма хитро: Царица, призвавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ,

склонила ихъ деньгами и лестными обѣщаніями 1598.
къ убѣжденію воиновъ и граждан не избирать на Царство, если потребуется ихъ голосъ, никого, кромѣ Бориса, говоря, что онъ безпрерывно заботился о благѣ подданныхъ, правилъ Государствомъ лучше всѣхъ прежнихъ Царей, и что онъ наградитъ щедро своихъ доброжелателей. Правитель и самъ нашелъ многихъ приверженцевъ, при содѣйствіи монаховъ, разосланныхъ изъ всѣхъ монастырей въ разные города, при помощи вдовъ и сиротъ, благодарныхъ ему за рѣшеніе своихъ продолжительныхъ тяжебъ, и при усердіи Бояръ, которыхъ онъ снабжалъ деньгами, обѣщая наградить и болѣе, если изберутъ его Государемъ. Этой цѣли онъ скоро достигъ.

Въ продолженіе траура, Годуновъ пересталъ заниматься дѣлами: вездѣ открылись безпорядки; не было суда, ни расправы; все пошло къ верху дномъ. Посему, какъ скоро миновалъ шестинедѣльный (по Русскому обычаю) трауръ, находившіеся въ Москвѣ Государственные чины спѣшили избрать Царя изъ Князей и Бояръ. Среди сихъ чиновъ явился Борисъ съ жезломъ и скипетромъ, сложилъ званіе Правителя, изъявилъ радость объ освобожденіи себя отъ тяжкаго бремени, отъ заботъ безпрестанныхъ, и, казалось, весьма равнодушно смотрѣлъ на корону. Первостепенные Вельможи не могли нади-

1598. виться такому хладнокровію, не зная, что таилось въ его душѣ. Онъ вышелъ изъ собранія.

Князья, между тѣмъ, другъ за другомъ подаютъ голоса: одинъ предлагаетъ того Царемъ, другой другаго; а какъ дошла очередь до Бояръ, выступилъ изъ нихъ впередъ какой-то старецъ, понимавшій видно, *съ которой стороны дуетъ вѣтеръ*, и отъ имени Боярскаго сословія сказалъ: »Высокоименитые Князья! Дѣло сіе ка»сается не одного званія, но каждаго Россіяни»на; что опредѣлятъ всѣ чины Государственные, »не будетъ и намъ, Боярамъ, противно.« Тогда всѣ чины собрались вмѣстѣ и большинствомъ голосовъ опредѣлили: »хотя много Князей и Бо»яръ въ Государствѣ; но нѣтъ мудраго и разум»наго Царя. А какъ Борисъ Ѳеодоровичъ Году»новъ доселѣ управлялъ престоломъ лучше »всѣхъ прежнихъ Вѣнценосцевъ; то, кромѣ его, »никого другаго имѣть Царемъ не желаемъ.« Тогда-то оправдалась пословица: *гласъ Божій-гласъ народа;* кого всѣ избираютъ, тотъ и Богомъ избранъ.

Опредѣленіе чиновъ, вѣроятно, не очень понравилось Князьямъ и Боярамъ; но дѣлать было нечего; послали за Правителемъ. Сей хитрецъ однако не явился; отвергнулъ корону (такъ искусно онъ притворялся) и ушелъ въ Дѣвичій монастырь, къ сестрѣ своей, Иринѣ, съ которою желалъ онъ (такъ разгласили въ народѣ), посо-

вѣтоваться, на что ему рѣшиться, постричься 1598.
ли въ монахи, или что-либо другое сдѣлать. Клевреты же его спѣшили воспользоваться временемъ, убѣждали народъ дѣйствовать рѣшительно, и говорили, что если дозволятъ Борису принять схиму, то во всемъ Государствѣ не найдется другаго столь мудраго Правителя. »Прекратите ваши совѣщанія, завопили толпы черни къ Боярамъ, слѣдуйте за нами въ монастырь и дѣлайте дѣло.«

И такъ, въ слѣдствіе опредѣленія Государственныхъ чиновъ, знатнѣйшія Духовныя особы, Князья и Бояре, купцы и царедворцы, воины и ремесленники, отправились въ монастырь, для предложенія Правителю Царской короны; Борисъ велѣлъ имъ сказать, что трудъ ихъ напрасенъ, что онъ довольно послужилъ міру и заботился о Государствѣ; теперь желаетъ одного спокойствія. »Государь! Борисъ Ѳеодоровичъ! завопилъ народъ, сжалься, смилуйся надъ нами; »будь намъ Царемъ-Государемъ!« Долго раздавались сіи вопли; наконецъ онъ вышелъ изъ келліи; благодарилъ за честь и сказалъ, что престолъ должно предложить тѣмъ Князьямъ и Боярамъ, которые знатнѣе его родомъ. Народъ не хотѣлъ этого слышать, палъ на колѣна, кланялся въ землю, взывая и умоляя: »Государь! сжаль»ся надъ нами; будь Царемъ нашимъ!« Борисъ опять скрылся, отринувъ сію просьбу. Тутъ, по

1598. волѣ избирателей, два отрока [11] подошли къ монастырю и начали пѣть, довольно непріятнымъ голосомъ, въ надеждѣ смягчить Правителя: »Смилуйся, Государь Борисъ Ѳеодоровичъ! »если отцы наши прогнѣвали тебя своими грѣ»хами, тронься моленіемъ нашимъ: мы еще ни »въ чѣмъ невиновны; хотя ради насъ, будь Ца»ремъ! По всей землѣ Русской блуждаютъ овцы »безъ пастыря: будь нашимъ пастыремъ! Богъ »вознаградитъ тебя!« Борисъ явился опять, уже съ сестрою, и все еще упорствовалъ въ отказѣ; тогда всѣ обратились къ ней съ просьбою, сжалиться надъ блуждающими овцами и убѣдить брата. Царица, съ низкимъ поклономъ, просила его согласиться на желаніе бѣднаго народа. »Вижу, сказалъ наконецъ Борисъ, обращаясь къ собранію, что всѣ сословія рѣшились возвести меня на Царство: видно такъ угодно Богу! Но желая удостовѣриться, дѣйствительно ли на сіе есть воля Божія, прошу на нѣсколько недѣль отсрочки: между тѣмъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ пусть соберутся всѣ граждане подъ Серпуховымъ, для похода на Крымскихъ Татаръ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ.« Такъ долго Правитель отказывался отъ высокой чести, которой онъ давно добивался!

Повѣстили немедленно во всемъ Государствѣ, чтобы Россіяне къ Іюню мѣсяцу собра-

лись подъ Серпуховымъ, для встрѣчи непріятелей и для возведенія Бориса на престолъ: въ слѣдствіе сего, къ назначенному времени собралось 800.000 человѣкъ [12], вооруженныхъ копьями и саблями, луками и стрѣлами; привезли также нѣсколько сотъ исправныхъ орудій. Туда вскорѣ прибыли Персидскій и Татарскій посланники: ихъ встрѣтили пушечною пальбою и среди чистаго поля дали имъ аудіенцію. При семъ случаѣ столько тратили пороху, такое было великолѣпіе, что послы, изумленные многочисленностію войска, громомъ орудій, богатствомъ и пышностію двора, называли Бориса величайшимъ изъ владыкъ земныхъ [13]. Отправивъ ихъ въ Москву, новый Царь изъявилъ благодарность усердному народу и согласился принять корону, давъ обѣщаніе радѣть неусыпно о благоденствіи своихъ подданныхъ. Народъ пожелалъ ему всякаго благополучія, а знатнѣйшіе чины отправились съ нимъ въ столицу. 1598.

Наконецъ, 1 Сентября 1598 года, принявъ въ церкви Пресвятой Богородицы отъ Патріарха, Русскаго Первосвященника, Царскій вѣнецъ, онъ достигъ той цѣли, къ которой втайнѣ давно уже стремился. По выходѣ изъ храма, новый Царь велѣлъ бросить черни множество денегъ; низшимъ сословіямъ простилъ годовую подать; вдовамъ и сиротамъ, своимъ и чужеземнымъ, роздалъ деньги и съѣстные припасы; за-

1598. ключеннымъ въ темницахъ даровалъ свободу и вспоможеніе [14]. Сверхъ того, онъ обѣщалъ торжественно, въ теченіе 5 лѣтъ никого не казнить смертію, указавъ преступниковъ ссылать въ отдаленныя области; велѣлъ строить домы для судилищь и приказовъ; издалъ мудрые законы и постановленія. Желая истребить грубые пороки, онъ запретилъ пьянство и содержаніе питейныхъ домовъ, объявивъ, что скорѣе помилуетъ вора или убійцу, нежели того, кто, вопреки указу, осмѣлится открывать кружечный дворъ. »Пусть дома, говорилъ Борисъ, каждый ѣстъ и пьетъ, сколько хочетъ; можетъ и гостей пригласить; но никто да не дерзнетъ продавать вино Москвитянамъ; если же содержавшіе питейные домы, не имѣютъ иныхъ средствъ къ пропитанію, пусть подадутъ просьбы: они получатъ земли и помѣстья.« Плѣннымъ Нѣмцамъ онъ дозволилъ свободное Богослуженіе.

Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ образованными, Борисъ предложилъ Государственному Совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы [15]; но Попы и Монахи противились сему намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе, единонравіе; если же настанетъ разноязычіе, — поселится раздоръ и

прежнее согласіе изчезнетъ. Борисъ оставилъ 1598.
свое намѣреніе; однакожъ послалъ въ чужія земли, для образованія, 18 молодыхъ Дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ; но только одинъ возвратился въ Россію, именно Димитрій, данный Шведскимъ Королемъ въ переводчики Понту Делагарди. Прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего Отечества 16). Лифляндскимъ купцамъ изъ Дерпта, Нарвы и Феллина, плѣненнымъ за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, Борисъ дозволилъ ѣздить внутри Государства, отправляться за границу, промышлять и торговать гдѣ хотѣли, чѣмъ угодно; далъ имъ изъ Царской казны въ ссуду, безъ пошлинъ и процентовъ, иному 300, другому 400 рублей 17), на безсрочное время, доколѣ самъ не потребуетъ занятой ими суммы (чего однакожъ и доселѣ не случилось). Все это дѣлалось съ намѣреніемъ прослыть вездѣ *Благотворителемъ.* Впрочемъ каждый изъ сихъ купцевъ обязался клятвою не оставлять Россіи навсегда безъ дозволенія, никого не увозить за границу и не распускать худой молвы о Государѣ.

Въ 1599 году, узнавъ, что Густавъ, Герцогъ Шведскій, сынъ Короля Эриха, (въ молодости путешествовавшій въ Германіи по желанію своей матери), живетъ въ Ригѣ весьма скудно, почти безъ всякой прислуги, Борисъ хотѣлъ явить

1599. ему Царское великодушіе и приглашалъ его къ себѣ чрезъ посла, но тайно; приказалъ великолѣпно встрѣтить его на границѣ, поднести Царскіе дары и предложить къ его услугамъ всѣ силы Россіи, если онъ хочетъ отмстить вѣроломнымъ Шведамъ и желаетъ овладѣть отцовскимъ престоломъ: Царь задумалъ выдать за него единородную дочь свою. Герцогъ не принялъ вспоможенія, объявивъ, что скорѣе самъ погибнетъ, нежели согласится опустошать Отечество и губить народъ; говорилъ много и другихъ неумѣстныхъ словъ, изъ коихъ было видно, что онъ или слишкомъ заучился, или чрезъ мѣру сокрушался. Ему, сверхъ того, не хотѣлось разстаться съ своею любовницею, замужнею женщиною, бѣжавшею съ нимъ изъ Данцига. Симъ онъ навлекъ на себя презрѣніе Его Величества и не могъ уже получить руку Царской дочери. Впрочемъ Борисъ далъ ему Угличъ, гдѣ онъ получалъ приличное содержаніе. Густавъ умеръ въ царствованіе Василія Шуйскаго, и предъ кончиною жаловался на любовницу, которую называлъ виною всѣхъ своихъ бѣдствій. Нѣмецкій Пасторъ Леве, изъ Нейштата, похоронилъ его 22 Февраля 1607 года, въ Кашинскомъ монастырѣ Димитрія Солунскаго [18]).

Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько аптекарей и докторовъ Медицины. Сверхъ того, по желанію Царя, Англійскій

посланникъ уступилъ ему своего собственнаго 1600.
медика, родомъ Баварца, Христофора Рейтлинге-
ра, врача весьма искуснаго, знавшаго разные
языки [19]. Доктора же, прибывшіе въ Россію
изъ Германіи, были: Давидъ Васмеръ, Генрихъ
Шредеръ (изъ Любека), Іоаннъ Гилькенъ (изъ
Риги), Каспаръ Фидлеръ (изъ Кенигсберга), да
студентъ Медицины, Эразмъ Бенскій изъ Пра-
ги. Всѣ они должны были пользовать только
Государя, не смѣя лечить никого изъ посторон-
нихъ; самый знатнѣйшій Бояринъ не иначе по-
лучалъ отъ нихъ пособіе, какъ съ дозволенія
Его Величества. Опредѣливъ имъ по 200 руб-
лей годоваго жалованья, Царь велѣлъ давать
каждому изъ нихъ ежемѣсячно немолотый хлѣбъ
для всего дома, по 60 возовъ дровъ и по 1 боч-
кѣ пива; ежедневно по 1 штофу водки и уксу-
са; чрезъ два дни значительную часть свинаго
сала, ко всякому обѣду присылалъ съ Царскаго
стола въ подачу по три и четыре блюда прево-
сходнаго кушанья (блюда же были столь огром-
ны, что самый сильный человѣкъ едва могъ не-
сти одно изъ нихъ); давалъ, кромѣ того, по 12
и по 14 рублей деньгами, и по окончаніи мѣ-
сяца, свѣжій харчъ, для вседневнаго употребле-
нія; подарилъ имъ изъ собственной конюшни
по 5 лошадей, (на коихъ отпускалось ежемѣсяч-
но столько овса, сѣна и соломы, что легко мож-
но было прокормить и семь лошадей); по хо-

1600. рошей верховой лошади для ѣзды лѣтнею порою въ дворцовую аптеку, по другой для употребленія зимою въ саняхъ, по двѣ каретныхъ къ услугамъ ихъ женъ, когда онѣ отправлялись въ церковь, и по одной ломовой для домашней работы. Въ заключеніе, пожаловалъ каждому по 30 и по 40 душъ крестьянъ. Если случалось Царю принимать лекарство и оно помогало, то каждый Докторъ получалъ кусокъ бархата или камки на кафтанъ и нѣсколько дорогихъ соболей; не оставались они безъ хорошаго подарка, если, съ дозволенія Царскаго, успѣшно пользовали какого нибудь знатнаго Боярина. Однимъ словомъ, они были въ такой чести, что сами казались Князьями и Боярами. Государь нерѣдко разсуждалъ съ ними о важныхъ предметахъ, особенно о дѣлахъ Религіи, и просилъ ихъ не забывать въ молитвахъ о благѣ души его. Они имѣли все, кромѣ церкви; наконецъ Борисъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ выстроить храмъ Лютеранскій въ Нѣмецкой слободѣ, разстояніемъ отъ Москвы на четверть мили. Они собрали значительную сумму (самый бѣдный Нѣмецъ не скупился пожертвовать частію своего имущества), и выстроили въ честь Бога такую церковь, что Борисъ предпочелъ ее своимъ — Рускимъ, похоронивъ въ оной брата Короля Датскаго, Герцога Іоанна [20]; при семъ случаѣ онъ велѣлъ построить надъ храмомъ колокольню,

гдѣ звонили въ воспоминаніе о покойномъ Принцѣ и его единоземцахъ, умершихъ въ Россіи. 1600.

Складочная сумма была столь значительна, что Нѣмецкіе прихожане, воздвигнувъ Божій храмъ, могли на остатки оной содержать, кромѣ прежнихъ Пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана изъ Вестфаліи и Студента Мартина Бера изъ Нейштата: оба они, прибывъ въ Россію 1600 года, не жалѣли трудовъ своихъ на ученіе и дѣла богоугодныя; въ скоромъ времени составился хоръ изъ 6, 7 и 8 человѣкъ, въ коемъ и господа Медики участвовать не стыдились. Нѣмцы плакали отъ умиленія, что дожили въ Москвѣ, по милости Божіей, до столь счастливаго времени.

Въ самомъ началѣ своего правленія, Борисъ заключилъ союзъ съ Римскимъ Императоромъ, Рудольфомъ, и отправивъ Его Величеству въ подарокъ, на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, дорогіе мѣха черно-лисьи, куньи, собольи, изъявилъ готовность выставить 10,000 воиновъ противъ Турковъ на помощь Христіанамъ. Въ то же время Султанъ Турецкій, прислалъ въ Москву своего посла, съ весьма значительными дарами, предлагая дружбу и миръ Борису Ѳеодоровичу. Царь не принялъ даровъ и отвѣчалъ Султану, что не хочетъ быть другомъ закоренѣлому врагу Христіанства, непріятелю любезнаго

1600. брата своего, Императора Римскаго, что во всю жизнь свою не примирится съ Турками и будетъ вредить имъ, сколько силъ достанетъ. Вмѣстѣ съ симъ отправилъ Султану свиную шкуру для шубы и большой кожаный мѣшокъ, обтянутый серебряною парчею, туго набитый свинымъ навозомъ. Съ тѣхъ поръ ни одинъ Турецкій посолъ въ Москвѣ не являлся [21]).

Кромѣ сего, Борисъ Ѳеодоровичъ заключилъ вѣчный миръ съ Королемъ Шведскимъ, перемиріе на 21 годъ съ Королемъ Польскимъ, далъ слово не воевать съ Татарами и сдѣлался другомъ нынѣ царствующему Королю Датскому, рѣшившись отдать за Королевскаго брата, Герцога Іоанна, единородную дочь свою. Герцогъ прибылъ въ Москву; но чрезъ шесть недѣль по пріѣздѣ, умеръ горячкою. Его похоронили, какъ выше сказано, въ Нѣмецкой церкви съ приличнымъ великолѣпіемъ; до сихъ поръ уцѣлѣла гробница, гдѣ покоятся его бренные остатки, хотя церковь и сожжена была вторымъ Димитріемъ; имущество Герцога, привезенное имъ изъ Отечества, также и Царскіе подарки, все было послано въ Данію, вмѣстѣ съ находившимися при немъ господами и служителями, коихъ Царь наградилъ щедро, не забывъ и послѣдняго конюха.

4 Октября 1601 года, Борисъ принялъ подъ свое покровительство многихъ Ливонцевъ,

покинувшихъ родину по слѣдующимъ причинамъ: 1601.
Ливонія издревле зависѣла отъ Польши; потомъ бывъ оставлена Поляками на произволъ судьбы, она подпала власти Шведскаго Герцога Карла, который почти всю ее покорилъ; когда же счастіе ему измѣнило, и Поляки снова овладѣли сею страною, разбивъ Шведовъ при Эларѣ и Кокенгаузенѣ; тогда многіе честные люди, бросивъ свои помѣстья, искали убѣжища, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, въ крѣпостяхъ Сесвегенѣ, Маріенбургѣ и Киріенбургѣ [22]. Но какъ сіи ветхіе замки, лишенные войска, не могли оградить ихъ отъ злобы непріятелей; то 35 Ливонскихъ дворянъ и гражданъ отправились въ крѣпость Нейгаузенъ, находившуюся близъ Русской границы, въ надеждѣ найти пристанище и защиту отъ преслѣдовавшихъ Поляковъ.

Комендантъ оной, Ливонскій дворянинъ Отто Фитингофъ, возведенный въ сіе достоинство Герцогомъ Карломъ, не хотѣлъ принять изгнанниковъ, подъ предлогомъ, что въ крѣпости была тѣснота, хотя вскорѣ послѣ того для Поляковъ нашлось довольно мѣста. И такъ, по милости этого Коменданта, бѣдные странники должны были перейти на Русскую сторону и искать прибѣжища въ Печорскомъ монастырѣ [23]. Игуменъ, извѣстивъ о семъ Царя Бориса Θеодоровича, испрашивалъ повелѣнія, что дѣлать съ пришельцами: оставить ли ихъ въ покоѣ, или

1601. прогнать за границу? Царь велѣлъ немедленно дать имъ убѣжище, объявить свое благоволеніе, увѣрить ихъ въ своемъ участіи къ бѣдственной судьбѣ ихъ, угостить въ монастырѣ отъ своего имени и предложить, не угодно ли будетъ имъ отправиться въ Москву, гдѣ онъ дастъ имъ втрое болѣе того, что они потеряли въ Ливоніи. Игуменъ исполнилъ сіе приказаніе въ точности. Только Ливонцы не желали ѣхать въ Москву: они любили свободу и не хотѣли быть рабами; посему, изъявивъ признательность за Царскую милость, за Христіанское состраданіе и великодушныя щедроты Его Величества, просили одного убѣжища на краткое время и остались близъ монастыря въ одной деревнѣ, гдѣ было ихъ пристанище.

Въ слѣдующіе дни, посѣтили ихъ Бояре и Монахи, которые совѣтовали имъ отправиться въ Москву, увѣряя, что они, по милости Царя, не будутъ раскаяваться. Однакожъ ни одинъ Нѣмецъ на сіе предложеніе не согласился. Чрезъ нѣсколько дней, пришелъ къ нимъ изъ монастыря переводчикъ, природный Россіянинъ, знавшій языкъ Нѣмецкій, коему научился онъ въ Швеціи, гдѣ былъ прежде въ плѣну. Сей человѣкъ, воспоминая съ благодарностію одолженіе Нѣмцевъ и стараясь самъ оказать имъ услугу, съ своей стороны убѣждалъ Ливонцевъ не отвергать Царскаго предложенія, говоря, что

война Шведовъ съ Поляками не скоро можетъ 1601.
прекратиться, что презирая милость Государя, странники навлекутъ на себя его негодованіе, исполнивъ же его волю, будутъ счастливы; къ сему открылъ имъ, по довѣренности, что Игуменъ и Печорскіе дворяне получили Царское повелѣніе слѣдующаго содержанія: просить Нѣмцевъ неотступно ѣхать въ столицу; если же они на сіе не согласятся, не отпускать ихъ въ Отечество, задержать какъ лазутчиковъ и прислать въ Москву скованныхъ. Сіи слова привели въ удивленіе бѣдныхъ людей; они весьма сокрушались и проклинали Фитингофа, который не принялъ ихъ въ крѣпость, а Поляковъ между тѣмъ впустилъ. »Не было намъ мѣста въ Ливоніи, думали они; еще тѣснѣе будетъ въ Россіи, гдѣ иностранцы или навсегда должны оставаться, или испытать всю тяжесть Царскаго гнѣва.« Наконецъ посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они рѣшились изъ двухъ золъ избрать меньшее: объявили Игумену, что согласны ѣхать въ Москву, если только не будутъ считать ихъ плѣнниками. Игуменъ старался ихъ утѣшить, совѣтовалъ не думать ничего дурнаго и поклялся Христомъ Богомъ, что они не встрѣтятъ никакой непріятности.

Успокоенные нѣсколько сею клятвою, унылые Нѣмцы явились въ монастырь, гдѣ Игуменъ и Монахи говорили имъ привѣтствіе Царскимъ

1601. именемъ; помѣстили ихъ на постоялом дворѣ и содержали иждивеніемъ Государя такъ, что никто изъ нихъ не истратилъ ни гроша, какъ въ сей обители, такъ и во время пути чрезъ Псковъ, Новгородъ, Тверь и другіе города; ежедневно давалось имъ столько вина, пива, меду, кушанья рыбнаго и мяснаго, варенаго и жаренаго, что всего было вдоволь и въ излишествѣ. Псковскій Воевода Андрей Васильевичъ Трубацъ, провождаемый всѣми гражданами, встрѣтилъ Нѣмцевъ съ особенною почестію; спрашивалъ, кого какъ зовутъ, не исключая ни женъ, ни дѣтей, ни служителей, какого кто званія, чего лишился въ Отечествѣ, и сдѣлавъ всему вѣдомость, послалъ оную впередъ къ своему Государю. Потомъ угощалъ ихъ истинно по-Царски 8 дней сряду; совѣтовалъ имъ продать своихъ лошадей и взять вырученныя деньги себѣ, говоря, что для нихъ довольно у Царя подводъ; сверхъ того, одарилъ ихъ шубами. И такъ, во имя Божіе, они отправились въ Москву на казенныхъ подводахъ и благополучно прибыли въ сію столицу 21 Ноября.

Царь велѣлъ немедленно отвести имъ Боярскіе домы, недалеко отъ Дворца на Арбатѣ, и снабдить ихъ всемъ необходимымъ для хозяйства: дровами, рыбою, мясомъ, солью, масломъ, сыромъ, виномъ, пивомъ, медомъ, хлѣбомъ.

Сверхъ того, каждому дому назначенъ былъ Приставъ для разныхъ покупокъ. 1604.

23 Декабря, Нѣмцы получили приказаніе нарядиться въ лучшее платье, для представленія Государю на другой день по утру. Многіе изъ нихъ желали отказаться отъ сей чести, говоря, что не смѣютъ предстать предъ Его Величество въ своей бѣдной одеждѣ; но Царь велѣлъ имъ сказать, что имъ нѣчего стыдиться, что онъ желаетъ видѣть ихъ, а не платье, и что пріѣхавъ къ нему, по его высокому приглашенію, они получатъ все нужное съ избыткомъ.

24 Декабря, Нѣмцы явились во Дворецъ: Государь сидѣлъ съ своимъ сыномъ въ пріемной залѣ. Его окружали Князья и Бояре, въ парчевыхъ платьяхъ, украшенные золотыми цѣпями и дорогими каменьями. Потолокъ, стѣны и полъ были обиты дорогими коврами Турецкими. Нѣмцевъ подводили къ Государю по старшинству лѣтъ: сперва старыхъ, потомъ среднихъ, напослѣдокъ молодыхъ. Они кланялись ему и сыну его по своему обычаю. Царь сказалъ имъ чрезъ переводчика: »поздравляю васъ, чужеземцы, вѣрноподданные Римскаго Императора, и васъ, Нѣмцы изъ Ливоніи и Шведскаго Королевства! съ прибытіемъ въ мое Государство; радуюсь благополучію вашего путешествія; меня трогаетъ несчастіе, которое принудило васъ покинуть родину и собственность;

1601. вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ Отечествѣ. Васъ, Дворяне! я сдѣлаю Князьями; васъ, Граждане! Боярами; ваши жены и въ моемъ Царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работниками; одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наполню пустые кошельки ваши деньгами; я вамъ не Царь, не Господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не станетъ судить и рядить вашихъ споровъ. Дарую вамъ свободу въ обрядахъ Богослуженія. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не измѣнять ни мнѣ, ни сыну моему; не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ; не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ; не посягать на мою жизнь ни ядомъ, ни чародѣйствомъ: тогда получите такую награду, что объ ней будетъ говорить вся Римская Имперія!«

Ливонскій дворянинъ Детлефъ фонъ Тизенгаузенъ, мужъ весьма краснорѣчивый, произнесъ отъ имени всѣхъ Нѣмцевъ краткую рѣчь, въ коей благодарилъ Царя за милостивое, отеческое предложеніе, и клялся, что всѣ они будутъ до гроба вѣрны Отцу своему, Государю Всероссійскому. Царь отвѣтствовалъ: »Молитесь, »Нѣмцы! Богу о моемъ здоровьи; пока я живъ, »вы не будете ни въ чемъ нуждаться,« и указавъ на жемчужное ожерелье свое, примолвилъ:

»и симъ подѣлюсь съ вами.« Потомъ протянулъ 1601.
къ нимъ руку съ жезломъ и дозволилъ каждому цѣловать ее; Царевичъ также всѣхъ допустилъ къ своей рукѣ. За симъ Государь пригласилъ ихъ къ обѣду.

Русскіе господа удалились изъ залы; остались только Царскіе Совѣтники; внесли столъ и поставили оный прямо противъ Государя и сына его. Пожилые и знатнѣйшіе изъ Нѣмцевъ должны были занять мѣста такъ, что Царь всѣхъ ихъ хорошо могъ видѣть; а младшіе сидѣли къ нему спиной. Всѣмъ прислуживали Бояре. На столѣ, покрытомъ скатертью, находился бѣлый, вкусный хлѣбъ, съ солью въ серебряныхъ солонкахъ. Пиръ начался такимъ образомъ: въ первой ношѣ подано было столь много блюдъ, что на столѣ, при всей обширности его, не осталось почти мѣста, гдѣ было бы можно положить кусокъ хлѣба. Носили кушанья до самого вечера. Много было всякого сорта пива, меду и винъ иностранныхъ. Царь поставилъ первое блюдо противъ себя и отвѣдавъ оное, сказалъ: »приглашаю васъ, любезные Нѣмцы! на мою »Царскую хлѣбъ-соль.« »Даруй, Господи! здравіе и благоденствіе Царю, отцу нашему!« отвѣчали они почтительно, вставъ съ своихъ мѣстъ и благословляя Царскую трапезу: такимъ же образомъ привѣтствовалъ онъ Нѣмцевъ при первомъ покалѣ, назвалъ каждого по имени и при-

1601. молвилъ: »пью за ваше здоровье; слѣдуйте мо»ему примѣру!« Бояре старались напоить гостей; но гости хотѣли быть умѣренными, узнавъ отъ Приставовъ, что Царь любилъ трезвость и ненавидѣлъ пьянство. Царь, замѣтивъ сіе, разсмѣялся и спрашивалъ ихъ, почему они не веселятся и не пьютъ за здоровье другъ друга, какъ у нихъ водится? Когда Нѣмцы отвѣчали, что они, благоговѣя предъ Его Величествомъ, не смѣютъ предаваться шумному веселію, и что предъ лицемъ его должно быть трезвымъ,—онъ возразилъ: »Я васъ потчиваю, какъ »хозяинъ; веселитесь, какъ угодно, не опасаясь »нареканія; пейте за мое здоровье! Лошади го»товы: когда настанетъ время, васъ отвезутъ не»вредимо.» Сказавъ сіе, Государь всталъ, чтобы итти къ Царицѣ; для гостей же велѣлъ принести напитки въ серебряныхъ бочкахъ съ золотыми обручами, и поручилъ Боярамъ употчивать ихъ такъ, чтобы они забыли всѣ житейскія горести: воля Царская была исполнена, и Нѣмцы большою частію не знали, какъ домой добрались.

28 Декабря, ихъ призвали въ Розрядъ (Государственную Канцелярію) и раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, коимъ объявили, что Царь, Отецъ ихъ, благоволилъ осчастливить каждаго изъ нихъ своею милостію: сверхъ ежемѣсячнаго содержа-

нія, жалуетъ имъ по 50 рублей въ подарокъ, 1601.
по Венгерскому кафтану изъ золотой парчи, по
куску чернаго бархата, по связкѣ дорогихъ со-
болей, для приличной одежды; да по 50 руб-
лей годоваго жалованья и по 800 четвертей зем-
ли съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомствен-
ное владѣніе [24]). Все это они получили на дру-
гой день. Ко второй статьѣ причислены были
дворяне среднихъ лѣтъ; каждому изъ нихъ по-
жаловалъ Государь: 30 рублей въ подарокъ, 30
рублей годоваго оклада, кусокъ красной кам-
ки, 40 соболей, парчевой кафтанъ и 500 чет-
вертей земли съ 50 крестьянами. Въ третьей
статьѣ находились молодые дворяне и заслужен-
ные воины; каждый изъ нихъ получилъ 20 ру-
блей въ подарокъ, столько же въ годовой ок-
ладъ, кусокъ простаго бархату и кармазину, 40
соболей и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвер-
тая состояла изъ молодыхъ людей, большею
частію, изъ слугъ; каждому изъ нихъ дано было
15 рублей въ подарокъ, столько же на жало-
ванье, кусокъ кармазину и желтой камки, не
большая связка соболей и 300 четвертей съ 20
крестьянами.

Вмѣстѣ съ симъ объявлено было всѣмъ
Нѣмцамъ, что послѣ такой награды, Царь
имѣетъ право требовать отъ нихъ обязатель-
ства быть готовыми на войну съ врагами, если
онъ ихъ потребуетъ. Такимъ образомъ, по ми-

1602. лости Бориса Θеодоровича, иной бѣднякъ въ короткое время сдѣлался богачемъ; Нѣмцы, до сихъ поръ угнетенные горестію, не помнили себя отъ радости и прославляли великодушіе Русскаго Государя.

Въ 1602 году прибыло въ Россію посольство отъ города Любека, состоявшее изъ Бургомистра Конрада Гермерса, Ратсгера Генриха Керхринга и Секретаря Іоанна Брамбахія, съ просьбою отъ имени всей Ганзы даровать ей полную свободу въ торговлѣ съ Россіею, возобновить старинныя привиллегіи купцевъ Ганзейскихъ и возстановить въ Москвѣ прежнюю ихъ контору. Борисъ Θеодоровичъ отвѣчалъ сему посольству, что съ Ганзою онъ не хочетъ имѣть никакого дѣла, ибо вовсе ея не знаетъ; съ Любекомъ же, городомъ извѣстнымъ и уже получившимъ въ Россіи значительныя торговыя выгоды, не уклоняется быть въ дружбѣ и добромъ согласіи; въ слѣдствіе сего, даетъ ему право учредить контору на прежнемъ основаніи. Столь доброе расположеніе Царя могло бы доставить Любеку важныя выгоды, если бы Россія наслаждалась спокойствіемъ [25].

Однимъ словомъ, Царь Борисъ старался управлять Государствомъ такъ, чтобы имя его славилось въ земляхъ отдаленныхъ, и чтобы Держава его процвѣтала въ мирѣ и благоденствіи. Онъ любилъ строить новые города и по-

правлять старые: обвелъ Москву бѣлою камен- 1602.
ною стѣною, а Смоленскъ весьма высокою и крѣпкою, въ 23 фута толщиною; построилъ, сверхъ того, на южной границѣ, для защиты отъ Татарскихъ набѣговъ, двѣ крѣпости, изъ коихъ одну назвалъ своимъ именемъ Борисоградомъ, а другую, во имя всѣхъ Царей, Царевымъ городомъ 26). При всемъ томъ Богъ не благословилъ правленія сего Государя, потому, что онъ достигъ престола коварствомъ и злодѣяніемъ. Небесное правосудіе жестоко наказало его, воздавъ ему по дѣламъ; все семейство его погибло.

Жестокій врагъ Нѣмцевъ, Богданъ Бельскій, виновникъ многихъ неистовыхъ дѣлъ Царя Іоанна Васильевича 27), первый возмутилъ спокойствіе Годунова: посланный имъ Государемъ на Татарскую границу, для надзора надъ строеніемъ Борисограда, Бѣльскій исполнилъ Царское порученіе; но достроивъ крѣпость, объявилъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ есть Царь Московскій, а онъ Борисоградскій. Впрочемъ сей измѣнникъ не долго величался пышнымъ титуломъ: Борисъ велѣлъ привезти его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не Государю, а гнусному бунтовщику, и который Богдану былъ весьма кстати. Помня клятву—въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить смертію, Царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ описать

1602. все его имѣніе, отпустилъ всѣхъ крѣпостныхъ людей его на волю, съ правомъ служить кому хотятъ, и приказалъ своему Капитану, Шотландцу Габріелю, бывшему, до пріѣзда вышесказанныхъ докторовъ, Лейбъ-медикомъ, вырвать у самодѣльнаго Царя, Богдана, длинную густую бороду; послѣ чего сослалъ его въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за Царя [28].

По усмиреніи сего крамольника, явились другіе злоножелатели Борису; то были четыре брата Никитичи, которые, какъ выше сказано, по смерти Царя Өеодора, могли бы взойти на престолъ, если бы не отказались отъ скипетра и не упустили его изъ рукъ своихъ. Они были раздражены поступками Царя съ Богданомъ Бѣльскимъ; однако таили свою злобу и всегда казались покорными; между тѣмъ наученные неудачею Бѣльскаго, замышляли инымъ средствомъ избавиться отъ Бориса—отравою. Собственные ихъ слуги открыли сей умыселъ: Никитичи лишились всего, что имѣли, и были сосланы подобно первому измѣннику [29].

Послѣ сего происшествія, Царь сдѣлался весьма остороженъ: бережно употреблялъ пищу, и для своей безопасности учредилъ тѣлохранителей изъ нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ: они должны были оберегать его во Дворцѣ днемъ и ночью и провождать всюду, даже въ церковь.

Однимъ словомъ онъ велъ такую жизнь, что 1602.
Бояре не могли вредить ему ни ядомъ, ни желѣзомъ. Тогда злоумышленники, оставивъ прежнее оружіе—убійство и отраву, прибѣгнули къ другому: коварству; а исполнителемъ своего замысла избрали настоящаго Демона, при помощи коего совершили чудеса. — Справедливо говоритъ одинъ писатель: »И самъ Стигійскій Плутонъ не отважится на то, что сдѣлаетъ неутомимый Чернецъ и коварная старуха 30).«

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Бориса Годунова.

1604—1605.

Отрепьевъ. Явленіе Самозванца. Князь Вишневецкій. Письмо къ нему отъ Годунова. Донесеніе Тирфельда. Волненіе Казаковъ. Неудача Степана Годунова. Недоумѣніе Борисово. Страшный голодъ. Цесарскій посолъ въ Москвѣ. Знаменія. Развратъ вѣка. Царскій Астрологъ. Осада Путивля Самозванцемъ. Ополченіе Борисово. Мужество Басманова. Сраженіе Добрыницкое. Маржеретъ. Измѣна Бояръ. Осада Кромъ. Атаманъ Корела. Кончина Годунова.

Былъ въ одномъ Русскомъ монастырѣ Монахъ, именемъ Гришка Отрепьевъ. Зная хорошо всѣ произшествія своего Отечества, онъ вмѣстѣ

1602. съ крамольниками распускалъ о Борисѣ худую славу: но вдругъ бѣжалъ изъ монастыря, оставилъ Россію, достигъ береговъ Борисѳена, нашелъ въ Бѣлоруссіи какого-то благороднаго юношу (то былъ побочный сынъ Стефана Баторія, какъ открыли мнѣ, по довѣренности, Польскіе Вельможи) и далъ ему нужныя наставленія для своего умысла: уговорилъ его сдѣлаться слугою Князя Адама Вишневецкаго и потомъ, при удобномъ случаѣ, открыть сему Вельможѣ съ притворною горестію, будто бы ему, еще младенцу, приготовлена была насильственная смерть [31]). Послѣ сего Отрепьевъ возвратился въ Россію; пришелъ въ землю Казаковъ и началъ тамъ разглашать, что у Князя Адама Вишневецкаго живетъ въ великой чести законный Наслѣдникъ Русскаго престола, Димитрій Іоанновичъ, котораго Борисъ хотѣлъ умертвить въ Угличѣ. Распустивъ сію молву, Отрепьевъ проситъ, убѣждаетъ Казаковъ подать помощь Царевичу и сулитъ имъ знатную награду; убѣжденія этого дьявольскаго Монаха не остались безъ дѣйствія, какъ вскорѣ увидимъ [32]).

Наученный имъ юноша, мнимый Димитрій, исправно служилъ Князю Вишневецкому, въ званіи камердинера [33]). Случилось ему однажды, въ банѣ, подать своему господину не то, что было нужно. Князь далъ ему пощечину и примолвилъ: Curvin sin. Жестоко обиженный слуга

со слезами говоритъ Князю: »Еслибъ зналъ 1603.
»ты, Князь Адамъ! кто тебѣ служитъ; не услы-
»шалъ бы я столь обиднаго слова, да еще съ
»побоями, за такую бездѣлицу! Но дѣлать нече-
»го: я долженъ все терпѣть, назвавъ самъ себя
»слугою.» «А кто же ты? спросилъ Вишневец-
»кій, — и откуда пришелъ?» Тутъ юноша при-
знался, что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича;
разсказалъ весьма складно приключенія своего
дѣтства и умыселъ Бориса на жизнь его; от-
крылъ, какимъ образомъ онъ избавился отъ
смерти, кто спасъ его и какъ онъ странство-
валъ по Бѣлоруссіи; притомъ показалъ золотой
крестъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями,
подаренный ему, будто бы, крестнымъ отцемъ.
Всю эту сказку сочинилъ Отрепьевъ. Мнимый
Димитрій упалъ, по Русскому обычаю, въ ноги
Вишневецкому и воскликнулъ: »Предаю себя въ
»твою волю; дѣлай со мною, что угодно! Горь-
»кая жизнь не мила мнѣ. О, еслибъ ты помогъ
»мнѣ возвратить то, чего я лишился; какая на-
»града была бы тебѣ, съ Божіею помощію!«

Князь изумился; повѣрилъ всему, что ни
говорилъ скромный и красивый собою юноша;
извинялся предъ нимъ за пощечину и бранное
слово; просилъ остаться въ банѣ и подождать
его; а самъ пошелъ къ женѣ, приказавъ между
тѣмъ своимъ людямъ приготовить яства и на-
питки, для угощенія въ тотъ же вечеръ Русска-

1603. го Царя. Дивились немало всѣ домашніе столь неожиданному пріѣзду Царя Всероссійскаго. Князь велѣлъ, сверхъ того, приготовить 6 верховыхъ лошадей въ богатомъ уборѣ; конюхамъ нарядиться какъ можно лучше; заложить шестерней дорожную карету и убрать покои драгоцѣнными коврами, такъ, что никто не могъ придумать, кого ожидаетъ Князь себѣ въ гости.

Когда все было устроено, Вишневецкій возвратился въ баню съ двѣнадцатью слугами, поднесъ бывшему камердинеру богатую одежду, прислуживалъ ему при выходѣ изъ бани, предложилъ въ подарокъ запряженную карету, 6 верховыхъ лошадей, со всѣмъ уборомъ, сѣдлами, палашами, пистолетами, со всѣми находившимися при нихъ людьми, и просилъ *Его Величество* принять сію бездѣлку, изъявляя готовность служить ему всѣмъ, что имѣетъ. Юноша поблагодарилъ Князя за такое одолженіе и далъ обѣтъ вознаградить ему сторицею; великолѣпное пиршество заключило этотъ день.

Между тѣмъ, молва о Царевичѣ Димитріи, болѣе и болѣе распространяясь, достигла и до Бориса: эта новость его ужаснула. Справедливо опасался Годуновъ, чтобы враги его, Поляки, не воспользовались обманомъ на бѣду его; посему желая предупредить опасность, онъ тайно послалъ гонца къ Бѣлорусскому Князю [34] съ просьбою выдать измѣнника и обманщика, за что

обѣщалъ уступить ему нѣсколько пограничныхъ 1603.
городовъ Русскихъ; но Вишневецкій, еще болѣе убѣжденный симъ предложеніемъ, что мнимый Димитрій былъ истинный Царевичъ, спряталъ Царское письмо и отпустилъ гонца безъ отвѣта; между тѣмъ, опасаясь мести Годунова, спѣшилъ удалиться отъ Россійской границы, близъ коей находилось его помѣстье [35], въ принадлежащій ему городъ Висніовецъ: тамъ показалъ Царевичу письмо Борисово и хотѣлъ знать его мысли. Мнимый Димитрій, упавъ на колѣна, со слезами отвѣчалъ: »Богу и тебѣ извѣстно, кто »я; дѣлай со мною, что хочешь; я въ твоей вла»сти: предаю себя въ твою волю!«

Князь старался его успокоить, обѣщалъ никогда не измѣнять ему, говорилъ, что одно только опасеніе понудило его удалиться отъ Русскихъ предѣловъ; въ заключеніе просилъ Царевича остаться въ городѣ Висніовецѣ подъ защитою вѣрныхъ слугъ, объявивъ, что самъ онъ возвратится въ Бѣлорусское помѣстье, откуда извѣститъ его немедленно, если что либо провѣдаетъ о Борисѣ.

Царь, между тѣмъ, отправивъ къ Вишневецкому другое письмо, съ предложеніемъ еще выгоднѣйшимъ перваго, подослалъ нѣсколько человѣкъ, съ тайнымъ приказаніемъ застрѣлить Самозванца. Но бдительный Князь проводилъ мнимаго Царевича въ Великую Польшу, къ Вое-

1604. водѣ Сендомирскому, который принялъ его, какъ истиннаго Государя 36).

Въ Январѣ 1604 года, Іоаннъ Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому Коменданту, что несправедливо разгласили, будто бы сынъ Іоанна Мучителя былъ умерщвленъ; что онъ живъ и здоровъ, находится у Казаковъ и старается овладѣть престоломъ; въ Россіи же страшное волненіе. Посланнаго съ симъ письмомъ задержали и заключили въ Иванъ-городѣ, откуда перевезли его въ Москву. Такое письмо, какъ легко можно догадаться, не весьма обрадовало Бориса. Въ томъ же году и мѣсяцѣ, отправленный симъ Государемъ съ какимъ-то порученіемъ въ Казань и Астрахань (города, отстоящіе отъ Москвы—первый на 250, а вторый на 500 миль) дальный родственникъ Царя, Степанъ Степановичъ Годуновъ 37), встрѣтилъ шайку свирѣпыхъ Казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Отрепьева, шли къ Путивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь законному, по ихъ мнѣнію, наслѣднику Русскаго престола. Сіи Казаки напали на Степана Годунова; побили многихъ изъ его людей, остальныхъ же взяли въ плѣнъ (самъ онъ едва могъ спастися бѣгствомъ); послѣ того, послали къ Борису нѣсколько плѣнниковъ съ вѣстію, что они скоро придутъ въ Москву съ Царевичемъ Димитріемъ.

Царь, получая такія вѣсти со всѣхъ сторонъ, изъ Бѣлоруссіи, Литвы, Ливоніи, самъ началъ сомнѣваться въ убіеніи Димитрія и приказалъ развѣдать обо всемъ обстоятельно; новыя свидѣтельства въ смерти Царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелатели его, Бояре. Ослѣпленный Борисъ не могъ замѣтить, что все это было дѣломъ Небеснаго Промысла, который хотѣлъ явить ничтожность премудрости человѣческой въ сравненіи съ Божественною. Годуновъ мечталъ однимъ коварствомъ утвердить себя на престолѣ, но вскорѣ убѣдился, что козни его безсильны предъ Богомъ. При всемъ благоразуміи своемъ, ни въ одномъ предпріятіи онъ не имѣлъ желаннаго успѣха: не принесли ему никакой выгоды союзы съ иноземными Государями; безполезны были щедроты и благодѣянія, оказанныя Нѣмцамъ; никто не умѣлъ цѣнить его неусыпной заботливости, его мудрыхъ распоряженій о благоденствіи Россіи; наконецъ неимовѣрныя суммы, раздаваемыя сряду нѣсколько лѣтъ на вспоможеніе поддашнымъ, не предохранили бѣднаго народа его отъ губительнаго глада и мора. 1604.

Въ 1601 году началась неслыханная дороговизна; она продолжалась до 1604 года. Бочка ржи стоила отъ 10 до 12 гульденовъ [58]: насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іоси-

1604. ѳа Флавія, Евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ, подошвы, голубиный навозъ, и когда благородная женщина, терзаемая нестерпимымъ голодомъ, умертвивъ собственное дитя свое, изрубила его на части, сварила, сжарила и съѣла. Вотъ самое ужасное событіе изъ всѣхъ происшествій, описанныхъ Еврейскимъ Историкомъ: свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческій калъ. Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали, и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ [59].

Когда разнеслась молва о столь ужасныхъ, неслыханныхъ злодѣяніяхъ, и на улицахъ находили ежедневно трупы умершихъ отъ голода; Борисъ Ѳеодоровичъ рѣшился помощію казны своей облегчить народное бѣдствіе: приказалъ близъ самой городской стѣны, — имѣющей въ окружности 4 Нѣмецкія мили, устроить четыре ограды и раздавать тамъ каждое утро бѣднымъ жителямъ по деньгѣ (Польскій грошъ); свѣдавъ о семъ, окрестные земледѣльцы остави-

ли свои жилища и устремились въ Москву съ 1604.
женами и дѣтьми, чтобы также участвовать въ Царскомъ благодѣяніи. Такимъ образомъ раздавалось ежедневно около 50,000 денегъ (Польскихъ грошей), во все время дороговизны, ни мало впрочемъ отъ сего не уменьшавшейся [40]. Сверхъ того, по волѣ Государя, назначены были особенные люди, которые подбирали на улицахъ мертвыя тѣла, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлое полотно, обували въ красные башмаки и вывозили въ *Божій домъ* для погребенія [41]. Безъ содраганія не льзя было смотрѣть на множество труповъ, отправляемыхъ въ семъ видѣ за городъ ежедневно! До какой же степени, во время четырехлѣтней всеобщей дороговизны, казна оскудѣла отъ Царскаго милосердія, легко судить изъ слѣдующаго соображенія: самъ я слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцевъ и достовѣрныхъ сановниковъ, что въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 500,000 человѣкъ, которыхъ Его Величество при жизни кормилъ, а по смерти приказалъ одѣть и похоронить на своемъ иждивеніи [42]. Если въ одномъ городѣ была такая смертность, сколько же людей долженствовало погибнуть отъ глада и мора во всемъ Государствѣ, и чего стоило казнѣ погребеніе оныхъ? Страшенъ Божій гнѣвъ, карающій Царства и народы!

Но сколь ни очевидно было наказаніе Не-

1604. бесъ, ослѣпленный Борисъ не хотѣлъ смириться и думалъ одною казнію своею прекратить бѣдствіе. По изволенію долготерпѣливаго Бога, прибыло изъ Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ въ Русскую Нарву нѣсколько кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ, которымъ многія тысячи могли бы прокормиться; но Царь запретилъ Россіянамъ, подъ смертною казнію, оный покупать, думая, что для него было бы стыдно, если бы въ Россіи, обильной своимъ хлѣбомъ, продавался чужестранный; почему иноземные купцы, не сбывъ товара, возвратились назадъ 43). Послѣ сего, Борисъ велѣлъ освидѣтельствовать свои владѣнія: нашлись на поляхъ огромные скирды, длиною въ 1000 саженъ, болѣе полувѣка неприкосновенные и уже поросшіе деревьями. Царь приказалъ немедленно молотить ихъ, и везти хлѣбъ въ Москву и въ другіе города 44). Вездѣ отворены были Царскіе хлѣбные магазины, и нѣсколько тысячъ четвертей ежедневно продавалось за половинную цѣну; бѣднымъ же вдовамъ и сиротамъ, особливо Нѣмцамъ, отпущено было значительное количество безденежно. Князья и Бояре, исполняя Царскую волю, сжалились надъ всеобщею нуждою и дешевле обыкновеннаго продавали народу съѣстные припасы. Но къ довершенію бѣдствій, Божій Промыслъ допустилъ преступному сребролюбію овладѣть богатыми Московскими барышниками, которые, скупивъ

за малыя деньги, чрезъ бѣдныхъ людей, нѣсколько тысячъ бочекъ муки изъ Царскихъ и Княжескихъ магазиновъ, продавали оную весьма высокою цѣною: это беззаконіе продолжалось до тѣхъ поръ, когда Богъ, смягченный гибелію несчетнаго множества людей, устранилъ одно бѣдствіе—дороговизну, и послалъ другое—войну кровопролитную. 1604.

Въ Іюнѣ 1604 года прибылъ въ Россію Императорскій посланникъ, Баронъ фонъ Логау, изъ Праги, съ значительною свитою; до пріѣзда его, отдано было Царское повелѣніе, чтобы ни одинъ нищій не встрѣчался ему на пути, и чтобы всѣ рынки, которые могъ онъ видѣть, изобиловали жизненными потребностями: Борисъ хотѣлъ истребить и малѣйшій слѣдъ дороговизны. Въ Москвѣ же, всѣ Князья и Бояре, всѣ Нѣмцы, Поляки и другіе чужестранцы должны были нарядиться какъ можно великолѣпнѣе, сообразно съ Царскимъ достоинствомъ, въ одежды бархатныя, шелковыя, камчатныя, парчевыя, подъ опасеніемъ потерять годовой окладъ своего жалованья. Не одному бѣдняку пришлось покупать для сего товары вдвое дороже обыкновеннаго, и многіе нарядились въ такія платья, какихъ ни сами, ни отцы и дѣды ихъ носить никогда не воображали. Дворяне приготовили для себя свиты и кафтаны, столь богато выложенные позументомъ, что ни одинъ Князь не

1604. постыдился бы надѣть ихъ. Кто былъ пышнѣе других наряженъ, тотъ казался болѣе усерднымъ Царю слугою: ему прибавляли жалованья и помѣстьевъ. Кто же по бѣдности не могъ равняться великолѣпіемъ одежды съ своими товарищами, тому объявляли Царскій гнѣвъ и грозили уменьшить его жалованье, хотя многіе изъ такихъ Дворянъ едва имѣли насущный хлѣбъ и должны были заложить свою одежду, чтобы не умереть съ голода. Угощали посла съ роскошью удивительною: изобиліе яствъ и напитковъ, богатство одеждъ—все скрывало дороговизну, которая таилась въ однихъ сердцахъ и жилищахъ. Ни одинъ Царскій подданный не смѣлъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, расказывать кому либо изъ посольской свиты о великой нуждѣ народной: надобно было говорить, что все дешево, всего въ изобиліи. Симъ безполезнымъ высокомѣріемъ Борисъ только раздражилъ Всевышняго; Россія, терзаемая голодомъ и моромъ, испытала новое бѣдствіе: началась война.

Не задолго до этой войны, случились странныя явленія: видны были по ночамъ огненные столпы на небѣ, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, представляли сраженіе воинствъ; они свѣтили подобно мѣсяцу. Иногда восходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ: страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили на

свѣтъ множество уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ, птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его не приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно выли въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ, что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ 8 миляхъ отъ Москвы, Нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла и убивъ его привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ, разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ такое было множество ихъ, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались. Такъ въ Сентябрѣ 1604 года, недалеко отъ Дворца, убили черную лисицу, за которую одинъ купецъ заплатилъ 90 рублей. 1604.

Москвитяне смотрѣли на сіи чудныя явленія, какъ на предзнаменованія благоденствія; а Татары предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою: слова ихъ почти оправдались. Страшную же злобу собакъ и волковъ, взаимно пожиравшихъ себя, вопреки пословицѣ — *волкъ волка не ѣстъ*, — изъяснилъ одинъ Татаринъ такимъ образомъ: »Москвитяне, говорилъ онъ, измѣнятъ сами себѣ, и какъ псы, будутъ язвить и истреблять другъ друга.«

Были и другіе предвѣстники близкаго несчастія: во всѣхъ сословіяхъ воцарились раздо-

1604. ры и несогласія; никто не довѣрялъ своему ближнему; цѣны товарамъ возвысились неимовѣрно; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли. Все продавалось вдвое дороже. Другъ ссужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышавшій занятую сумму, и сверхъ того бралъ по 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не былъ выкупленъ въ опредѣленный срокъ, пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастіи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ; о нестерпимомъ, глупомъ высокомѣріи, о презрѣніи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленіи пищи и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все сіе, какъ наводненіе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ [45]. — Всевышній не могъ долѣе терпѣть; казнь была необходима: Онъ послалъ мечь и пламя.

1604 года, во второе воскресенье послѣ Сошествія Святаго Духа, въ самый полдень, явилась на небѣ комета; Россіяне смотрѣли на нее съ удивленіемъ, даже и тѣ, которые не вѣрили предзнаменованіямъ. Царь, замѣтивъ ее, призвалъ къ себѣ одного старика, пріѣхавшаго изъ Германіи за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, и спрашивалъ его мнѣнія о новой звѣздѣ, чрезъ Государственнаго Канцлера. »Богъ посылаетъ такія знаменія, отвѣчалъ сей мужъ, въ предостереженіе великихъ Государей; тамъ, гдѣ они слу-

чаются, обыкновенно бываютъ важныя перемѣны.« Почему совѣтовалъ Царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за тѣми людьми, которымъ онъ ввѣряется. »Тебѣ грозитъ великая опасность!« говорилъ старикъ. Слова его сбылись: въ Сентябрѣ того же года собралось на Русской границѣ до 6000 Казаковъ, по наущенію Монаха Отрепьева, который, увѣрилъ ихъ, какъ выше сказано, будто бы законный Русскій Царь живъ и скрывается въ Польшѣ; въ тоже время далъ знать мнимому Димитрію, что Казаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразиться за него съ Борисомъ, что самъ онъ, Отрепьевъ, съ ними и готовъ служить ему совѣтами. 1604.

Димитрій [46], уже чтимый какъ Царевичъ многими Польскими Вельможами, получилъ отъ нихъ значительное вспоможеніе и соединясь съ Казаками, имѣлъ до 8000 воиновъ. Съ этимъ отрядомъ онъ началъ свое дѣло, осадилъ Путивль и, благодаря содѣйствію проклятаго Отрепьева, овладѣлъ симъ пограничнымъ городомъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла: жители Путивля покорились ему добровольно, какъ законному Государю.

Вѣсть о семъ происшествіи ужаснула Бориса. Онъ сказалъ Князьямъ и Боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣною и крамолами стараются

1604. свергнуть его съ престола. Между тѣмъ, разослалъ гонцевъ по всему Государству съ повелѣніемъ: всѣмъ Князьямъ, Боярамъ, стрѣльцамъ, иноземцамъ, явиться къ 28 Октября въ Москву непремѣнно, угрожая отнять у ослушниковъ имѣніе и самую жизнь. На другой день разослалъ другихъ гонцевъ, а на третій—третьихъ, съ указами такого же содержанія. Въ теченіе одного мѣсяца собралось болѣе 100,000 человѣкъ: Царь послалъ ихъ, подъ начальствомъ Князя Мстиславскаго, противъ непріятеля къ Новугороду Сѣверскому, куда гнали изъ деревень прочихъ людей воинскихъ. Кто не слушался, былъ наказанъ: иныхъ лишали помѣстья, другихъ сажали въ тюрьму, или сѣкли плетьми, такъ, что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Сіи строгія мѣры принудили всѣхъ итти къ войску, которое, около Мартинова дня, состояло уже почти изъ 200,000 человѣкъ 47).

Димитрій осадилъ Новгородъ Сѣверскій, но безъ успѣха: Воевода Новгородскій, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, оборонялся упорно и много вредилъ непріятелю. Между тѣмъ, подступила главная рать Московская. Самозванецъ, оставивъ осаду, пошелъ ей на встрѣчу: оба войска сразились подъ самымъ Новымъ-городомъ. Димитрій, съ малочисленнымъ отрядомъ своимъ, бросился прямо въ средину враговъ. Битва была

упорная. Князь Мстиславскій получилъ пятнадцать ранъ, и Москвитяне потерпѣли бы навѣрное пораженіе, если бы 700 Нѣмецкихъ всадниковъ сильнымъ ударомъ не поддержали ихъ [48]. Димитрій отступилъ и удалился изъ области Сѣверской. Спаситель Новагорода, Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, прибылъ въ Москву предъ Валеріановымъ днемъ; Царь наградилъ его весьма щедро за вѣрную службу и храбрость. Высланы были ему на встрѣчу знатнѣйшіе Князья и Бояре, которые говорили привѣтствіе отъ имени Его Величества; онъ ѣхалъ по городу на Царскихъ саняхъ до самаго Дворца; провожали его такъ точно, какъ Государя. Явившись во Дворецъ къ Царю, онъ получилъ изъ собственныхъ рукъ Государя, въ награду за свою храбрость, золотое блюдо вѣсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами; сверхъ того 2000 рублей [49]; множество серебра изъ Царской казны; помѣстье съ крестьянами, достоинство Боярина и мѣсто въ Царскомъ Совѣтѣ. Народъ любилъ и уважалъ его [50]. 1604.

Въ Январѣ 1605 года, Московская рать, изъ 200,000 человѣкъ состоявшая, опять выступила противъ Димитрія и 2 Января остановилась при Добрыничахъ [51]. У Димитрія было всего на все 15,000 Поляковъ, Казаковъ и Россіянъ. Съ отрядомъ столь малочисленнымъ онъ устремляется на враговъ: Москвитяне бѣгутъ и бро-

1605. сают свои пушки. Уже вся рать Годунова казалась совершенно истребленною; но два знамя удержали побѣдоноснаго непріятеля. Однимъ изъ нихъ начальствовалъ Валтеръ фонъ Розенъ, Лифонецъ, а другимъ Яковъ Маржеретъ, Французъ. Воскликнувъ: Hilf Gott (помоги, Боже)! сіи иноземцы бросаются на побѣдителя; не даютъ ему преслѣдовать бѣгущихъ Москвитянъ, заставляютъ его бросить отнятыя у Россіянъ орудія, и въ бѣгствѣ искать спасенія. Преслѣдуя, истребляя войско Димитріево, они безпрестанно призываютъ Бога на помощь. Москвитяне, увидѣвъ торжество малочисленныхъ витязей, ободрились, ударили на враговъ, восклицая также: Hilf Gott! и цѣлыя три мили ихъ преслѣдовали, вмѣстѣ съ Нѣмцами, которымъ весьма было забавно слышать, что Россіяне такъ скоро выучились ихъ языку. При семъ случаѣ самъ Димитрій попался было въ плѣнъ: раненный въ ногу конь едва могъ вынести его; да и всѣ 15,000 воиновъ его навѣрное погибли бы до послѣдняго, если бы зложелатели Борисовы не удержали Нѣмцевъ, посылая къ нимъ гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и безполезное кровопролитіе: ибо главные виновники, по ихъ словамъ, были уже пойманы. И такъ Нѣмцы возвратились; Москвитяне полюбили ихъ, выхваляли ихъ храбрость и говорили: »Нѣмецкій »Богъ сильнѣе Русскаго; горсть Нѣмцевъ одолѣ»ла; а мы бѣжали тысячами [52].«

Димитрій съ величайшимъ трудомъ достигъ 1605.
Рыльска, и думая, что сей городъ не можетъ быть ему безопаснымъ убѣжищемъ, по малочисленности его дружины, пробрался въ Путивль, пограничную крѣпость. Несчастная битва его сокрушала; всѣ Русскіе воины его оставили, исключая нѣсколькихъ сотенъ Казаковъ, которые еще держались въ ничтожномъ гнѣздѣ—Кромахъ. Москвитяне же, послѣ побѣды, занимались казнію своихъ единовѣрцевъ, присягнувшихъ Димитрію въ Комарницкой волости [53]): они повѣсили на деревьяхъ за ноги нѣсколько тысячъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми, и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Далеко были слышны вопли сихъ несчастныхъ!

Но злодѣи Борисовы не дремали: тайно совѣтовали Димитрію не терять бодрости отъ неудачнаго сраженія, коего виною были Нѣмцы; обѣщали склонить сихъ послѣднихъ на его сторону; просили только, чтобы онъ разсылалъ по Россіи грамоты, съ доказательствами права своего на Русскій престолъ, и съ увѣщаніемъ къ народу признать его Государемъ. Димитрій слѣдовалъ сему совѣту: объявилъ подробно, сколько было ему лѣтъ, когда хотѣли его умертвить; кто замышлялъ на жизнь его; кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцемъ; какъ воспитывали его въ Бѣлоруссіи, какъ помогали ему Польскіе Вельможи, и какимъ обра-

1605. зомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ пріѣзжалъ съ Польскимъ посломъ, Великимъ Канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ видѣлъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса. Сіи грамоты, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ Государства, имѣли удачное слѣдствіе: многіе Россіяне явились въ Путивль и признали Димитрія Государемъ.

Между тѣмъ, Борисъ прислалъ Воеводамъ своимъ, стоявшимъ въ лагерѣ при Добрыничахъ, 10 тысячъ рублей, съ повелѣніемъ изъявить Нѣмцамъ свою признательность за вѣрную ихъ службу, выдать имъ полное жалованье, и сказать, что если они всегда столь же вѣрно будутъ служить ему, то получатъ прибавку годовыхъ окладовъ и помѣстьевъ, что Царь раздѣлитъ съ ними и послѣднюю рубаху; главному же Полководцу, Князю Мстиславскому, приказалъ всѣми силами осадить Кромы, взять сію крѣпость непремѣнно и истребить скопище Казачьяго Атамана Корелы 54). Многіе Вельможи однако были недовольны Царемъ за то, что онъ назначилъ Князя Катырева 55) въ товарищи Мстиславскому, еще не совсѣмъ излѣчившемуся отъ 15 ранъ, и съ нѣсколькими тысячами передались Димитрію.

Мстиславскій и товарищъ его осадили гнѣздо мятежниковъ: иноземцы сожгли деревянныя укрѣпленія онаго, такъ, что ни одного дома

не уцѣлѣло; но Казаки обвели городъ рвомъ, насыпали валъ, а подъ валомъ вырыли землянки, гдѣ скрывались, какъ мыши, отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Изъ главнаго рва они прокопали нѣсколько небольшихъ, откуда выползали на Москвитянъ и отражали ихъ приступы. Если же Москвитяне устремлялись къ городу всѣми силами, Казаки немедленно уходили въ свои норы и тамъ ожидали враговъ, которые однакожъ не осмѣливались нападать на нихъ въ семъ убѣжищѣ. — Около трехъ мѣсяцевъ войско Борисово стояло подъ Кромами, истратило множество огнестрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало; измѣна Бояръ была очевидна: присланные Димитріемъ изъ Путивля 500 Казаковъ, среди бѣлаго дня, провезли въ городъ съѣстные припасы на 100 подводахъ, пробравшись чрезъ одинъ изъ Русскихъ лагерей, такъ, что въ другомъ сего не замѣтили [56]: столь явная измѣна побудила Воеводъ немедленно донести Государю, что они въ крайней опасности, что Царская рать со дня на день уменьшается, а войско Димитріево усиливается предательствомъ Бояръ и толпами Поляковъ, что наконецъ не остается и надежды одолѣть Самозванца. Сраженный этою вѣстію, Борисъ принялъ ядъ. Утромъ 13 Апрѣля онъ былъ еще здоровъ и свѣжъ, а къ вечеру скончался [57]. На другой день его похоронили вмѣстѣ съ прочими Царями. Друзья его сокрушались не мало.

1605.

1605. Бориса постигла почти такая же участь, какую приготовилъ онъ истинному Царевичу Димитрію: и тотъ, и другой погибли насильственною смертію. Сколько ни покушались разные люди на жизнь Годунова во все время его царствованія; но онъ не имѣлъ утѣшенія умереть отъ руки непріятеля, и былъ самъ себѣ палачемъ. Грѣшная совѣсть — робкая тварь! Онъ царствовалъ слишкомъ шесть лѣтъ, съ 1 Сентября 1598 года по 13 Апрѣля 1605.

ГЛАВА IV.

Царствованіе Өеодора Борисовича.

1605.

Басмановъ — главный вождь. Измѣна войска. Вѣрность Нѣмцевъ. Мятежъ въ Красномъ селѣ. Бунтъ въ столицѣ. Заточеніе Царскаго семейства и всего рода Годуновыхъ. Бѣдствіе врачей иноземныхъ. Самозванецъ въ Серпуховѣ. Убіеніе Өеодора и матери его.

16 Апрѣля 1605 года, Петръ Өедоровичъ Басмановъ, возведенный Борисомъ, какъ выше сказано, въ достоинство Боярина, посланъ былъ подъ Кромы, на мѣсто Воеводы Мстиславскаго, котораго отозвали ко Двору, для управленія

внутренними дѣлами, въ помощь юному Госу- 1605.
дарю. Прибывъ въ Кромской станъ, Басмановъ привелъ воинство къ присягѣ новому Царю; но эту присягу Россіяне исполняли такъ точно, какъ голодный песъ наблюдаетъ постъ: не прошло и трехъ недѣль, а Воеводы со всѣмъ войскомъ уже измѣнили сыну Борисову! Это случилось 7 Мая; одни только Нѣмцы, удалившіеся въ Москву, остались вѣрными Государю, который изъявилъ имъ милость и благодарилъ ихъ предъ цѣлымъ народомъ. Воеводы же Кромскіе, большою частію, явились въ Путивль къ Димитрію и съ восхищеніемъ смотрѣли на своего новаго Царя; потомъ проводили его въ Кромы[58]. Онъ, между тѣмъ, посылалъ гонца за гонцемъ съ письмами къ Москвитянамъ, совѣтовалъ имъ одуматься заблаговременно, убѣждалъ покориться ему, какъ истинному Государю, и истребить враговъ его, Годуновыхъ, обѣщая милость въ случаѣ повиновенія и угрожая гнѣвомъ, если заставятъ его притти въ Москву съ войскомъ. Годуновы приказали схватить сихъ гонцевъ и замучить до смерти.

1 Іюня прибылъ знатный Бояринъ въ Красное село, Подмосковное Царское помѣстье, гдѣ жили богатые купцы и серебрянники, имѣвшіе въ Москвѣ друзей и родныхъ; сей Бояринъ[59] привезъ грамоту, въ коей Димитрій писалъ къ жителямъ Красносельскимъ, что онъ присылалъ

1605. и въ Красное село, и въ столицу многихъ гонцевъ, изъ коихъ ни одинъ не только не возвратился, но и въ живыхъ не остался; что не зная, народъ, или Годуновы ихъ погубили, онъ хочетъ непремѣнно открыть виновниковъ такого злодѣянія, и для сего отправляетъ послѣдняго гонца къ нимъ, Красносельцамъ, которые, какъ ему извѣстно, не имѣютъ дѣла ни съ кѣмъ изъ Годуновыхъ. »Если же и сей гонецъ не возвратится съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ, писалъ Димитрій, то знайте, что и младенцамъ въ матерней утробѣ пощады не будетъ; а если онъ привезетъ повинную отъ васъ грамоту, оставайтесь покойны: я не злопамятенъ!»

Красносельцы приняли гонца почтительно, многочисленною толпою проводили его въ Москву до главной церкви, называемой Іерусалимомъ, и возвели на Лобное мѣсто, откуда онъ читалъ грамоту къ жителямъ столицы. Граждане Московскіе и Красносельскіе, выслушавъ гонца, разсуждали, что преданность Князей, Бояръ, всего Государства Димитрію, доказываетъ неоспоримое право его на престолъ, что время подумать о собственной участи: уже Димитрій приближается съ войскомъ, противъ коего не возможно устоять; а Москва не имѣетъ людей ратныхъ; одни же Годуновы, неправедно завладѣвшіе престоломъ, не могутъ защитить гражданъ, которые должны погибнуть неминуемо, если

сами не откроютъ глазъ и не примутъ мѣръ 1605.
для собственной безопасности и для пользы всего Государства. Наконецъ опредѣлили единогласно: не огорчая и не раздражая Димитрія безполезною медленностію, послать къ нему повинную грамоту, съ раскаяніемъ въ прежнихъ поступкахъ, и молить его о милосердіи; а кровожадныхъ Годуновыхъ, заставившихъ Царевича въ бѣгствѣ искать спасенія, взять подъ стражу [60].

Между тѣмъ, прибѣгаютъ изъ Дворца преданные Годуновымъ Бояре и хотятъ схватить присланнаго Димитріемъ; но уже поздо: отъ нихъ требуютъ отвѣта, куда дѣвались прежніе гонцы? и съ симъ словомъ всѣ граждане взволновались. »Да здравствуетъ Димитрій! воскликнули они единогласно, мы были во тьмѣ кромѣшней! Красное солнце наше восходитъ!» Потомъ съ неистовствомъ бросились во Дворецъ, славили имя Димитрія и поносили Годунова со всѣмъ родомъ его такими словами, что и сказать невозможно. Никто не вспомнилъ добрыхъ дѣлъ Царя, 8 лѣтъ благотворившаго Государству; все было забыто, какъ будто ничего не бывало! Схватили вдову его, дочь его, самого сына, коему недавно присягнули, и приставили къ нимъ стражу; а прочихъ его родственниковъ раздѣли до-нага, оковали цѣпями, посадили въ навозныя телѣги, везли чрезъ пни и колоды,

1605. безъ покрова и тюфяковъ, въ ненастное время, за нѣсколько миль отъ Москвы — и бросили въ темницы. Дворы ихъ, между тѣмъ, были разграблены. Одни изъ сихъ несчастныхъ погибли еще дорогою, другіе въ темницахъ съ голоду. Надъ ними-то исполнилось изреченіе Пророка: »Въ плѣнъ увлекутся сильные, въ нуждѣ и горестяхъ погибнутъ роскошные.» Юный Царь, уже сведенный съ престола, вмѣстѣ съ матерью и сестрою былъ заключенъ въ домѣ, принадлежавшемъ покойному отцу его.

Повеселившись такимъ образомъ на счетъ Годуновыхъ, Москвитяне хотѣли попировать въ Царскихъ погребахъ, и какъ во Дворцѣ уже не было Господина, то они объявили о своемъ желаніи старому Боярину Бѣльскому, который называлъ себя крестнымъ отцемъ Димитрія. Сей Вельможа не задолго предъ тѣмъ, уже по смерти Бориса, возвратился изъ ссылки и хотя болѣе всѣхъ старался вредить Годуновымъ; однакожъ не допустилъ народа до исполненія его намѣренія, объявивъ ласково, сколь будетъ не хорошо, когда пріѣдетъ Димитрій и найдетъ погреба свои пустыми. При семъ случаѣ Бѣльскій рѣшился излить злобу на врачей Нѣмецкихъ, на коихъ онъ злился за то, что исправлявшій прежде ихъ должность врача Борисова, Капитанъ Габріель выщипалъ ему бороду по Царскому повелѣнію; этотъ докторъ давно уже умеръ, но

для Бѣльскаго было все равно: онъ шепнулъ народу, что врачи иноземные были душою и совѣтниками Бориса, получали отъ него несмѣтныя богатства и наполнили погреба свои всякими винами; что граждане могутъ попировать у нихъ и напиться какъ угодно; онъ же беретъ всю отвѣтственность на себя. Толпы черни бросились немедленно въ домы врачей, и получивъ дозволеніе повеселиться на ихъ счетъ, не токмо осушили всѣ бочки, но и самое имѣніе хозяевъ разграбили, причинивъ убытку отъ 2 до 3 тысячъ талеровъ. При семъ случаѣ многіе честные люди, вовсе посторонніе, лишились послѣдняго имущества, которое они перевезли изъ загородныхъ мѣстечекъ и спрятали въ докторскихъ домахъ, надѣясь тамъ лучше спасти оное отъ приближавшагося воинства. *Въ чужомъ пиру имъ было похмѣлье.* 1605.

3 Іюня послана Димитрію повинная грамота отъ имени всѣхъ жителей Московскихъ съ просьбою оказать имъ милость, какъ вѣрнымъ подданнымъ, и пожаловать въ Москву, гдѣ изъ всѣхъ враговъ его остался въ живыхъ одинъ молодой Ѳеодоръ съ матерью и сестрою, крѣпко стерегомый и слѣдовательно уже неопасный.

Димитрій отвѣчалъ изъ Серпухова, что онъ вступитъ въ Москву только тогда, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго, и что если Москвитяне хотятъ быть у него въ мило-

1605. сти; юный Θеодоръ и мать его должны быть преданы смерти. Сей указъ полученъ въ столицѣ 10 Іюня; его прочитали и немедленно исполнили: Θеодора и мать его удавили въ темницѣ [61]; а дочь Борисову, невѣсту Іоанна Герцога Датскаго, коему Богъ не продлилъ жизни, отвели въ Дѣвичій монастырь, откуда въ послѣдствіи взялъ ее Димитрій себѣ въ наложницы [62]. Сдѣлали два гроба: въ одинъ положили мать, въ другой сына; потомъ вырыли отца, и всѣхъ троихъ погребли на Срѣтенскомъ кладбищѣ — безъ всякихъ обрядовъ [63].

Такъ погибъ родъ Бориса Годунова, достигшій до такой степени величія, до коей не восходилъ еще никто во все время существованія Русскаго Царства. Борисъ былъ самъ виною своего бѣдствія: умертвивъ сына стараго тирана и овладѣвъ престоломъ посредствомъ хитрости и коварства, онъ воспламенилъ войну, которая низринула его. Объ немъ можно справедливо сказать: жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака. Сынъ его Θеодоръ считался Царемъ 2 мѣсяца безъ двухъ дней; коронованъ не былъ [64].

ГЛАВА V.

Царствованіе Димитрія I.

1605—1606.

Самозванецъ подъ Москвою. Преданность народа. Милость Нѣмцамъ. Вшествіе въ столицу. Свиданіе съ матерью Св. Димитрія. Свойства обманщика. Обрученіе съ Мариною. Первый поводъ къ неудовольствію. Гвардія. Капитанъ Маржеретъ. Притѣсненіе Духовенства. Неудача Шуйскаго. Воинскія потѣхи. Прибытіе Марины. Всеобщее негодованіе. Заговоръ Шуйскаго. Свадьба. Возстаніе Москвы и смерть Лжедимитрія.

Димитрій, узнавъ, что враговъ его не стало, выступилъ изъ Серпухова со всѣмъ войскомъ и расположился лагеремъ на милю отъ Москвы; здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, чтобы развѣдать, между тѣмъ, мысли народныя; Москвитяне старались доказать свою преданность и въ изъявленіе радости о благополучномъ его прибытіи, поднесли ему хлѣбъ-соль (несомнѣнное свидѣтельство глубочайшаго почтенія, по Русскому обычаю), съ напитками и богатыми дарами, состоявшими въ золотѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, жемчугѣ. Увѣренный въ покорности народа, онъ объявилъ, что все прошедшее предаетъ забвенію, что будетъ не Царемъ, а отцемъ своихъ подданныхъ, и что приложитъ неусыпное попеченіе объ ихъ благоденствіи.

1605. 20 Іюня знатнѣйшіе Вельможи поднесли Димитрію богатыя одежды, парчевыя, бархатныя, шелковыя, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, и убѣждали его принять безъ отлагательства прародительскую корону, милосердіемъ Творца такъ скоро ему возвращенную; говорили, что все для него готово, что ему нечего опасаться и печалиться, а должно веселиться; ибо тотъ, кто хотѣлъ съѣсть его, теперь не укуситъ.

Въ сей же день, всѣ Нѣмцы отправились къ Димитрію въ лагерь съ просьбою не гнѣваться на нихъ за пораженіе при Добрыничахъ, когда и долгъ присяги, и совѣсть повелѣвали имъ быть вѣрными Царю своему, Борису; нынѣ, видя на престолѣ Димитрія, они готовы съ тою же вѣрностію служить и ему. Принявъ сію челобитную, новый Царь призвалъ къ себѣ начальниковъ Нѣмецкой дружины, изъявилъ имъ не гнѣвъ, не угрозы, которыхъ они большою частію ожидали, но ласки и благоволеніе; хвалилъ ихъ за непоколебимое мужество при Добрыничахъ, гдѣ они обратили его въ бѣгство и почти всю силу его истребили; хвалилъ и за упорное сопротивленіе подъ Кромами, гдѣ они явили новый знакъ преданности Борису, не хотѣли измѣнить съ прочимъ войскомъ, и возвратились въ Москву; въ заключеніе сказалъ, что онъ будетъ доволенъ, если увидитъ отъ нихъ такую же услугу, и что

нимъ вѣритъ болѣе, нежели своимъ Русскимъ. 1605.
Потомъ спросилъ: »Кто былъ знаменоносцемъ въ Добрыніской битвѣ?» Сей немедленно явился. Димитрій, потрепавъ его по щекѣ и по груди, примолвилъ: »Сохрани насъ, Боже, отъ зла!»

Наконецъ онъ вступилъ въ Москву 65); когда кончилось шествіе и все было приведено въ порядокъ, Богданъ Бѣльскій вышелъ изъ Дворца съ нѣсколькими Князьями и Боярами, сталъ на Лобномъ мѣстѣ, произнесъ къ народу рѣчь, славилъ Бога за спасеніе Государя и убѣждалъ Москвитянъ быть вѣрными новому Царю, истинному сыну Іоанна Васильевича; потомъ снялъ съ груди своей крестъ, съ ликомъ Чудотворца Николая, поцѣловалъ оный и воскликнулъ: »Берегите и чтите своего Государя!« Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ: »Богъ да сохранитъ »Царя Государя и погубитъ всѣхъ враговъ его!«

29 Іюня, въ субботу, Димитрій короновался въ церкви Пречистой Богоматери по Русскому обычаю, съ тѣми же обрядами, о коихъ было сказано выше, по случаю вѣнчанія Годунова.

18 Іюля Димитрій послалъ нѣсколько тысячь всадниковъ въ Троицкій 66) монастырь за своею матерью, постриженною въ Инокини по волѣ Борисовой; да и самъ выѣхалъ ей на встрѣчу. Увидѣвъ другъ друга, они обнялись, изъявляя радость неописанную. Старая Царица

1605. весьма искусно представила нѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое: по крайней мѣрѣ она опять стала Царицею. Димитрій пѣшкомъ провождалъ ея карету; многіе при семъ зрѣлищѣ плакали отъ умиленія и дивились неисповѣдимымъ путямъ Божіимъ. Потомъ Царь снова сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ съ своими Вельможами, для приготовленій къ принятію Царицы. Въ послѣдствіи онъ отдѣлалъ для нея въ самомъ Кремлѣ, у воротъ Іерусалимскихъ противъ монастыря Св. Кирилла, богатые покои, которые назвалъ монастыремъ своей матери; назначилъ ей Царское содержаніе, посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ самую нѣжную почтительность. Многіе готовы были присягнуть, что онъ сынъ ея.

Не проходило дня, когда бы Царь не присутствовалъ въ Совѣтѣ, гдѣ Сенаторы докладывали ему дѣла Государственныя и подавали объ оныхъ свои мнѣнія [67]. Иногда, слушая долговременныя, безплодныя прѣнія ихъ, онъ смѣялся и говорилъ: »Столько часовъ вы разсуждаете, »и все безъ толку! Такъ я вамъ скажу, дѣло »вотъ въ чемъ!» — и въ минуту, ко всеобщему удивленію, рѣшалъ такія дѣла, надъ которыми сановитые Бояре долго ломали свои головы. Онъ владѣлъ убѣдительнымъ даромъ краснорѣчія, любилъ приводить примѣры изъ Бытописаній разныхъ народовъ, или раcказывалъ случаи соб-

ственной жизни; нерѣдко, впрочемъ всегда ла- 1605.
сково, упрекалъ господъ Сенаторовъ въ невѣжествѣ, говоря, что они ничего не видали, ничему не учились; обѣщалъ дозволить имъ посѣщать чужія земли, гдѣ могли бы они хотя нѣсколько образовать себя; велѣлъ объявить народу, что два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, будетъ самъ принимать на крыльцѣ челобитныя; а въ облегченіе бѣдняковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, предписалъ всѣмъ Приказамъ рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ. Сверхъ того, какъ Россіянамъ, такъ и чужеземцамъ, даровалъ свободу въ торговлѣ и промышленности. Отъ сихъ мѣръ, дороговизна мало по малу изчезла и обиліе водворилось въ Государствѣ. За столомъ онъ охотно слушалъ музыку и пѣніе; но отмѣнилъ многіе обряды, напримѣръ, не молился иконамъ предъ началомъ обѣда, и не умывалъ рукъ по окончаніи онаго; чему удивляясь закоренѣлые въ предразсудкахъ Москвитяне [68]), уже стали подозрѣвать, точно ли новый Царь — природный Россіянинъ? Эта мысль сокрушала ихъ. Послѣ обѣда, онъ не любилъ отдыхать, вопреки обычаю прежнихъ Царей и всѣхъ вообще Москвитянъ, а осматривалъ сокровища своей казны, посѣщалъ аптеки и лавки серебрянниковъ; для сего нерѣдко выходилъ изъ Дворца самъ-другъ и такъ тихо, что стрѣльцы, не замѣтивъ, какъ онъ вышелъ,

1605. должны были искать его. Это казалось не менѣе страннымъ: ибо въ старину, Русскіе Цари, желая быть величественнѣе, не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою Князей, которые вели ихъ подъ руки, или лучше сказать, переносили; отправляясь въ церковь, онъ ѣздилъ не въ каретѣ, а верхомъ на конѣ, и притомъ не на смирномъ; садился же на него не такъ, какъ прежніе Цари, которые становились на скамью, подставляемую двумя Боярами, и влезали на лошадь: Димитрій, взявъ одною рукою поводъ, другою едва прикасался къ сѣдлу, уже былъ на конѣ, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравниться съ нимъ въ искуствѣ и ловкости; нерѣдко онъ забавлялся конскимъ ристаніемъ, также охотою соколиною и псовою; однажды самъ убилъ огромнаго медвѣдя, котораго спустили съ цѣпи въ селѣ Тайнинскомъ, вопреки желанію Князей и Бояръ. Для сего завелъ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ. Между тѣмъ, приказавъ слить множество пушекъ и мортиръ, отправилъ ихъ въ Елецъ 69), городъ стоящій на Татарской границѣ, — намѣреваясь въ слѣдующее лѣто посѣтить враговъ Христіанства, Татаръ и Турковъ. Узнавъ о семъ предпріятіи, Татарскій Ханъ спѣшилъ удалиться въ степь изъ столицы своей, Азова. Въ Кремлѣ Димитрій построилъ для себя и будущей супруги

своей великолѣпныя палаты. Однимъ словомъ, 1605.
его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки — все доказывало, что онъ былъ совсѣмъ другой Гекторъ, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій.

Не забывая услугъ Воеводы Сендомирскаго и помня свое обѣщаніе жениться на дочери его, Маринѣ, Димитрій отправилъ къ нему для сватовства, въ Сентябрѣ 1605 года, Государственнаго Канцлера Аѳанасія Ивановича Власьева, съ богатыми для невѣсты подарками, золотыми цѣпями, кольцами, деньгами 70). Въ слѣдствіе сего, съ дозволенія Его Величества Короля и Государственныхъ чиновъ Польскихъ, совершилось торжественное обрученіе. Россіяне были весьма недовольны симъ поступкомъ: давно уже они замѣтили, что попались въ сѣти обманщика; теперь же, узнавъ о сватовствѣ Димитрія на дѣвицѣ племени поганаго (т. е. некрещенаго, невѣрнаго: такъ величаютъ они всѣхъ иноземцевъ), еще болѣе удостовѣрились, что Царь ихъ былъ не Россіянинъ. Три брата Шуйскихъ, имѣя тайныя сношенія съ Попами и Монахами во всемъ Государствѣ, затѣяли свергнуть его съ престола; но замыселъ ихъ заблаговременно открылся. Съ тѣхъ поръ Димитрій, не довѣряя Князьямъ и Боярамъ, учредилъ охранительную стражу изъ однихъ Нѣмцевъ; а въ Январѣ 1606 года, назначилъ ей трехъ Капитановъ: старшимъ изъ

1605. нихъ былъ Яковъ Маржеретъ, родомъ Французъ, человѣкъ весьма разумный, хорошо знавшій языкъ Нѣмецкій; дружина его состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ Царскимъ гербомъ; древки оныхъ, обтянутые краснымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокою, украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, производилось такое жалованье, что воины большою частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ, и вообще одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсенъ былъ Капитаномъ второй сотни Алебардщиковъ:—они имѣли алебарды съ Царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ, и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными снурками; рукава же оныхъ были изъ красной камки. Третьимъ Капитаномъ былъ Шотландецъ Албертъ Вандеманъ, прежде называвшійся Панъ-Потшицкимъ, потому, что онъ долго жилъ между Поляками. Его отрядъ состоялъ также изъ сотни Алебардщиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни, но исподнее платье и кафтаны ихъ имѣли зеленую бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки. Всѣ они, получая хорошіе оклады, не мало гордились и поднимали носъ. Эта гвардія раздѣлялась на

двѣ половины, которыя смѣнялись чрезъ сутки, 1605.
охраняя Димитрія денно и нощно. Господа Москвитяне смотрѣли на нее весьма неблагосклонно. »Очевидно, говорили они, что Царь насъ не любитъ и намъ не вѣритъ. Чего же намъ ждать, когда пріѣдетъ изъ Польши невѣста и привезетъ съ собою Поляковъ? Сколько тогда накопится иноземной сволочи!«

Димитрій вскорѣ далъ новый поводъ къ негодованію народному: онъ велѣлъ осмотрѣть монастыри, представить вѣдомость ихъ доходамъ, оцѣнить ихъ помѣстья и оставивъ изъ оныхъ только необходимое для содержанія праздныхъ Монаховъ, все прочее отобралъ въ казну на жалованье войску, готовившемуся въ походъ противъ враговъ Христіанства; сверхъ того, принудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ уступить Нѣмцамъ свои домы, находившіеся вблизи Дворца, для того, чтобы въ случаѣ надобности имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей. »*Пора за дѣло, бѣда за плечами*,« думалъ старшій изъ братьевъ Шуйскихъ, Князь Василій Ивановичъ, и спѣшилъ воспользоваться временемъ: имѣя въ Москвѣ многихъ сообщниковъ, онъ составилъ заговоръ, коего цѣлію было—до прибытія новыхъ чужеземцевъ, умертвить Царя, со всѣми людьми, ему преданными.

Но умыселъ обнаружился: многіе Священники и стрѣльцы, въ мученіяхъ пытки, при-

1605. знались, что Князь Василій Шуйскій былъ главнымъ всему виновникомъ. Попы отдѣлались одною пыткою; а стрѣльцевъ Димитрій отдалъ на произволъ ихъ товарищей, объявивъ, что только тотъ будетъ признанъ не участвующимъ въ заговорѣ, кто наложитъ руку на виновныхъ. Всѣ вѣрные стрѣльцы бросились на измѣнниковъ и, подобно псамъ, растерзали ихъ зубами, въ доказательство своей невинности 71). Начальникъ же заговора, Князь Василій Ивановичъ, по приказанію Царя, взятъ былъ подъ стражу, наказанъ плетьми и осужденъ на смерть. Его вывели на мѣсто казни, между Дворцомъ и каменными лавками; тамъ прочли смертный приговоръ; палачъ раздѣлъ осужденнаго, подвелъ его къ плахѣ, и уже готовъ былъ отсѣчь ему голову — какъ вдругъ увидѣли бѣгущаго изъ Дворца Нѣмца, который держалъ въ рукахъ Царскую грамоту и еще издали кричалъ палачу: *стой!* Онъ объявилъ, что Царь, простивъ многихъ измѣнниковъ, милуетъ и сего преступника для знатнаго рода его, требуя одного обѣщанія не замышлять новой измѣны 72).

Это неумѣстное милосердіе принесло гибельные плоды, какъ ниже увидимъ. Гораздо было бы лучше, если бы Димитрій казнилъ крамольника, уличеннаго въ явной измѣнѣ; онъ не думалъ, что тотъ, кому даровалъ жизнь, будетъ въ послѣдствіи виною его злосчастія: ему каза-

лось, что строгое наказаніе Шуйскаго, отниметъ 1605.
охоту у другихъ къ подобнымъ покушеніямъ. И такъ безстрашный Царь былъ совершенно спокоенъ. Коварные Князья и Бояре старались еще болѣе усыпить его, вели себя скромно, ничего не затѣвали, ѣздили съ Димитріемъ на охоту и участвовали во всѣхъ его забавахъ.

Въ 30 верстахъ отъ Москвы, есть обитель Вяземская: Царь велѣлъ обвести ее ледяною крѣпостью и прибылъ туда съ Нѣмецкою гвардіею, двумя отрядами Польской конницы, также со всѣми Боярами, въ намѣреніи показать имъ искусство осаждать крѣпости. Для сего конницу расположилъ въ недальномъ разстояніи отъ монастыря; Князьямъ и Боярамъ поручилъ защищать крѣпость, назначивъ одного изъ нихъ Воеводою, а самъ, предводительствуя Нѣмцами, пошелъ на приступъ; воинамъ, вмѣсто оружія, дали снѣжные комья. Въ первый день потѣха была чудесная. Только Нѣмцы переранили многихъ Бояръ, бросая въ нихъ, вмѣстѣ съ снѣгомъ, каменьями. Знали, чѣмъ взять! Царь первый ворвался въ крѣпость; за нимъ вся гвардія. Торжествуя побѣду, онъ говорилъ Коменданту ледяной крѣпости, »Дай Боже! взять со временемъ такимъ же образомъ и Азовъ.« Потомъ велѣлъ готовиться къ новой потѣхѣ; между тѣмъ, подали пива, меду, вина—и всѣ пили за общее здоровіе. Въ сіе время подходитъ къ Царю одинъ Бо-

1606. ярипъ и проситъ его оставить такія забавы: ибо, говорилъ онъ, Бояре весьма сердиты на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями; не забудь, что между Князьями и Боярами много тебѣ зложелателей; каждый изъ нихъ имѣетъ по длинному острому ножу; а у тебя съ Нѣмцами одни снѣжные комки. Не вышло бы худой шутки!« Царь одумался, прекратилъ потѣхи и возвратился въ Москву; вскорѣ узналъ онъ, что Бояре въ самомъ дѣлѣ хотѣли погубить его съ Нѣмцами, распустивъ молву, будто бы Царь далъ приказаніе Польскимъ всадникамъ и Нѣмецкимъ тѣлохранителямъ умертвить Вельможъ. Честнымъ Нѣмцамъ и въ умъ не приходило такое злодѣйство.

Около сего же времени, Димитрій, получивъ пріятную вѣсть о приближеніи своей невѣсты къ предѣламъ Россіи, немедленно отправилъ для ся путешествія 15,000 рублей, а Смоленскимъ дворянамъ предписалъ встрѣтить ее со всѣми спутниками почтительно, угостить какъ Царицу, и проводить до самаго Дорогобужа. Такое же приказаніе послалъ въ Дорогобужъ, Вязьму, Царево-Займище, Можайскъ, повелѣвая принимать невѣсту, какъ его самого. Отъ Смоленской границы вплоть до Кремля исправили дороги; на рѣкахъ построили мосты, а улицы такъ чисто вымели, что ни въ какомъ домѣ не могло быть опрятнѣе.

Между тѣмъ, какъ Царская невѣста съ от- 1606.
цемъ и братомъ праздновала въ Можайскѣ Свѣтлое Воскресеніе, Димитрій, выѣхавъ изъ столицы тайно, съ немногими людьми, изумилъ любезныхъ гостей нечаяннымъ прибытіемъ. Онъ провелъ съ ними двое сутокъ; потомъ возвратился въ Москву, и отдалъ приказаніе приготовить все нужное для ихъ встрѣчи.

На другой день Пасхи, 24 Апрѣля, пріѣхалъ въ Москву Воевода Сендомирскій, отецъ Марины: его пышно встрѣтили Князья, Бояре и стрѣльцы. А черезъ пять дней, 1 Мая, и Царская невѣста пожаловала. Димитрій, выславъ къ ней на встрѣчу весь дворъ и до 100,000 Казаковъ, Татаръ, стрѣльцевъ, въ богатѣйшихъ одеждахъ, самъ нарядился въ простое платье, выѣхалъ за городъ верхомъ и устроилъ войско по обѣимъ сторонамъ дороги; потомъ возвратился въ Кремль, приказавъ вывести 12 верховыхъ коней въ богатыхъ чепракахъ и сѣдлахъ, подъ дорогими покрывалами изъ мѣховъ рысьихъ и барсовыхъ, съ золотыми удилами, съ серебряными стременами; 12 конюховъ, въ великолѣпной одеждѣ, вели сихъ коней въ подарокъ невѣстѣ. За ними слѣдовала карета, запряженная 12 бѣлыми лошадьми, обитая внутри краснымъ бархатомъ съ парчевыми подушками, унизанными жемчугомъ. Князь Мстиславскій сказалъ невѣстѣ, отъ имени Царя, привѣтственную рѣчь, встрѣ-

1606. тилъ весьма почтительно какъ ее, такъ брата и зятя ея, со всѣми спутниками, исполняя въ точности волю своего Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ее пересѣсть въ Царскую карету и принять оную въ подарокъ. Какъ скоро Марина поднялась съ мѣста, знатнѣйшія особы взяли ее на руки съ почтеніемъ и посадили. Тогда началось шествіе: впереди было 300 гайдуковъ, которые играли на флейтахъ и били въ барабаны; за ними ѣхали Димитріевы Польскіе всадники, по 10 человѣкъ въ рядъ, съ трубами и литаврами; потомъ вели 12 вышеупомянутыхъ коней; тутъ ѣхала невѣста съ братомъ и зятемъ въ Царской каретѣ, окруженной Польскими гайдуками и знатнѣйшими Русскими сановниками. По обѣимъ сторонамъ шли 200 Нѣмецкихъ Алебардщиковъ; за каретою и Вельможами слѣдовала сотня Казаковъ; за ними четыре конюха вели двѣ богато-убранныя верховыя лошади, принадлежащія невѣстѣ Его Величества; потомъ везли карету ея, запряженную 8 конями сѣрыми, въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами. Далѣе въ каретѣ шестеркою, ѣхала Гофмейстерина, Г-жа Казановская; за нею слѣдовали одна за другою еще 13 каретъ, въ коихъ сидѣли Польки изъ невѣстиной свиты; позади ихъ находились всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Польши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ трубами и флейтами. Русская кон-

ница съ своими набатами заключала шествіе; 1606.
тамъ уже тянулся весь Польскій обозъ, съ поклажею и припасами.

Въ продолженіе всего этого дня, какъ на главныхъ воротахъ, такъ и на внутреннихъ, играли безъ умолку Московскіе музыканты. Не всѣ однако веселились: во время шествія, между Никитенкою и Кремлевскими воротами, поднялась буря, также, какъ и въ день пріѣзда Димитріева, о чемъ выше сказано: многіе считали это бѣдственнымъ предзнаменованіемъ; въ особенности пріуныли Москвитяне; они весьма неохотно принимали гостей иноземныхъ, тѣмъ болѣе, что Польскіе всадники были вооружены съ головы до ногъ. Они спрашивали знакомыхъ Нѣмцевъ: развѣ по ихъ обычаямъ въ полномъ вооруженіи пріѣзжаютъ на свадьбу? А какъ начали Поляки изъ своихъ повозокъ вынимать, между прочими вещами, по 5 и по 6 ружей; опасенія Москвитянъ еще болѣе увеличились; они ждали большой бѣды. Уже и прежде, народъ, замѣтивъ особенную милость Димитрія къ Полякамъ и Нѣмцамъ, сталъ вѣрить словамъ Шуйскаго, который, вмѣстѣ съ другими Боярами, разглашалъ, что сей Царь есть Самозванецъ; прибытіе многихъ вооруженныхъ Поляковъ дало новую пищу подозрѣнію: Москвитяне жалѣли о Борисѣ и думали, что Поляки и Нѣмцы непремѣнно ихъ перебьютъ. Шуйскій, котораго

1606. Димитрій помиловалъ себѣ на бѣду, свѣдавъ о народномъ негодованіи, созвалъ въ свой домъ единомышленныхъ Бояръ, купцевъ, сотниковъ, пятидесятниковъ, и сказалъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности; что онъ давно сіе предсказывалъ и хотѣлъ пособить горю; но Москвитяне его не поддержали, а онъ едва не потерялъ головы. Теперь они видятъ слѣдствія: Россія въ рукахъ Поляковъ. Да и самъ Димитрій Полякъ: его признали Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть Бориса, надѣясь впрочемъ найти въ юномъ героѣ защитника Вѣры и отечественныхъ обычаевъ, но всѣ жестоко обманулись: онъ любитъ только иноземцевъ; презираетъ Святыхъ, оскверняетъ храмы Чудотворца Николая и Пречистой Дѣвы Маріи, дозволивъ входить въ оные некрещенымъ Ляхамъ, да еще съ собаками; изгоняетъ Пастырей церковныхъ изъ домовъ ихъ, которые отдаетъ Латышамъ; а самъ женится на поганой Полькѣ. »Если мы, продолжалъ Шуйскій, не пріимемъ заранѣе мѣръ, то онъ надѣлаетъ намъ еще болѣе бѣдствій. Я же, для спасенія православной Вѣры, снова готовъ на все рѣшиться; только бы вы мнѣ помогали съ усердіемъ и вѣрностію неизмѣнною: каждый сотникъ долженъ объявить подчиненнымъ, что Царь есть Самозванецъ, и что онъ замышляетъ злое съ своими Поляками; пусть посовѣтуются съ граж-

данáми Московскими, какимъ образомъ отклонить бѣду. За насъ нѣсколько сотъ тысячъ, а у него только пять тысячъ Поляковъ, да и то разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ города. Стоитъ только назначить день, чтобы избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ!« Въ заключеніе Шуйскій убѣждалъ единомышленниковъ приступить къ дѣлу заблаговременно и тотчасъ его извѣстить, на что рѣшатся граждане. Народъ, уже склонный къ мятежу, охотно согласился очистить городъ православный отъ невѣрныхъ, и обѣщалъ принять сторону Шуйскаго, лишь только настанетъ часъ къ исполненію заговора. Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне долженствовали броситься во Дворецъ съ воплемъ: »Поляки губятъ Царя,«—и, окруживъ Государя, будто бы для защиты, предать его смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однако Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи. 1606.

Такъ составленъ былъ сей тайный заговоръ! Димитрій отчасти провѣдалъ о зломъ умыслѣ; но нимало не безпокоился; онъ думалъ имѣть довольно силы для усмиренія Россіянъ; а того не размыслилъ, что Поляки, разсѣянные по городу, жили далеко отъ Дворца. Онъ испыталъ это во время бунта.

1606. 8 Мая совершилось Царское бракосочетаніе; вскорѣ потомъ Царица была коронована. Наканунѣ свадьбы, Димитрій имѣлъ жаркій споръ съ своими Боярами: Поляки хотѣли нарядить невѣсту въ Польское платье, говоря, что къ иноземному она еще не привыкла; Россіяне же требовали, чтобы какъ Царь, такъ и Царица вѣнчались, по старинѣ, въ Русскомъ. Послѣ долговременнаго прѣнія, Димитрій сказалъ: »Хорошо! Я согласенъ исполнить желаніе »Бояръ и обычай народный, чтобы никто не »жаловался, будто я замышляю великія перемѣ»ны. Одинъ день ничего не значитъ!« Потомъ, убѣдивъ невѣсту надѣть Русское платье, онъ обвѣнчался съ нею въ церкви Пресвятой Богородицы 73). Но въ слѣдующій день (9 Мая), прислалъ къ супругѣ Польскую одежду, объявивъ притомъ: »Вчера я сдѣлалъ угодное народу; теперь же намѣренъ дѣйствовать по собственной волѣ.« Съ того времени Царица всегда наряжалась по-Польски. Праздновали эту свадьбу весьма весело, вдоволь ѣли и пили, пѣли и плясали; не говоря о музыкѣ инструментальной, скажу только, что вокальная состояла изъ 32 голосовъ: всѣ пѣсенники привезены были изъ Польши. Поляки, при семъ случаѣ, напились до-пьяна и возвращаясь домой, дозволяли себѣ весьма наглые поступки: рубили саблями встрѣчавшихся Москвитянъ и извлекали изъ каретъ знатныхъ

Боярынь, для удовлетворенія гнусному сладострастію. Народъ же все это бралъ на замѣчаніе. 1606.

Въ субботу, 10 Мая, Царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: ибо такую пищу Россіяне признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о семъ въ народѣ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что Царь ихъ Полякъ; но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая.

11 Мая Мартинъ Беръ, уроженецъ Нейштатскій, говорилъ во Дворцѣ, съ дозволенія Государя, первую Лютеранскую проповѣдь, для господъ Капитановъ, Докторовъ и другихъ Нѣмцевъ, коимъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу.

12 Мая разнеслась въ городѣ молва, что Димитрій измѣнилъ православію; говорили, что онъ весьма рѣдко посѣщаетъ Божіе храмы, гдѣ прежде такъ часто присутствовалъ, слѣдуетъ чуждымъ обычаямъ, ѣстъ нечистую пищу, не выпарившись ходитъ къ обѣднѣ, не кладетъ поклоновъ предъ образомъ Чудотворца Николая, послѣ свадьбы ни разу съ своею поганою женою не мылся въ банѣ, хотя она безпрестанно топится: все убѣждало народъ, что сей Царь не истинный Димитрій, и что страшная бѣда грозитъ Отечеству. Такъ говорили вслухъ на всѣхъ

1606. рынкахъ. Двое Алебардщиковъ, схвативъ одного изъ сихъ говоруновъ, привели его во Дворецъ и донесли Государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во Дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные Бояре смотрѣли на сего бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили Царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ; говорили притомъ, что Государь напрасно слушаетъ пустыя вѣсти наушниковъ Нѣмцевъ, и что у него довольно силы для усмиренія мятежа, если бы кто либо оный затѣялъ. Сіи увѣренія успокоили безстрашнаго героя; онъ не обратилъ даже вниманія на донесенія своихъ Капитановъ, которые 13, 14 и 15 Мая, увѣдомляли его о таившейся измѣнѣ; спряталъ ихъ письменные извѣты, и сказавъ: »все это ничего не значитъ!«—оставилъ изъ всей гвардіи во Дворцѣ, по прежнему, не болѣе 50 воиновъ, а прочимъ велѣлъ разойтись по домамъ и ожидать его приказанія. Но справедливо говоритъ пословица: »Чѣмъ менѣе думаемъ, тѣмъ скорѣе бѣда сбывается.« Димитрій оправдалъ изрѣченіе Св. Апостола Павла. »Егда бо рекутъ—миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство.« Царь, не вѣрившій ни предзнаменованіямъ, ни очевиднымъ свидѣтельствамъ,

былъ сраженъ измѣнниками прежде, нежели успѣлъ опомниться. 1606.

Ночью на 16 Мая, случился такой морозъ, какого еще никогда не бывало: всѣ овощи завяли. Это не предвѣщало ничего добраго.

Наконецъ 17 Мая свершился дьявольскій умыселъ, таившійся въ продолженіе цѣлаго года. Въ 3 часу по полуночи, когда Царь и Польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмѣлья; измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола, коихъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ же по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи. Народъ взволновался; нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ, схвативъ дубины, ружья, сабли, копья, кто что могъ, — бѣшенство ихъ вооружало — устремились ко Дворцу съ крикомъ: »Кто умерщвляетъ Царя?« *Поляки!* отвѣчали Бояре.

Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные Бояре отвѣчали сему Вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ Царскихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а

1606. самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться. Басмановъ видитъ весь дворъ наполненный людьми вооруженными, и спрашиваетъ, чего они хотятъ? что значитъ колокольный звонъ? Народъ завопилъ: . . . . выдай Самозванца; тогда узнаешь отвѣтъ нашъ 74)!

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ Царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: »Бѣда, Государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: за чѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!« Между тѣмъ, одинъ изъ Бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ Царскій покой и закричалъ Димитрію: »Ну, безвременный Царь! проспался ли »ты? За чѣмъ не выходишь къ народу и не »даешь ему отчета?« Вѣрный Басмановъ, схвативъ Царскій палашъ, срубилъ голову сему наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его Алебардщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго Дворянина Вильгельма Шварцгофа и грозя онымъ народу, кричалъ: *я вамъ не Борисъ* 75)! Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ Бояръ и просилъ ихъ не выдавать Государя. Татищевъ, знатный Вельможа, обругалъ его, какъ не льзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре сбро-

сили его съ крыльца, вышиною въ 12 саженъ. 1606.
Такъ погибъ за Царя сей герой, другъ и покровитель Нѣмцевъ 76)!

Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множество! Чернь вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутренніе покои 77). Нѣмцы заперли оные изнутри и стали за дверями.

Устрашенный Царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Россіяне, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами. »О для чего, говорили между собою Алебардщики, мы здѣсь не всѣ вмѣстѣ и не имѣемъ ружей! Тогда мы увѣнчались бы славою и спасли бы Царя: это оружіе годится только для красы, а не для дѣла. И онъ, и мы пропали. Горе женамъ, дѣтямъ и друзьямъ нашимъ! Ихъ вѣрно уже нѣтъ въ живыхъ! Горе и Царю, отвергшему совѣты наши! Погибая самъ, онъ губитъ и насъ!« Они удалились въ другую комнату, куда скрылся Димитрій, и заперли ее; но

1606. видя, что его тамъ нѣтъ, бросились въ третью, гдѣ также его не было.

Царь, между тѣмъ, пробѣжавъ Царицины покои, достигнулъ каменнаго Дворца и выскочилъ отъ страха въ окно, вышиною отъ земли на 15 саженъ;—но вся надежда на спасеніе исчезла: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Россіяне, преслѣдуя его изъ одной комнаты въ другую, напали на тѣлохранителей, стоявшихъ подлѣ Царской умывальни, и отнявъ у нихъ оружіе, приставили къ нимъ столько людей, что лишили ихъ всякаго средства къ освобожденію; причемъ распрашивая, куда дѣвался Царь, обыскивали Дворецъ и похитили множество сокровищъ.

Бояре же и Князья вломились къ Царицѣ; женщины ея обмерли отъ страха, а сама она спряталась подъ юпку своей Гофмейстерины. »Гдѣ Царь и Царица« воскликнули Бояре (имя грубыхъ мужиковъ было имъ приличнѣе)? »Вамъ лучше должно знать, куда вы дѣвали Царя; мы не обязаны его караулить«—было отвѣтомъ. »Непотребныя! закричали Бояре, гдѣ. . . . . Царица ваша?« »На что же вамъ Царица? спрашиваетъ Гофмейстерина. Ей отвѣчаютъ страшными угрозами 78). Послѣ того, Бояре раздѣлили между собою всѣхъ дѣвицъ—благородныхъ Полекъ—и отослали ихъ въ свои домы, гдѣ онѣ черезъ годъ стали матерями. Гофмейстерину же, толстую старуху, подъ платьемъ коей притаилась

Марина, Бояре оставили въ покоѣ, только бранили ее безъ пощады и требовали непремѣнно, чтобы она призналась, куда скрылась ея Царица. »Сего дня рано поутру, сказала Гофмейстерина, мы отправили ее въ домъ Пана Воеводы Сендомирскаго: тамъ она и теперь.« 1606.

Между тѣмъ стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Чертольскихъ воротъ, увидѣвъ лежащаго Государя и услышавъ стоны его, спѣшили помочь ему и хотѣли отнести его во Дворецъ. Народъ, замѣтивъ сіе, увѣдомилъ Бояръ, которые тотчасъ оставили Гофмейстерину, и бросились съ крыльца, въ намѣреніи умертвить Димитрія; тщетно стрѣльцы, имъ убѣжденные, старались спасти его; положивъ на мѣстѣ одного или двухъ Бояръ ружейными выстрѣлами, они вскорѣ должны были уступить силѣ.

Бояре схватили разбившагося въ паденіи Царя и повлекли его такъ, что онъ могъ бы сказать съ плѣнникомъ Плавта: слишкомъ не справедливо тащить и колотить въ одно время. Его внесли въ комнаты, прежде великолѣпно убранныя, но тогда уже разграбленныя и изгаженныя. Въ прихожей было нѣсколько тѣлохранителей подъ стражею, обезоруженныхъ и печальныхъ. Царь взглянулъ на нихъ, и слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ къ одному изъ нихъ руку, но не могъ выговорить ни

1606. слова; что думалъ—извѣстно только Богу сердцевѣдцу; можетъ быть онъ вспомнилъ неоднократныя предостереженія своихъ вѣрныхъ Нѣмцевъ! Одинъ изъ копьеносцевъ, Ливонскій дворянинъ, Вильгельмъ Фирстенбергъ, пробрался въ комнату, желая знать, что будетъ съ Царемъ; но былъ заколотъ однимъ изъ Бояръ, подлѣ самого Государя. »Смотри, говорили нѣкоторые Вельможи, какъ усердны псы Нѣмецкіе! И теперь не покидаютъ своего Царя; побьемъ ихъ до послѣдняго!« Но другіе не согласились.

Принесшіе Димитрія въ комнату, поступали съ нимъ не лучше Жидовъ....... тотъ щипнетъ, другой кольнетъ... вмѣсто Царской одежды, нарядили его въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. »Поглядите на Царя Всероссійскаго—сказалъ одинъ, у меня такой Царь на конюшнѣ!« »А я бы этому Царю далъ знать,« говорилъ другой.... Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: »Говори, к... с... кто ты, кто твой отецъ и откуда ты родомъ?« »Вы всѣ знаете, »отвѣчалъ Димитрій, что я Царь вашъ, сынъ »Іоанна Васильевича. Спросите мать мою—она »въ монастырѣ,—или выведите меня на Лобное »мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться.« Тутъ выскочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и сказавъ: »Чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна!«—прострѣлилъ его насквозь 79).

Между тѣмъ, старый измѣнникъ Шуйскій 1606.
разъѣзжалъ на дворѣ верхомъ и уговаривалъ народъ скорѣе умертвить вора. Всѣ мятежники бросились ко Дворцу; но какъ онъ былъ уже наполненъ людьми, то они остановились на дворѣ и хотѣли знать, что говорилъ Польскій шутъ; имъ отвѣчали: Димитрій винится въ самозванствѣ (чего онъ впрочемъ не сдѣлалъ). Тутъ всѣ завопили: »Бей его, руби его.« Князья и Бояре обнажили сабли и ножи: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ; тотъ отхватилъ ему руку, этотъ ногу; нѣкоторые вонзили въ животъ ему ножи. Потомъ вытащили трупъ убіеннаго въ сѣни, гдѣ погибъ вѣрный Басмановъ, и сбросивъ его съ крыльца, кричали: »Ты любилъ его живаго, не разставайся и съ мертвымъ!«—Такимъ образомъ тотъ, кто вчера гордился своимъ могуществомъ, и въ цѣломъ свѣтѣ гремѣлъ славою,—теперь лежалъ въ пыли и прахѣ. Бѣдствіе поразило и его, и супругу, и гостей въ девятый день послѣ брака. Не худо было бы и другимъ остерегаться такой же свадьбы: она была не лучше Парижской. Димитрій царствовалъ безъ 3 дней 11 мѣсяцевъ.

ГЛАВА VI.

Междуцарствіе.

1606.

Убійство Поляковъ. Изступленіе народа. Переговоры Бояръ съ Мариною и отцемъ ея. Трупъ Самозванца на Красной площади. Мнимое чудо надъ тѣломъ его. Молва о спасеніи Димитрія. Свидѣтельство Бера. Свойства Самозванца. Доказательства, что онъ не былъ Димитрій: слова Басманова и другихъ свидѣтелей современныхъ.

Во время бунта, нѣсколько сотъ Россіянъ окружили домъ, гдѣ жилъ Воевода Сендомирскій съ своими гайдуками и служителями (домъ сей находился въ Кремлѣ, не далеко отъ Царскихъ и Патріаршихъ палатъ, и принадлежалъ нѣкогда Борису Годунову); поставивъ противъ воротъ пушки, Россіяне такъ крѣпко стерегли оный, что не только человѣку, но и собакѣ не льзя было выскочить. И такъ господинъ Воевода не могъ подать помощи своему зятю; впрочемъ рѣшился дорого продать свою жизнь, если бы на него напали.

По убіеніи Царя и Басманова, первыми жертвами злобы народной были музыканты и пѣсенники, люди невинные, благонравные и въ своемъ дѣлѣ искусные: всѣ они—человѣкъ до 100—были побиты въ Кремлѣ, въ монастырскихъ

домахъ, пожалованныхъ имъ покойнымъ Госу- 1606.
даремъ. Потомъ дошла очередь до Поляковъ, жившихъ въ Китаѣ-городѣ и другихъ частяхъ Москвы. Многіе изъ нихъ вскакивали съ постелей въ однѣхъ рубахахъ и прятались въ погреба, въ солому, даже въ навозъ; но тщетно: Москвитяне находили ихъ и убивали, иныхъ кольями, другихъ каменьями или саблями; а женъ и дочерей отвели къ себѣ.

Но братъ Царицинъ, Панъ Староста, при помощи слугъ и благородныхъ Поляковъ, оборонялся весьма храбро въ своемъ домѣ, находившемся противъ пушечнаго двора: здѣсь пало много Россіянъ. Такую же твердость явили и Царицины зятья, которые вмѣстѣ съ Польскими послами, вооруживъ до 700 человѣкъ, въ томъ домѣ, гдѣ умеръ Датскій Герцогъ Іоаннъ, объявили народу, что они станутъ палить по городу, зажгутъ свой домъ, сядутъ на коней и до послѣдняго человѣка будутъ защищать себя, если Россіяне не поклянутся оставить ихъ въ покоѣ. То же сдѣлали и Димитріевы Польскіе всадники: никто изъ Русскихъ не смѣлъ войти къ нимъ на дворъ. Напослѣдокъ Москвитяне привезли пушки, навели ихъ на домъ Царицина брата и начали палить: послѣ двухъ выстрѣловъ, Поляки согласились сдаться, только съ тѣмъ, чтобы жизнь и имущество ихъ были неприкосновенны. Русскіе дали слово и цѣловали

1606. крестъ. Но осажденные не вѣрили имъ и хотѣли говорить съ знатнѣйшими особами: тогда явился старый измѣнникъ Шуйскій съ товарищами и далъ клятву не трогать Поляковъ; только просилъ ихъ дня два не выходить изъ дома, потому, что Москвитяне злятся на нихъ за оскорбленіе своихъ женъ и дочерей.

Народъ столь же милостиво поступилъ и съ тѣми Поляками, которые по многолюдству могли обороняться; если же находили въ домѣ человѣкъ 6, 8, 10, 12 и 14, всѣхъ побивали безъ пощады, какъ собакъ.

Нѣсколько Поляковъ, сѣвъ на коней, спѣшили ускакать въ Нѣмецкую слободу; но къ несчастію, попались къ такимъ людямъ, которыхъ въ Ливоніи, или Германіи казнили бы позорною смертію: то были перекрещенные Мамелюки, враги Христіанъ, преданные болѣе Русскимъ, нежели Нѣмцамъ; Димитрій не удостоилъ ихъ чести принять въ свою гвардію, ибо справедливо думалъ, что они, измѣнивъ Богу, не будутъ вѣрны и Царю. Сіи бездѣльники, ожесточенные противъ Димитрія и Поляковъ болѣе самыхъ Россіянъ, схватили несчастныхъ бѣглецовъ, думавшихъ найти у нихъ спасеніе, раздѣли ихъ до-нага и всѣхъ умертвили.

Дьявольская рѣзня продолжалась съ 3 часовъ до 11. Поляковъ погибло 2135 [80]; въ числѣ убитыхъ были Студенты, Нѣмецкіе ювелиры

и купцы Аугсбургскіе, имѣвшіе много денегъ и 1606.
всякаго добра. Злодѣи бросали тѣла убіенныхъ на улицы, въ жертву собакамъ и Русскимъ площаднымъ лекарямъ, которые вырѣзывали жиръ изъ труповъ. Двое сутокъ лежали мертвые подъ открытымъ небомъ; въ третій день убійца Шуйскій приказалъ ихъ подобрать и похоронить въ Божіемъ домѣ. Никогда, доколѣ міръ стоитъ, потомство не забудетъ 17 Мая: какъ ужасенъ былъ этотъ день для иностранцевъ! Нельзя изобразить его словами; повѣритъ ли читатель? шесть часовъ сряду гремѣлъ набатъ безъ умолку, раздавались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, топотъ коней, громъ колесницъ и крикъ остервенившагося народа: »Сѣки, „руби к... одних Поляковъ!« Гласъ милосердія замолкъ въ душахъ Москвитянъ: жестокіе не слушали ни просьбъ, ни моленій.

Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и взявъ кошелекъ съ сотнею червонцевъ, кинулся въ погребъ, гдѣ зарылся въ песокъ. ...скіе, думая, что тамъ закопаны сокровища, нашли его: бросивъ имъ свой кошелекъ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнъ, увѣрялъ, что не знаетъ за собою никакой вины ни противъ Царя, ни противъ народа; предлагалъ все свое имѣніе, бывшее и въ Москвѣ, и въ Польшѣ; просилъ только отвести его во

1606. Дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба; на дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до-нага и изрубленныхъ: принужденный итти по трупамъ ихъ, сей добрый человѣкъ погрузился въ печаль неизъяснимую; съ какою горестію смотрѣлъ онъ, какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвитянинъ и закричалъ: »Бей этого к... с...« Несчастный Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыя смягчили бы самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именемъ Св. Николая и Пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердый Москвитянинъ ударилъ его саблею: тутъ вырвался несчастный изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: »О Москвитяне! Вы называетесь Христіанами: гдѣ же Христіанское ваше милосердіе? Пощадите меня, ради святой Вѣры вашей, ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ Отечествѣ!« Все было напрасно: убійца разсѣкъ ему плечо; кровь полилась ручьями. Отчаянный Полякъ бросился бѣжать; злодѣи догнали и изрубили его—онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ,— потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку и портки убитаго: я самъ былъ тому свидѣтелемъ. Такъ сей бѣдный дворянинъ, потерявъ все свое имуще-

ство, всѣ одежды, золото, серебро, слугъ, коней, 1606.
оружіе, лишился и самой жизни! Не радостную вѣсть получили его дѣти и жена, братья и родные, друзья и знакомые.

Въ сей несчастный для иностранцевъ день, многіе негодяи, ровно ничего не имѣвшіе, нашли пребогатую добычу: нахватали бархатныхъ и шелковыхъ платьевъ, собольихъ и лисьихъ шубъ, золотыхъ цѣпей и колецъ, ковровъ, золота, серебра, всякой всячины, чего ни сами, ни предки ихъ никогда не имѣли. Довольно было пищи и самохваламъ: »Кому устоять противъ насъ, Москвитянъ? намъ числа нѣтъ. Цѣлый свѣтъ не сладитъ: все должно покориться намъ!« Такъ, любезные Москвитяне! Вы очень храбры, когда сотнями нападаете на одного безоружнаго, особливо соннаго; иначе и въ нѣсколькихъ тысячахъ не много найдется храбрецовъ.

Наконецъ въ 11 часу трагедія кончилась: спасеннымъ отъ смерти Полякамъ дарована пощада; въ Москвѣ водворилась тишина; иноземцы могли теперь вздохнуть свободно. Какъ веселятся мореплаватели послѣ ужасной бури и свирѣпаго рѣва морскихъ волнъ, при наступленіи ясной погоды; такъ радовались и мы, узнавъ, что убійства прекратились и что нашихъ осталось въ живыхъ еще нѣсколько сотъ человѣкъ. Когда мятежъ затихъ, измѣнники Бояре

1606. и Князья собрались предъ покоями Царицы и велѣли ей сказать, что имъ извѣстно ея знатное происхожденіе; кто же былъ тотъ воръ и обманщикъ, который выдавалъ себя за Димитрія, должна вѣдать она, ибо знала его еще въ Польшѣ; и что если ей угодно возвратиться къ отцу, то выдала бы всѣ вещи, присланныя бездѣльникомъ Самозванцемъ къ ней на родину и подаренныя въ Москвѣ. Царица, немедленно отдавъ имъ не только свой гардеробъ, всѣ драгоцѣнные каменья, жемчугъ, золотыя издѣлія; но и послѣднее платье, которое носила (она осталась въ одномъ спальномъ капотѣ), обѣщала заплатить за всѣ издержки, если Бояре, тотчасъ отправятъ ее къ отцу. Не говоря ни слова объ издержкахъ, Россіяне требовали только 55,000 рублей со всѣми вещами, подаренными ей Самозванцемъ. Царица сказала въ отвѣтъ: »Для чести Москвитянъ и въ удовольствіе моему Государю, всѣ сіи деньги я истратила на путешествіе, прибавивъ къ нимъ столько же своихъ. Бояре все добро мое отобрали: у меня нѣтъ болѣе ничего.« Вмѣстѣ съ тѣмъ она просила прислать къ ней одного изъ отцовскихъ служителей, обѣщая доставить все, что только имѣетъ, а остальное прислать изъ Польши, если дозволено будетъ ей туда возвратиться. Бояре согласились.

Узнавъ о семъ условіи, Царицинъ отецъ пригласилъ къ себѣ Бояръ и сказалъ имъ: »Вы

не хотите, Господа, отпустить ко мнѣ дочь мою, 1606.
не получивъ прежде 55,000 рублей, которые прислалъ ей на дорогу Царь вашъ, Димитрій, желавшій поддержать какъ свою честь, такъ и достоинство народа? Но вы забываете, что отправляя невѣсту, я истратилъ по крайней мѣрѣ столько же: вы все у нея обобрали, и еще требуете отъ насъ денегъ! У меня есть теперь 60,000 талеровъ и 20,000 Польскихъ злотыхъ: если вы отпустите меня въ Отечество съ дочерью и со всѣми Поляками, я согласенъ вручить вамъ сіи деньги, а остальную сумму пришлю въ послѣдствіи.« Бояре отвѣчали: »Освободить тебя еще не время. Но мы согласны прислать къ тебѣ дочь, какъ скоро получимъ твои 80,000 талеровъ.« »Такъ и быть! воскликнулъ добрый Панъ Воевода. Я хочу жить и умереть съ нею. Деньги готовы, только приведите мою дочь съ ея Гофмейстериною и другими женщинами.« Князья и Бояре удалились; чрезъ нѣсколько времени привели Царицу къ отцовскому дому; но до тѣхъ поръ не отдавали ея, пока Воевода Сендомирскій не выслалъ обѣщанной суммы. Огорченный симъ жестокимъ поступкомъ, онъ сказалъ имъ: »Вы поступаете съ нами безсовѣстно. Когда покойный зять мой пришелъ въ Россію съ малочисленнымъ отрядомъ, вы признали его истиннымъ Димитріемъ и тѣмъ удостовѣрили насъ, Поляковъ, что онъ имѣлъ

1606. неоспоримое право на Русскій престолъ; вы были виною смерти Борисовой, истребили весь родъ его, короновали Димитрія, велѣли посламъ своимъ благодарить насъ за наше объ немъ попеченіе; наконецъ торжественною грамотою, за своею печатью, увѣрили насъ, что онъ сынъ Царя Іоанна Васильевича: это свидѣтельство и теперь хранится въ Польшѣ. Не я предлагалъ дочь свою вашему Государю; онъ самъ просилъ ея руки чрезъ васъ, Князей и Бояръ. Я же только тогда согласился отпустить ее, когда все Русское Царство изъявило на то желаніе и когда Русскій посолъ, предъ лицемъ Его Королевскаго Величества, засвидѣтельствовалъ право Димитрія на престолъ Московскій. Послѣ сего, можете ли говорить, что онъ былъ Самозванецъ и что мы, Поляки, васъ обманули? Такъ! мы были виновны; но только въ томъ, что слишкомъ вѣрили вашей клятвѣ: вы обманщики, а не мы! Мы пріѣхали сюда друзьями, жили среди васъ въ безпечномъ спокойствіи, разсѣялись по городу, иной тамъ, другой здѣсь, чего вѣрно бы не сдѣлали, если бы замышляли какое либо зло; а вы губили насъ, какъ злѣйшихъ враговъ, подобно тайнымъ смертоубійцамъ; словами насъ привѣтствовали, душою проклинали! Многія сотни горестныхъ вдовъ и сиротъ, несчастныхъ родителей и друзей, оплакиваютъ смерть своихъ милыхъ, погубленныхъ вашею злодѣйскою

рукою, и на васъ непрестанныя жалобы возсылаютъ къ престолу Всевышняго. Чѣмъ вознаградите ихъ за сію потерю? Положимъ, что покойный зять мой былъ не сынъ Царя Іоанна, хотя вы сами утверждали противное, чѣмъ провинились предъ вами 100 музыкантовъ? что сдѣлали вамъ ювелиры и купцы, которые никогда васъ не трогали, и всегда продавали хорошіе товары? чѣмъ виновны жены и дѣвы, столь жестоко вами оскорбленныя? Если бы мы таили дурной замыселъ, не три, или четыре тысячи явилось бы тамъ, гдѣ милліонъ жителей: мы привели бы цѣлое войско. Мы пріѣхали къ вамъ на свадьбу; а встрѣтили смерть! Ужели вы думаете, что Богъ оставитъ безъ наказанія такое злодѣйство? Нѣтъ, нѣтъ! Безвинная кровь, вами пролитая, вмѣстѣ со слезами вдовъ и сирыхъ, вопіетъ къ престолу Всевышняго, и требуетъ возмездія! Вы можете, если хотите, погубить всѣхъ насъ: Богъ будетъ нашимъ судьею! Совѣсть ни чѣмъ насъ не упрекаетъ.« 1606.

Бояре и Князья отвѣчали: »Не ты виноватъ, Господинъ Воевода! Мы также не виновны. Всему причиною твои надмѣнные Поляки: они срамили женъ и дочерей нашихъ, безчинствовали въ городѣ, оскорбляли Россіянъ, грозили намъ смертію; на нихъ возсталъ народъ. Не намъ было укротить толпу разъяренную! Не менѣе виноватъ и самъ зять твой: онъ прези-

1606. ралъ наши нравы, обычаи, нашу Вѣру; предпочиталъ намъ всякаго иностранца, вопреки своей присягѣ. Предавъ ему землю Русскую, мы ожидали отъ него благодарности, думали, что онъ не забудетъ, на какую степень возвели его, и не станетъ любить чужихъ, болѣе своихъ. Если бы онъ не обманулъ насъ, никто не отрекся бы служить ему, какъ Димитрію, хотя бы онъ былъ и Самозванецъ. Мы приняли его, что бы низложить Бориса и поправить свою участь; вмѣсто того, все пошло къ верху дномъ: онъ ѣлъ телятину, жилъ какъ бусурманинъ, и принудилъ насъ къ такому поступку, который намъ ни чуть не пріятенъ. И теперь, если бы онъ живъ былъ, мы сдѣлали бы тоже самое [81]. А музыкантовъ и другихъ невинныхъ людей, вмѣстѣ съ нимъ убитыхъ, по истинѣ весьма намъ жалко: они были жертвою неукротимаго изступленія народнаго; мы не могли спасти ихъ. Но прислужницы твоей дочери — теперь находятся вмѣстѣ съ нашими женами и дочерьми: имъ гораздо лучше, нежели самой дочери твоей. Можешь взять ихъ немедленно, если желаешь. Но поклянись: во-первыхъ, не мстить намъ, ни отъ своего лица, ни чрезъ своихъ родственниковъ; во-вторыхъ, примирить насъ съ Королемъ Польскимъ, коего подданные убиты во время смятенія; въ третьихъ, доплатить остальныя изъ числа 55,000 рублей деньги, и возвратить пода-

ренныя Димитріемъ твоей дочери вещи; не то, 1606.
готовься въ темницу со всѣми единоземцами! Выбирай!»

Воевода возразилъ: »Все, что было прислано зятемъ моей дочери, вмѣстѣ съ отцовскимъ приданымъ, она привезла въ Россію, и все у нея отобрано до послѣдней шубы. Вамъ лучше знать, куда дѣвалось сіе добро: у васъ, Князья и Бояре, всѣ ея дѣвицы. Что можемъ дать мы, до-гола обобранные? Вы не могли требовать и 80,000 талеровъ, данныхъ мною за дочь: въ числѣ ихъ не было ни полушки вашей! Теперь мы болѣе ничего не имѣемъ. Впрочемъ охотно клянемся за себя и за всѣхъ родственниковъ не мстить вамъ; пусть разсудитъ сіе дѣло Тотъ, Кто говоритъ: *лщеніе линѣ подобаетъ*. Но согласится ли простить Его Величество — мы не знаемъ, и слѣдовательно ручаться за него не можемъ; многіе изъ убіенныхъ были его подданные: участь ихъ будетъ ему горестна. Онъ властенъ въ моей жизни; я не могу вмѣшиваться въ дѣла его. И такъ не требуйте отъ меня невозможнаго!»

Москвитяне отвѣчали: »Какъ исполнить нашего требованія ты не хочешь, или не можешь, то изволь оставаться у насъ въ плѣну со всѣми Поляками, до тѣхъ поръ, когда мы узнаемъ мысли Короля Польскаго, и получимъ отъ тебя остальную сумму, да сверхъ того вознагражденіе

1606. за всѣ издержки на войну съ твоимъ зятемъ.» »Буди воля Божія! сказалъ Воевода Сендомирскій; Онъ послалъ мнѣ сіе бѣдственное бремя: перенесу его терпѣливо. Есть предѣлъ, далѣе коего вредить мнѣ вы не можете: исполняйте волю Всевышняго; мы ничего не страшимся!»

После сего, Бояре заключили Воеводу съ дочерью, сыновьями и родственниками въ одинъ домъ, гдѣ содержали ихъ подъ строжайшимъ карауломъ, не дозволяя никому входить и выходить изъ сего дома, безъ дозволенія Бояръ [82]. Прочіе же Поляки, исключая Королевскаго посланника, 31 Мая были разосланы по темницамъ въ разные города: въ Новгородъ, Переславль, Ростовъ, Галичъ, Кострому, Бѣлоозеро, Вологду; тамъ они сидѣли на хлѣбѣ и водѣ и отдали за половинную цѣну все свое серебро, спасенное отъ грабителей, чтобы не умереть съ голода. Наконецъ Димитрій II освободилъ ихъ чудеснымъ образомъ.

Описавъ выше сего смерть Боярина Басманова, допросъ и убіеніе Царя Димитрія, бѣдствіе Поляковъ, всѣ ужасы мятежа, безпрерывный звонъ, непрестанную тревогу, — разскажу теперь, что сдѣлали Россіяне съ своими жертвами. Обнаженныя тѣла побитыхъ Поляковъ двое сутокъ лежали на улицахъ; тамъ терзали ихъ псы и площадные лекари, которые вырѣзывали изъ труповъ жиръ. Наконецъ высоко-именитые Бо-

ре велѣли подобрать остатки тѣлъ, вывезти за городъ и бросить въ Божій домъ. 1606.

Бѣдные Поляки заключили праздникъ совсѣмъ не такъ, какъ начали: начали пиръ слишкомъ весело, а кончили чрезъ мѣру печально. Димитрій же и Басмановъ не удостоились чести пролежать во Дворцѣ до вечерни: какъ скоро затихъ мятежъ, неистовая чернь, привязавъ къ ногамъ ихъ веревки, потащила обнаженные трупы кругомъ всего Дворца, чрезъ ворота Іерусалимскіе на площадь, гдѣ находятся суконныя лавки: тамъ положили Царя на столъ, а Басманова на скамью, такъ, что ноги Димитрія лежали на груди его любимца. Между тѣмъ пришелъ изъ Дворца одинъ Бояринъ, бросилъ Царю на животъ маску, на грудь волынку, а въ ротъ всунулъ дудку, и притомъ сказалъ: »Долго мы тѣшили тебя, к.... с.... и обманщикъ! Теперь самъ насъ позабавь!« Другіе же Бояре и граждане, приходившіе смотрѣть убитыхъ, сѣкли трупъ Самозванца плетьми, приговаривая: »Сгубилъ ты наше Царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмцевъ!« А бабы Московскія, безстыдно ругаясь надъ тѣломъ Димитрія, поносили Царицу такими словами, какихъ и сказать не возможно. Басманову было легче: съ дозволенія Бояръ, Князь Иванъ Голицынъ, сводный братъ умершаго, взялъ съ площади трупъ его и 18 Мая похоронилъ оный подлѣ его сына, за

1606. Англійскимъ подворьемъ. Димитрій же трое сутокъ оставался на площади и былъ предметомъ ругательствъ.

Въ третью ночь, около стола показался свѣтъ: когда часовые хотѣли подойти, свѣтъ изчезалъ — и снова являлся, какъ скоро удалялись. Испуганные такимъ явленіемъ, они тотчасъ донесли о семъ высокимъ Господамъ, которые на другое же утро приказали отвезти тѣло въ Божій домъ, за Серпуховскіе ворота. Когда везли его, поднялась ужасная буря, но не во всемъ городѣ, а только по дорогѣ въ Божій домъ, и едва миновали ворота на Кулишкѣ, самые внѣшніе, съ тремя башнями, вихрь сорвалъ съ одной башни кровлю и повалилъ деревянную стѣну до Калужскихъ воротъ. Потомъ сдѣлалось чудо въ Божіемъ домѣ, куда бросили тѣло Димитрія вмѣстѣ съ другими мертвецами: утромъ оно очутилось при входѣ; близъ него сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, если кто либо приближался, и опять садились на трупъ, когда никого не было. Бояре приказали завалить мертвеца землею; но онъ не долго оставался въ могилѣ: 17 Мая нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божіяго дома. Ужасъ напалъ на всѣхъ жителей Москвы: одни считали Димитрія необыкновеннымъ человѣкомъ, другіе діаволомъ, морочившимъ людей; иные же чернокнижникомъ, научившимся адскому искус-

ству у Лапландцевъ, которые велятъ убивать 1606.
себя и послѣ оживаютъ. Наконецъ 28 Мая рѣшились его сжечь, и пепелъ развѣяли по воздуху.

Уже въ первый день мятежа, Поляки распустили молву, что умерщвленъ былъ не Димитрій, а простой Нѣмецъ, на него похожій; но это — сказка, которою Поляки думали со временемъ воспользоваться. Сочинитель сей книги, знавъ Димитрія лично и видѣвъ его мертвымъ, можетъ увѣрить, что Россіяне умертвили и сожгли того самого человѣка, который правилъ Государствомъ, и который уже не воскреснетъ. Пусть явятся еще трое Самозванцевъ подъ именемъ Димитрія: всѣ они будутъ обманщики.

Димитрій отличался многими превосходными качествами и необычайною храбростію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ и важные недостатки: былъ весьма безпеченъ и высокомѣренъ; за что, безъ сомнѣнія, навлекъ на себя гнѣвъ Божій. Гордость его была такъ безпредѣльна, что онъ приходилъ въ ярость, когда получалъ свѣденія объ измѣнѣ Москвитянъ; затмѣвая пышностію всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ величалъ себя именемъ Царя Царей [83]. Тѣлохранители должны были становиться на колѣна, когда выходилъ къ нимъ Царь, или являлась Царица: и Богу такую честь не всегда изъявляютъ! Надъ нимъ-то сбылось изрѣченіе Пророка Исаіи:

1606. *Высоціи укоризною сокрушатся, и высоціи смирятся.*

Заключенная Царица не могла, безъ слезъ раскаянія, вспомнить о своемъ высокомѣріи и неблагодарности къ Богу, который возвелъ ее — дочь простаго Пана — на столь высокую степень; посему приписывая и свое несчастіе, и бѣдствіе супруга сему грѣху, она дала обѣтъ никогда не быть высокомѣрною, какъ скоро получитъ свободу. Да исполнитъ Богъ, ради Христа Спасителя, ея желаніе! Аминь.

Не худо было бы всѣмъ Государямъ заглядывать въ сіе трагическое зеркало, и замѣтивъ въ себѣ подобный недостатокъ, заранѣе исправлять его, не дожидаясь гнѣва Божія. Справедливо говоритъ пословица: *Что было разъ, случится и въ другоредь.*

Разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи, котораго одни признаютъ сыномъ Царя Іоанна Васильевича, а другіе — иноземцемъ, побудило меня развѣдать истину.

1. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли Всемилостивѣйшій Государь нашъ законное право на престолъ Россійскій? Басмановъ, въ присутствіи одного Нѣмецкаго купца, отвѣчалъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: »Вы, Нѣмцы, имѣете въ немъ отца и брата; онъ жалуетъ васъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Государи; молитесь о счастіи его

вмѣстѣ со мною! Хотя онъ и не истинный Царевичъ, однакожь Государь нашъ: ибо мы ему присягнули, — да и лучшаго Царя найти не можемъ.» 1606.

2. Такимъ же образомъ открылъ мнѣ правду одинъ Аптекарь, служившій лѣтъ 40 сперва старому Тирану, потомъ сыну его, послѣ того Годунову и наконецъ Димитрію: онъ зналъ хорошо юнаго Царевича, имѣвъ случай видѣть его ежедневно. Сей Аптекарь увѣрялъ меня, что Димитрій — не сынъ Іоанновъ; что Царевичъ былъ похожъ на свою мать, Марію Ѳеодоровну, а Царь ни мало съ нею не сходствуетъ.

3. То же самое говорила мнѣ одна благородная Ливонка, взятая въ плѣнъ Іоанномъ и въ послѣдствіи освобожденная въ 1611 году. Она была повивальною бабкою старой Царицы и находилась при Дворѣ безотлучно, воспитывая Царевича.

4. Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отправился въ Угличъ, съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ, мы встрѣтили стопятилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ Государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли сей Царь былъ сынъ Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ

1606. съ своего мѣста и перекрестившись, сказалъ: »Убитъ Государь весьма храбрый; въ теченіе одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдовъ. Умертвивъ его, Москвитяне поступили весьма неблагоразумно: ибо сами возвели его на престолъ; конечно онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человѣкъ разумный — однако не сынъ Іоанна Васильевича. Сей послѣдній зарѣзанъ въ Угличѣ — тому уже 17 лѣтъ — и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежащаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ Князей и Бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ Царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе!»

5. Многіе Поляки увѣряютъ, что онъ былъ побочный сынъ Короля Стефана Баторія. Предводитель Польскихъ войскъ, осаждавшихъ Троицкій монастырь, Янъ Петръ Сапѣга, однажды за столомъ выхваляя храбрость Поляковъ и доказывая, что они превосходили ею самыхъ Римлянъ, между прочимъ говорилъ: »За три года предъ симъ, вооруженною рукою мы посадили на Русскій престолъ бродягу, подъ именемъ сына Царя Іоанна Грознаго; теперь въ другой разъ даемъ Русскимъ новаго Царя и уже завоевали для него половину Государства; онъ также будетъ называться Димитріемъ. Пусть ихъ лоп-

путъ съ досады: оружіемъ и силою мы сдѣлаемъ, что хотимъ!» Я самъ это слышалъ. 1606.

6. Въ Угличѣ Князья и Бояре вообще не любили юнаго Царевича, потому, что въ немъ, еще отрокѣ, обнаруживались признаки жестокосердія; люди же незначительные не могли похитить его изъ Дворца.

7. Россіяне, особливо знатнаго рода, согласятся скорѣе уморить, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли: развѣ Царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть Государство Христіанское; что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, не вѣрующіе въ истиннаго Бога; что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ. Но если бы Русскіе ввѣрились иностранцамъ; многія высокія особы спасли бы и себя, и дѣтей, и имѣніе отъ бѣдствій войны долголѣтней. Они сего не сдѣлали, полагаясь на защиту Св. Николы; такъ пусть ихъ терпятъ все, что онъ имъ ни посылаетъ! Изъ вышесказаннаго очевидно, что сей Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, а иноземецъ; Россіяне же признали его Царевичемъ только для того, чтобы свергнуть осторожнаго Бориса, котораго иначе нельзя было бы низложить съ престола [84].

ГЛАВА VII.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго.

1606.

Избраніе Шуйскаго. Письмо его къ Сигизмунду. Отвѣтъ Короля. Крамолы. Перенесеніе мощей Св. Димитрія. Чудеса. Измѣна и бѣгство Князя Шаховскаго. Волненіе въ Путивлѣ. Начало войны междоусобной. Пораженіе Царскаго войска. Честь праху Бориса Годунова. Бѣдствіе Царевны Ксеніи.

Въ осьмой день по смерти Димитрія, т. е. 24 Мая 1606 года, Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, тотъ самый, коего голова за нѣсколько предъ тѣмъ мѣсяцевъ лежала на плахѣ, возведенъ былъ на Царскій престолъ. Не всѣ чины земскіе избрали его Государемъ: многіе изъ нихъ вовсе ничего не вѣдали; ему поднесли корону одни только жители Москвы — вѣрные соучастники въ убіеніи Димитрія, купцы, сапожники, пирожники и немногіе Бояре. Когда же Патріархъ со всѣмъ Духовенствомъ короновалъ его, и всѣ жители Москвы, Россіяне и Нѣмцы, дали присягу въ вѣрности; тогда уже разослали по всей Россіи указы, въ коихъ предписано было народу слѣдовать примѣру столицы.

Первымъ дѣломъ новаго Царя было объясниться съ Королемъ Польскимъ. Желая узнать, что побудило Польшу къ нарушенію мира,

Шуйскій отправилъ къ Сигизмунду посла съ 1606.
значительными дарами, просилъ Его Величество запретить подданнымъ безпокоить набѣгами Русскіе предѣлы, изъявлялъ готовность жить въ добромъ согласіи, какъ было прежде, и вмѣстѣ съ симъ жаловался на Поляковъ, которые, пріѣхавъ въ Россію съ Воеводою Сендомирскимъ, позволяли себѣ столь наглые поступки и такъ озлобили народъ, что граждане возстали на своихъ оскорбителей. »Впрочемъ, присовокупилъ Шуйскій, хотя въ день мятежа погибло много Поляковъ, но Воевода Сендомирскій, подъ моею защитою, остался невредимъ.»

Король, съ своей стороны, ласково привѣтствуя Шуйскаго, просилъ отпустить въ Польшу его посланника, бывшаго при Димитріи. »Что же касается до убитыхъ Поляковъ, писалъ Сигизмундъ, не мое дѣло требовать возмездія. Поляки—народъ вольный, располагаютъ собою, какъ хотятъ, и если нѣкоторые изъ нихъ, пріѣхавъ въ Москву съ Воеводою Сендомирскимъ, на свадьбу его дочери, пострадали отъ собственнаго неблагоразумія, то сіе дѣло до меня не относится. Впрочемъ не могу также отнять права мести у родственниковъ и друзей ихъ, если они захотятъ онымъ воспользоваться.» Въ заключеніе присовокупилъ, что Царскіе дары ему не нужны; отослалъ ихъ назадъ; просилъ только поскорѣе отпустить посланника.

1606. Шуйскій, исполняя желаніе Сигизмунда, дозволилъ послу выѣхать изъ Россіи; но прочіе Поляки были задержаны; ихъ бросали изъ одной темницы въ другую. Между тѣмъ, Царь, стараясь очистить городъ православный отъ нехристовъ (такъ называютъ Москвитяне всѣхъ вообще иноземцевъ), 23 Іюня выгналъ изъ столицы четырехъ медиковъ, навлекшихъ на себя его подозрѣніе короткимъ знакомствомъ съ Поляками, оставивъ при себѣ одного Давида Васмера, не имѣвшаго съ сими врагами никакой дружбы; онъ принятъ ко Двору и сдѣланъ Лейбъ-медикомъ.

Въ тоже время, распространилась молва, будто бы Царь Димитрій спасся отъ смерти и своихъ гонителей: Россіяне были въ недоумѣніи. Шуйскій спѣшилъ убѣдить народъ какъ въ самозванствѣ своего предшественника, такъ и въ неосновательности новыхъ разныхъ толковъ; для сего 30 Іюня послалъ въ Угличъ за прахомъ Царевича; а между тѣмъ, велѣлъ умертвить тамъ девяти-лѣтняго поповскаго сына, положить его въ гробъ и привезти въ Москву; самъ встрѣтилъ тѣло мнимаго Димитрія съ Боярами, Священниками, Монахами, съ крестами и хоругвіями, проводилъ оное въ церковь, и велѣлъ объявить народу, что покойный Царевичъ, въ молодости безвинно пострадавшій, есть Святый Мученикъ: ибо тѣло его, преданное землѣ еще за 17 лѣтъ, нынѣ такъ свѣжо, какъ будто онъ только вчера

скончался; самые орѣхи, бывшіе въ рукѣ его 1606.
предъ смертію, до сихъ поръ цѣлы; платье не истлѣло и гробъ не согнилъ. Всякъ, кто хотѣлъ видѣть сего Угодника, могъ приходить въ Дворцовую церковь. Между тѣмъ, нѣсколько здоровыхъ людей, подкупленныхъ Шуйскимъ, притворяясь хворыми, хромыми, слѣпыми, ковыляли и приползали къ тѣлу Димитрія съ мольбою послать имъ исцѣленіе — и, о чудо! безногіе вдругъ пошли, слѣпые прозрѣли! Тѣ и другіе утверждали, что Царевичъ подалъ имъ помощь; а глупая чернь слушала ихъ съ благоговѣніемъ, и до такой степени вдалась въ суевѣріе, что Богъ, разгнѣванный обманомъ, наказалъ виновныхъ: одинъ мнимый слѣпецъ, умолявшій Димитрія о зрѣніи, дѣйствительно ослѣпъ; а другой обманщикъ, принесенный къ Святому, какъ разслабленный, умеръ. Наконецъ даже дѣти примѣтили, что всѣ сіи чудеса были только безстыднымъ обманомъ. Тогда Шуйскій приказалъ церковь запереть и никого въ нее не впускать, объявивъ, что народъ, не давая Царевичу покоя, прогнѣвалъ его [85].

Князь Григорій Шаховскій, въ день мятежа, похитивъ золотую Государственную печать, удалился въ Путивль съ двумя Поляками, одѣтыми въ Русское платье. Переправясь чрезъ Оку, близъ Серпухова, онъ далъ перевощику 6 Польскихъ злотыхъ и спросилъ его: »Знаешь ли, пріятель,

1606. »кто мы?» »Почему мнѣ знать!» отвѣчалъ перевощикъ. »Такъ, слушай! сказалъ Шаховскій, только никому не говори: ты перевезъ Димитрія, »Царя Всероссійскаго. Вотъ онъ (указавъ на одного Поляка), вотъ, нашъ юный, храбрый Царь, »котораго Москвитяне хотѣли убить! Онъ спасся — и съ Божіею помощію, приведетъ войско »изъ Польши, а тебя сдѣлаетъ большимъ человѣкомъ.»

Сію же сказку слышала въ Серпуховѣ одна Нѣмка — вдова, у которой Шаховскій обѣдалъ; давъ ей горсть денегъ, Князь примолвилъ: »Вотъ »тебѣ, хозяйка, на медъ и пиво! Скоро мы сюда »возвратимся съ сильною ратію — и вы, Нѣмцы, »тогда будете счастливы.» Когда же Нѣмка сказала: »Что за странныя рѣчи? Кто вы?» Шаховскій отвѣчалъ: »Я — Князь; ѣду изъ Москвы, »и скажу тебѣ: ты угощала Царя Димитрія! »Москвитяне хотѣли его убить; но обманулись: »убитъ другой человѣкъ, а Димитрій спасся.» Съ симъ словомъ, бѣглецы пустились въ дорогу къ Путивлю; на всѣхъ постоялыхъ дворахъ, они расказывали ту же басню, и притомъ такъ искусно, что всѣ Россіяне, отъ Москвы до Польской границы, начали вѣрить молвѣ о спасеніи Димитрія.

Достигнувъ Путивля, оба Ляха разлучились съ Княземъ Шаховскимъ, перешли за границу и давъ знать супругѣ Воеводы Сендомирскаго

о происшествіяхъ Московскихъ, увѣдомили ее, 1606.
что одинъ Князь, коему они обязаны спасеніемъ,
взялся отмстить за смерть своего Государя.
Между тѣмъ Шаховскій, открывъ за тайну жителямъ Путивля, что Москвитяне хотѣли умертвить Димитрія и перебили всѣхъ его Поляковъ; но что самъ онъ удалился къ тещѣ своей въ Польшу, откуда возвратится съ новыми силами и отмститъ измѣнникамъ, — убѣждаетъ народъ не оставлять Государя и помочь ему въ благомъ предпріятіи. Путивльцы съ радостію услышали вѣсть сію: немедленно призвали нѣсколько тысячъ Казаковъ, назначили Воеводою Истому Пашкова и поручили ему привести къ присягѣ окрестные города: вездѣ, куда ни приходилъ Пашковъ, жители изъявляли готовность служить Димитрію — и на пространствѣ 400 верстъ, до самаго Ельца, всѣ присягнули ему съ радостію [86].

Свѣдавъ о семъ, Шуйскій ужаснулся и спѣшилъ собрать войско; а для лучшаго успѣха, распустилъ молву, что Крымскіе Татары, въ числѣ 50,000 человѣкъ, напали на Россію, полонили многія тысячи Христіанъ, и уже идутъ къ Ельцу. Въ слѣдствіе сего, войско Цареубійцы приближилось къ сему городу въ Августѣ мѣсяцѣ 1606 года; но къ удивленію, встрѣтило тамъ, вмѣсто Татаръ, земляковъ своихъ — Князей, Бояръ и Казаковъ Путивльскихъ. Обѣ стороны сразились: Москвитяне разбиты были на голову

1606. и отступили къ столицѣ. Путивльцы, захвативъ многихъ плѣнниковъ, поносили ихъ сими словами: »Вы думаете, к.... д.... съ своимъ шуб»никомъ (такъ называли Шуйскаго) умертвить »Государя, перебить его людей и упиться его »кровію: пейте же воду, бездѣльники, и тре»скайте свои блины! Царь проучитъ васъ за кро»вопійство; пусть только придетъ войско его »изъ Польши!» Нѣкоторые изъ плѣнныхъ, избитые плетьми до полусмерти, получили свободу; но едва пришли въ Москву съ непріятною для Царя и причета его вѣстію, были заключены въ темницы и тамъ погибли.

Шуйскій, узнавъ о пораженіи своего войска, велѣлъ объявить народу, что Поляки, поддерживая Самозванца, низринули Россію въ бездну злополучія, истощили казну, обагрили землю кровію Христіанскою, погубили Царя Бориса Ѳеодоровича съ сыномъ и супругою; нынѣ измѣнники снова разглашаютъ, что Димитрій не убитъ, а спасся бѣгствомъ: но это ложь очевидная; если бы даже молва сія была справедлива, во всякомъ случаѣ Димитрій есть обманщикъ, затѣявшій ввести въ Государство поганую вѣру.

Кромѣ сего, думая тронуть народъ жалостнымъ зрѣлищемъ, Царь Василій Ивановичъ приказалъ вырыть изъ могилы тѣла Бориса Годунова, сына и жены его, лежавшія въ одной

бѣдной обители 15 мѣсяцевъ, и похоронилъ 1606.
оныя въ Троицкомъ монастырѣ съ Царскимъ великолѣпіемъ; тѣло Борисово несли 20 Монаховъ; супругу же и сына его по 20 Бояръ. Вельможи, Иноки, Священники, провождали усопшихъ пѣшкомъ до Троицкихъ воротъ: тамъ сѣвъ на коней, а гробы поставивъ на сани, отвезли ихъ въ монастырь съ торжественною тишиною. Позади ѣхала въ закрытыхъ саняхъ единородная дочь Годунова Ксенія, испуская жалобные вопли: »Горе мнѣ, злощастной сиротѣ! »Злодѣй погубилъ весь родъ мой; погубилъ отца, мать и брата; самъ онъ въ могилѣ, но и »мертвый онъ терзаетъ Царство Русское. Суди »его, Боже!«

Всѣ вообще Россіяне жалѣли о Борисѣ и охотно согласились бы видѣть его на престолѣ; но уже поздо: вольно же имъ было покидать его въ жертву Самозванцу; пусть пеняютъ сами на себя. Правду говоритъ пословица: *Старый другъ лучше новыхъ двухъ.*

ГЛАВА VIII.

1607—1608.

Пашковъ подъ Москвою. Болотниковъ. Свиданіе его съ новымъ Самозванцемъ. Измѣна Калуги. Лжепетръ вступаетъ въ Россію. Предложеніе Карла Шведскаго. Вѣроломство Фидлера. Осада Калуги и Тулы. Самозванецъ въ Стародубѣ. Взятіе Тулы. Твердость Болотникова. Неудачи Васильевы. Лжедимитрій подъ Брянскомъ и Болховымъ. Битвы. Предатель Ламсдорфъ. Димитрій подъ Москвою. Марина въ его рукахъ. Недоумѣніе столицы. Осада Троицкой Лавры. Бѣдствіе Ростова и Ярославля. Филаретъ.

Путивльскій Воевода, Истома Пашковъ, въ Августѣ мѣсяцѣ двинулся на Москву, покоряя на пути до самой Коломны всѣ города и села Димитрію безъ всякаго сопротивленія. Ставъ лагеремъ въ семи верстахъ отъ столицы, при деревнѣ Котлахъ, онъ требовалъ, чтобы жители Московскіе признали Димитрія своимъ Государемъ, и выдали бы измѣнниковъ Шуйскихъ. Многіе изъ обитателей Москвы, Русскіе и иностранцы, не имѣя надежды на спасеніе, удалились изъ города.

Вскорѣ послѣ Мартинова дня, Истома Пашковъ соединился съ опытнымъ витяземъ, Иваномъ Исаевичемъ Болотниковымъ, который пришелъ къ нему на помощь чрезъ Калугу изъ Камарицкой волости, лежащей между Орломъ и

Путивлемъ. Всѣ города, бывшіе на пути его, 1606.
также присягнули Димитрію. Болотниковъ родомъ былъ Русскій [87]; увезенный въ молодости Татарами и проданный Туркамъ, онъ нѣсколько лѣтъ работалъ на галерѣ, какъ невольникъ; въ послѣдствіи, при помощи Нѣмцевъ, получивъ свободу, отправился въ Венецію, гдѣ услышалъ о странныхъ явленіяхъ въ своемъ Отечествѣ и спѣшилъ пробраться въ Польшу; тутъ узналъ онъ, что Царь Димитрій, убѣжавъ отъ кровожадныхъ Москвитянъ, скрывается у супруги Воеводы Сендомирскаго. Чрезъ нѣсколько времени, Болотникова схватили и представили мнимому Димитрію, который, расправшивая его о родѣ и племени, замѣтилъ въ немъ опытность и предложилъ ему итти противъ измѣнниковъ. Болотниковъ съ радостію согласился пожертвовать жизнію за Царя своего. »Теперь я не могу еще наградить тебя, сказалъ Самозванецъ; на первый разъ возьми эту шубу, саблю и 30 червонныхъ. А это письмо вручи въ Путивлѣ Князю Григорію Шаховскому; онъ дастъ тебѣ денегъ изъ казны моей и войско. Скажи ему, что ты видѣлъ меня здѣсь и говорилъ со мною.«

Жители Путивля приняли Болотникова съ радостію и охотно вѣрили его разсказамъ, будто бы онъ проливалъ кровь свою за Димитрія и потерялъ все, что имѣлъ. Моглиль сомнѣваться

1606. въ этой сказкѣ тѣ люди, которые недавно повѣрили Князю Шаховскому?

Болотниковъ, въ слѣдствіе письменнаго и словеснаго повелѣнія Лжедимитріева, получивъ званіе большаго Воеводы, съ 12,000 отрядомъ 88) отправился чрезъ Камарницкую волость къ Москвѣ и вмѣстѣ съ Пашковымъ осадилъ сію столицу. Они однако поссорились: Болотниковъ, избранный Воеводою самимъ Царемъ, не хотѣлъ быть подъ начальствомъ Пашкова, избраннаго Шаховскимъ; прогналъ его и остался главнымъ Полководцемъ. Пашковъ, оскорбленный такимъ поступкомъ, завелъ переговоры съ Царемъ Василіемъ, получилъ отъ него знатные подарки и явившись въ Москвѣ съ Боярами Касимовскими и Рязанскими, среди бѣлаго дня объявилъ всенародно, что въ Путивлѣ никто не видалъ Димитрія, что о спасеніи и бѣгствѣ его въ Польшу распустилъ слухъ Князь Шаховскій; но справедлива ли молва сія ему, Пашкову, не извѣстно. Москвитяне отправились въ лагерь Болотникова съ требованіемъ показать имъ Царя Димитрія. »Мы готовы присягнуть ему, говорили они, если только Царь твой истинный Димитрій.« »Царь въ Польшѣ, отвѣчалъ Болотниковъ; я видѣлъ его своими глазами; онъ скоро сюда будетъ и поручилъ мнѣ васъ увѣдомить о семъ.« »Нѣтъ! возразили Москвитяне, это не Царь, а обманщикъ: мы сами убили Ди-

митрія. Не проливай крови напрасно, покорись 1606.
Государю; онъ сдѣлаетъ тебя знатнымъ Господиномъ!« Болотниковъ отвергъ сіе предложеніе. »Давъ клятву Царю, говорилъ онъ, жертвовать за него самою жизнію, я сдержу свое слово и не буду бездѣльникомъ, подобно Пашкову. Вы заботитесь о своей пользѣ, я не менѣе думаю о собственной, еще болѣе о Государѣ. Идите; мы скоро увидимся!«

Послѣ сего онъ отправилъ гонца къ Князю Шаховскому, съ просьбою, какъ можно скорѣе доставить Царя изъ Польши: »Я довелъ Москвитянъ до того, писалъ Болотниковъ, что они готовы передаться Димитрію, лишь только увидятъ его. Царь долженъ пріѣхать одинъ, безъ войска: народъ и безъ того выдастъ ему измѣнника Шуйскаго.« Но тотъ, кого Шаховскій именовалъ Димитріемъ и отъ кого получалъ онъ въ Путивлѣ письма, не хотѣлъ вѣрить сему извѣстію, жилъ въ Польшѣ богатымъ Паномъ, и не искалъ престола, предоставивъ право спорить объ ономъ кому было угодно [89]).

И такъ не видя мнимаго Димитрія, разувѣренные Москвитяне ежедневно дѣлали вылазки; наконецъ самъ Шуйскій повелъ 100,000 человѣкъ на враговъ: множество побилъ, 10,000 взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. Отступивъ къ Серпухову, Болотниковъ сказалъ жителямъ сей крѣпости, что если они

1607. согласятся довольствовать его войско въ продолженіе года, онъ останется съ ними; въ противномъ случаѣ долженъ будетъ удалиться. Ему отвѣчали, что въ Серпуховѣ и самимъ нечего ѣсть; тогда онъ отступилъ далѣе, въ Калугу, на 36 миль отъ Москвы, городъ обильный съѣстными припасами. Калужане, въ угожденіе Царю Димитрію, приняли его защитника дружелюбно.

Болотниковъ обвелъ Калугу тыномъ съ двойнымъ рвомъ и выдержалъ осаду съ 30 Декабря 1606 года по 3 Мая 1607; но какъ Димитрій все еще не являлся, ибо въ Польшѣ не было охотниковъ итти на вѣрную смерть, то Князь Григорій Шаховскій выдумалъ новое средство и безъ Польскаго Димитрія поработить Москвитянъ. Степные Казаки увѣдомили его, что сынъ слабоумнаго Царя Ѳеодора, Петръ, едва спасенный отъ Годунова, еще въ младенчествѣ, и нашедшій убѣжище въ ихъ степяхъ, желаетъ повидаться съ дядею своимъ Димитріемъ, въ намѣреніи испросить себѣ удѣлъ для приличнаго мѣстопребыванія. Шаховскій, имѣя въ рукахъ Димитріеву печать, написалъ отъ имени сего Государя къ Царевичу Петру грамоту, въ коей просилъ набрать Казаковъ какъ можно болѣе, и привести ихъ въ Путивль, для покоренія Россіи, съ тѣмъ, что Царевичъ будетъ управлять престоломъ до прибытія Димитрія изъ

Польши. Такъ онъ предавалъ въ руки Петра 1607. прекраснѣйшее Царство [90])!

Петръ привелъ въ Путивль, на помощь дядѣ своему Димитрію, 10,000 человѣкъ; отсюда онъ отправился къ Тулѣ, вмѣстѣ съ Шаховскимъ, который рѣшился возвести его на Русскій престолъ, если Богъ поможетъ имъ одолѣть Москвитянъ, и никто не вздумаетъ пріѣхать изъ Польши, чтобы выдать себя за Димитрія; впрочемъ все дѣлалъ и говорилъ именемъ сего Царя, который давно былъ въ могилѣ.

Въ томъ же году Карлъ, Герцогъ Шведскій, желая предостеречь Василія Шуйскаго, увѣдомлялъ его чрезъ нарочнаго посланника [91]), что Король Польскій и Папа Римскій умышляютъ злое на Россію, что опасность, грозящая Русскому Царству, обратится и на Швецію; почему, предостерегая своего любезнаго сосѣда, Герцогъ изъявлялъ готовность выслать къ Новугороду въ пособіе 10,000 воиновъ Шведскихъ или Нѣмецкихъ, если Царь согласится содержать ихъ на счетъ своей казны. Шуйскій не принялъ сего предложенія и отвѣчалъ Герцогу, что Россія всегда умѣла собственными силами управляться со врагами, безъ помощи сосѣдовъ, и никогда искать оной не будетъ. Однако онъ ошибся въ своемъ расчетѣ; послѣ и самъ искалъ защитниковъ въ Швеціи, да уже поздо: пришелъ наконецъ Делагарди; но призвать его стоило Царю

1607. большихъ трудовъ и издержекъ. Не даромъ говоритъ пословица: *Куй желѣзо, пока оно горячо.*

Между тѣмъ, легкомысленный Нѣмецъ, именемъ Фридрихъ Фидлеръ, родомъ изъ Кенигсберга, явился къ Василію Шуйскому съ предложеніемъ избавить его и Россію отъ Болотникова ядомъ, если только будетъ награжденъ помѣстьями и деньгами. Шуйскій, давъ Фидлеру на первый разъ 100 талеровъ и коня, объявилъ, что онъ получитъ въ награду 100 душъ крестьянъ и 300 талеровъ ежегоднаго оклада, если сдержитъ свое слово и присягнетъ въ непремѣнномъ исполненіи своего обѣщанія: ибо Царь не совсѣмъ вѣрилъ ему, какъ извѣстному хвастуну и обманщику. Легкомысленный Фидлеръ произнесъ такую клятву, что у всякаго, кто слышалъ оную, дыбомъ становились волосы. Потомъ взялъ деньги, отправился въ Калугу, и вручилъ Болотникову ядъ, въ присутствіи многихъ людей, объявивъ, что это—подарокъ Василія Шуйскаго, и что Воевода можетъ употребить оный какъ хочетъ. Болотниковъ осыпалъ его наградами; но клятвопреступникъ, продавъ душу свою дьяволу и обезславивъ имя Нѣмцевъ, мало выигралъ: потерялъ все имущество, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія; самый видъ его сдѣлался страшнымъ и дикимъ; въ послѣдствіи

онъ попался въ руки Шуйскаго и былъ сосланъ въ Сибирь. Вотъ его клятва: 1607.

»Во имя пресвятой и преславной Троицы, во имя предвѣчнаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, я Фридрихъ Фидлеръ даю сію клятву въ томъ, что хочу погубить ядомъ врага Царю Василію Ивановичу и всему Царству Русскому, Ивана Болотникова; если же сего не исполню и обману моего Государя, да лишитъ меня Господь навсегда участія въ небесномъ блаженствѣ; да отринетъ меня навѣки отъ своего милосердія единородный сынъ Божій Іисусъ Христосъ, кровь свою за насъ пролíявшій; да не будетъ подкрѣплять душу мою сила Св. Духа; да покинутъ меня всѣ Ангелы, Христіанъ охраняющіе. Пусть обратятся во вредъ мнѣ стихіи міра сего, созданныя на пользу человѣка; пусть земля поглотитъ меня живаго; да будутъ земныя произрастенія мнѣ отравою, а не пищею; да овладѣетъ тѣломъ и душею моею діаволъ. Если даже духовный отецъ разрѣшитъ меня отъ клятвы, которую исполнить я раздумалъ бы, да будетъ таковое разрѣшеніе недѣйствительно. Но нѣтъ! я сдержу свое слово и симъ ядомъ погублю Ивана Болотникова, уповая на Божію помощь и Св. Евангеліе.«

1 Мая 1607 года, Царевичъ Петръ выслалъ изъ Тулы войско на помощь Калугѣ, уже давно

1607. осаждаемой Москвитянами. Царскіе Воеводы отправили противъ сего отряда нѣсколько тысячъ человѣкъ; враги встрѣтились на Пчелнѣ и сразились. Москвитяне, разбитые на голову, съ ужасомъ прибѣжали въ окопы свои подъ Калугу. На другой день Болотниковъ сдѣлалъ вылазку и такъ перепугалъ Царское войско, что кинувъ всѣ орудія, всѣ военные снаряды, всѣ жизненные припасы, оно бросилось къ Москвѣ; а побѣдитель, избавившись отъ осады, перешелъ къ Петру въ Тулу.

Шуйскій однако ободрился, хотѣлъ овладѣть симъ городомъ, гдѣ собрались главные мятежники, и отправилъ всю рать свою къ Серпухову. Узнавъ о такомъ намѣреніи, Царевичъ Петръ, Князь Шаховскій и Болотниковъ спѣшили врагамъ на встрѣчу, и сразились съ ними подъ Серпуховымъ; битва была упорная; Москвитяне разбѣжались бы навѣрное, еслибъ одинъ изъ Тульскихъ Воеводъ не передался на ихъ сторону съ 4,000 человѣкъ. Эта измѣна ужаснула сподвижниковъ Петра: они оставили поле сраженія и возвратились въ Тулу. Послѣ кратковременнаго отдыха, мятежники опять выступили на встрѣчу Василію Ивановичу, который уже приближался къ сему городу; но какъ Царское войско несравненно было многочисленнѣе, простираясь до 100,000 человѣкъ: то они возвратились въ крѣпость. Царь, въ Іюнѣ мѣсяцѣ

окруживъ Тулу со всѣхъ сторонъ, приказалъ 1607.
запрудить въ полумили отъ города, рѣку Упу, среди его протекающую. Вода остановилась и наполнила всѣ улицы, по коимъ можно было ѣздить только на паромахъ 92); между тѣмъ пресѣкся подвозъ съѣстныхъ припасовъ и насталъ голодъ: жители начали ѣсть собакъ, кошекъ, стерву, лошадей и воловьи кожи; дороговизна была страшная: за бочку ржаной муки платили 100 гульденовъ; пива не было и въ поминѣ; голодъ погубилъ многихъ; напрасно Болотниковъ нѣсколько разъ писалъ въ Польшу, къ тому, кто отправилъ его въ Россію, съ просьбою поспѣшить на помощь: Димитрій не являлся.

Наконецъ Казаки и всѣ граждане Тульскіе, разувѣренные въ молвѣ о спасеніи Димитрія, рѣшились выдать Царю Василію главныхъ виновниковъ обмана, Князя Шаховскаго и Болотникова; сей послѣдній не терялъ мужества и сказалъ недовольнымъ: »Когда пріѣхалъ я изъ Венеціи въ Польшу, молодой человѣкъ, лѣтъ 24 или 25, призвалъ меня и объявилъ, что онъ Димитрій, бѣжавшій изъ Москвы во время бунта. Я далъ ему клятву въ вѣрности и сдержу мое слово. Не знаю, точно ли онъ Димитрій, коего видѣть въ Москвѣ мнѣ не случалось; но люди, знавшіе Царя, увѣряютъ, что сей человѣкъ на него похожъ.«

1607. Болѣе всего негодовали на Князя Шаховскаго, который разгласилъ, будто бы Димитрій бѣжалъ съ нимъ изъ Москвы; посадили его подъ стражу, съ угрозою выдать, какъ виновника войны, Василію Шуйскому, если не явится Димитрій. Наконецъ Болотниковъ далъ Поляку Ивану Мартиновичу Заруцкому порученіе развѣдать, что случилось съ тѣмъ, кто называлъ себя Димитріемъ, и будетъ ли онъ въ Россію, или нѣтъ. Заруцкій доѣхалъ только до Стародуба, гдѣ остался и ничего не отвѣчалъ.

Не имѣя свѣденій отъ Заруцкаго, Болотниковъ и Шаховскій отправили въ Польшу другаго гонца: то былъ Казакъ; онъ переплылъ Упу, достигъ Польши и увѣдомилъ друзей Воеводы Сендомирскаго, что если никто изъ нихъ не согласится выручить осажденныхъ изъ бѣды неминуемой; то всѣ города, покоренные во имя Димитрія, будутъ преданы Его Величеству Королю Польскому, лишъ только бы не доставались они Шуйскому. Друзья Воеводы Сендомирскаго тотчасъ приступили къ дѣлу; сыскали въ Бѣлорусскомъ городѣ Соколѣ 93), проворнаго молодца, именемъ Ивана, родомъ изъ Россіи: онъ былъ учителемъ у какого-то Священника, и хорошо разумѣлъ языкъ Русскій и Польскій. Давъ сему плуту роль Димитрія съ нужными наставленіями, Поляки отправили его въ Путивль съ Паномъ Мѣховецкимъ 94). Жители Путивля

съ радостію признали его Димитріемъ. Отсюда 1607.
обманщикъ въ концѣ Іюля пошелъ въ страну Сѣверскую и прибылъ въ Стародубъ съ двумя спутниками, Григоріемъ Кашнецомъ и писаремъ Алексѣемъ; но здѣсь выдавалъ себя не за Царя, а за Царскаго родственника, Нагаго; говорилъ, что Царь не далеко съ Паномъ Мѣховецкимъ и многими тысячами всадниковъ; что Стародубцы должны радоваться прибытію Государя, который за вѣрную службу осыплетъ ихъ милостями.

Мѣховецкій однакожъ не явился къ назначенному времени; жители Стародубскіе, раздраженные обманомъ, схватили писаря Алексѣя, Григорія Кашнеца, даже мнимаго родственника Царскаго—Лжедимитрія II, и повели ихъ къ пыткѣ; начали съ писаря: раздѣли его и стали исписывать ему спину плетьми, допрашивая, живъ ли Царь и гдѣ онъ? Къ такому письму писарь не привыкъ. »Пусть будетъ со мной, что Николѣ угодно, размышлялъ онъ, скажу правду; открою, что сей Нагой не родственникъ Царя, а самъ Димитрій.« Наконецъ рѣшился и закричалъ: »Пощадите, дайте сказать, гдѣ Царь вашъ!« Пытку прекратили. »Дураки! говорилъ Алексѣй народу, ну какъ вамъ не грѣшно тиранить меня за Государя? Да развѣ не знаете его? Онъ здѣсь; онъ видитъ мою муку: вотъ онъ! Это не Нагой, а Царь вашъ. Коли хотите и его по-

1607. губить съ нами, губите! Для того-то и не открывался онъ, чтобы узнать, будете ли вы рады ему.« Тутъ бѣдные, простодушные Стародубцы пали предъ Самозванцемъ на колѣна и завопили: »Виноваты, Государь; клянемся жить и умереть за тебя!« Его проводили съ почтеніемъ въ Царскія палаты. Такимъ образомъ Димитрій, убитый въ Москвѣ, опять явился въ Стародубѣ.

Обрадованный симъ событіемъ, Иванъ Мартиновичъ Заруцкій (котораго послали, какъ выше сказано, къ Царю изъ Тулы), немедленно явился къ Самозванцу, представилъ письмо, и хотя съ перваго взгляда замѣтилъ, что сей Димитрій есть обманщикъ; но въ присутствіи народа, призналъ его своимъ прежнимъ Государемъ, котораго впрочемъ никогда не видывалъ. Стародубцы еще болѣе убѣдились въ истинѣ словъ писаря Алексѣя.

Въ тотъ же день прибылъ и Мѣховецкій съ нѣсколькими эскадронами Польской конницы. Димитрій тотчасъ отправилъ его освободить Козельскъ отъ осады; а самъ обѣщалъ итти въ слѣдъ, для освобожденія Тулы и Калуги; остался же въ Стародубѣ только для того, чтобы увѣриться въ усердіи народномъ; для сего употребилъ слѣдующую хитрость: Ивану Заруцкому приказано было выѣхать съ копьемъ въ рукѣ за городъ и ожидать тамъ Димитрія, который хотѣлъ состязаться съ нимъ въ искусствѣ

владѣть оружіемъ и въ ристаніи. Какъ скоро 1607.
соберется народъ на сіе зрѣлище, Заруцкій долженъ былъ ударить въ Царя копьемъ по платью, такъ, чтобы онъ свалился съ лошади, будто бы отъ удара, а самъ немедленно ускакать въ городъ и скрыться: все это дѣлалось для того, чтобы видѣть, равнодушно ли перенесетъ народъ паденіе своего Государя. Въ слѣдствіе сего условія, Царь упалъ съ коня и притворился полумертвымъ; граждане бросились на Заруцкаго съ крикомъ: »лови, держи измѣнника!« схватили его въ воротахъ, изрядно отпочивали дубинами, привели къ Царю связаннаго и спрашивали, что прикажетъ дѣлать съ виновнымъ. Димитрій, видя, что бѣдному Заруцкому довольно досталось, отвѣчалъ со смѣхомъ: »Спасибо вамъ, православные! вижу преданность вашу; я цѣлъ и невредимъ. Это была шутка; мы хотѣли только испытать васъ.« Стародубцы дивились такой хитрости и смѣялись отъ чистаго сердца; а Заруцкій остался при своихъ побояхъ.

Между тѣмъ, Панъ Мѣховецкій прогналъ Москвитянъ отъ Козельска и ожидалъ тамъ своего Государя. Димитрій выступилъ 1 Августа съ намѣреніемъ освободить Тулу и Калугу; но скоро возвратился къ Самову: ибо узналъ, что Шуйскій старается склонить на свою сторону города Болховъ, Бѣлевъ, Лихвинъ, и разставляетъ ему сѣти. Сіи города въ самомъ дѣлѣ

1607. поддались Шуйскому и вѣрно поймали бы Самозванца, если бы онъ не успѣлъ удалиться и не ушелъ въ Самовъ, гдѣ жилъ цѣлую зиму, пока не получилъ подкрѣпленія.

После отпаденія Болхова, Бѣлева и Лихвина, Тула не могла долѣе держаться: голодъ усиливался, вода прибывала; однакожъ осажденные не хотѣли покориться; ждали только пониженія воды, чтобы сдѣлать вылазку и пробиться сквозь непріятелей. Какой-то чародѣй, старый Монахъ, изъявилъ Петру и Болотникову готовность прорыть плотину и спустить воду; требовалъ только 100 рублей за услугу. Когда обѣщали ему сію награду, онъ раздѣлся до-нага и бросился въ воду: вдругъ послышался въ глубинѣ страшный шумъ; Монаха не видно было долѣе часу; всѣ думали, что онъ попался въ когти дьяволу. Но чародѣй наконецъ выплылъ, только весь изцарапанный,—и на вопросъ, гдѣ онъ такъ долго былъ, отвѣтствовалъ: »Не дивитесь! Мнѣ было довольно дѣла: 12,000 бѣсовъ помогали Шуйскому сдѣлать сію плотину и запрудить Упу. Съ ними-то я все возился, не щадя себя, какъ вы можете судить по этимъ язвамъ; 6,000 демоновъ я склонилъ на нашу сторону; но прочіе 6,000, самые злобные, не даютъ разрушить плотину: съ ними я не могъ сладить!«

Димитрія все не было; въ Тулѣ утратили послѣднюю надежду на спасеніе; изнуренные голодомъ жители едва могли держаться на ногахъ; наконецъ Петръ и Болотниковъ извѣстили Шуйскаго, что они готовы сдать ему крѣпость, если имъ даровано будетъ помилованіе; въ противномъ случаѣ умрутъ съ оружіемъ въ рукахъ и скорѣе съѣдятъ другъ друга отъ голода, нежели сдадутся. 1607.

Шуйскій, изумленный сими словами, отвѣтствовалъ: »Я далъ клятву не щадить никого изъ Тульскихъ жителей; но ваша доблесть и неизмѣнное соблюденіе присяги, хотя и *вору* данной, побуждаетъ меня даровать вамъ жизнь, если только вы согласитесь служить и мнѣ съ тою же вѣрностію.« Сіи слова Царь подтвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ; Тула покорилась 1607 года, въ день Іуды и Симеона.

Выѣхавъ въ задніе ворота, гдѣ разлитіе воды было не такъ сильно, Болотниковъ явился предъ ставкою Шуйскаго, сошелъ съ коня, обнажилъ саблю, положилъ ее себѣ на шею, ударилъ челомъ въ землю и сказалъ Василію: »Я исполнилъ обѣтъ свой; служилъ вѣрно тому, кто называлъ себя Димитріемъ въ Польшѣ (справедливо, или нѣтъ, не знаю: никогда прежде Царя я не видывалъ). Я не измѣнялъ своей клятвѣ; но онъ выдалъ меня; теперь я въ твоей власти! Если хочешь головы моей—вели отсѣчь

1607. ее этою саблею; но если оставишь мнѣ жизнь,— послужу тебѣ столь же вѣрно, какъ и тому, кто оставилъ меня.« Шуйскій послалъ его съ Княземъ Петромъ и 52 Нѣмцами въ Москву, подъ надзоромъ приставовъ. Нѣмцы могли видѣться съ друзьями своими; но Болотниковъ и Петръ ни съ кѣмъ не имѣли сношенія и находились нѣсколько времени подъ стражею. Василій сдержалъ Царское слово такъ свято, какъ только можно ожидать отъ подобныхъ ему людей: Князя Петра, который могъ быть истиннымъ Царевичемъ 95), приказалъ повѣсить; Болотникова отправилъ въ Каргополь и заключилъ въ темницу, а потомъ велѣлъ утопить; Нѣмцевъ разослалъ въ Сибирскія степи, на 800 миль отъ Москвы, гдѣ они болѣе 4 лѣтъ до сего 1612 года, живутъ среди народовъ дикихъ, варварскихъ, не видятъ ни куска хлѣба, питаются только рыбою и мясомъ. Да поможетъ имъ милосердый Богъ, ради Іисуса Христа, освободиться изъ этой неволи! Князь Григорій Шаховскій, главный виновникъ войны, счастливо спасся отъ петли, благодаря своей тюрьмѣ: искусному плуту все сходитъ съ рукъ! Казаки и Тульскіе граждане посадили его въ темницу за ложное увѣреніе въ помощи Димитрія; Шуйскій, овладѣвъ городомъ, приказалъ выпустить на волю всѣхъ заключенныхъ, въ числѣ ихъ и Шаховскаго, который увѣрилъ Царя, что народъ

озлобился на него за намѣреніе покориться Государю. И такъ сей грубый обманщикъ получилъ полную свободу; но въ послѣдствіи, при первомъ удобномъ случаѣ, передался Димитрію II, и сдѣлался его главнымъ Воеводою и вѣрнѣйшимъ Совѣтникомъ. 1607.

Въ знакъ благодарности за покореніе Тулы, Василій отправился на богомолье въ Троицкій монастырь, въ ненастное осеннее время; усердно молился тамъ Св. Сергію, просилъ его заступленія противъ прочихъ враговъ Калужскихъ, Козельскихъ, особливо противъ сопостата Самовскаго, именовавшаго себя Димитріемъ, и далъ обѣтъ въ честь Св. Сергія установить въ Троицкой обители празднество, когда смиритъ измѣнниковъ.

Всѣ люди военные, осаждавшіе Тулу, получили дозволеніе отлучиться въ домы для отдыха, до перваго зимняго пути; но тѣ Воеводы и ратники, которые стояли подъ Калугою, обязаны были оставаться на службѣ. Царь отправилъ въ сей городъ Боярина Егора Беззубцева, (бывшаго прежде на сторонѣ измѣнниковъ сперва въ Калугѣ, потомъ въ Тулѣ), съ обѣщаніемъ даровать милость мятежникамъ, если они покорятся добровольно. Калужане отвѣчали, что они и не думаютъ о сдачѣ; что не знаютъ другаго Царя, кромѣ Димитрія, который не замедлитъ

1607. подать имъ помощь; потомъ сдѣлали вылазку и побили множество Москвитянъ.

Раздраженный такимъ упорствомъ, Василій рѣшился овладѣть городомъ непремѣнно; не хотѣлъ ожидать войска, распущеннаго до зимняго пути, и приказалъ объявить плѣннымъ Казакамъ, отбитымъ у Болотникова подъ Москвою 2 Декабря 1606 года, что если они желаютъ получитъ свободу, оружіе и деньги, пусть присягнутъ ему въ вѣрности и пойдутъ на враговъ. 4000 Казаковъ поклялись немедленно; получили нѣсколько бочекъ пороху и отправились подъ Калугу, чтобы взять ее приступомъ. Но тамъ вскорѣ поссорились съ Боярами и замыслили измѣну; Воеводы Шуйскаго, бросивъ станъ, бѣжали въ Москву.

На другой день, Казаки подошли къ стѣнамъ крѣпости, расказали осажденнымъ о бѣгствѣ Москвитянъ, совѣтовали скорѣе воспользоваться порохомъ и съѣстными припасами, въ лагерѣ оставленными, и просили дозволенія войти въ городъ. Но какъ Воевода Шотуцкій не вѣрилъ симъ словамъ, то они переправились чрезъ Оку, ниже крѣпости, и объявили, что пойдутъ искать Царя своего Димитрія. Калужане рѣшились осмотрѣть лагерь Московскій, и увидѣвъ, что онъ оставленъ непріятелемъ, послали вслѣдъ за Казаками съ просьбою возвратиться; но уже поздо: огорченные отказомъ,

Казаки продолжали путь; воротились только 1608.
100 человѣкъ и нѣсколько Атамановъ для покупки разныхъ припасовъ; Казаки остались въ Калугѣ, Атаманы же уѣхали обратно.

Между тѣмъ Калужане захватили все, что нашли въ станѣ Московскомъ, и потомъ храбро оборонялись до прiѣзда Димитрiя II, признали его истиннымъ Димитрiемъ, присягнули ему въ вѣрности, и не измѣняли клятвѣ до самой смерти Самозванца, какъ ниже будетъ сказано въ концѣ сей книги.

Желая выгнать Димитрiя II изъ Самова, Шуйскiй вывелъ въ поле всѣхъ Бояръ и отправилъ ихъ съ войскомъ подъ Болховъ; но глубокiй снѣгъ, выпавшiй въ Январѣ 1608 года, остановилъ военныя дѣйствiя; можно было вредить только однимъ кормовщикамъ. Между тѣмъ Димитрiй, свѣдавъ о многочисленности Василiевой рати, отправилъ въ Польшу гонца съ требованiемъ прислать какъ можно болѣе конницы. Въ слѣдствiе сего, Самуилъ Тишкевичъ привелъ къ нему 700 всадниковъ; потомъ явился съ такимъ же отрядомъ Александръ Лисовскiй.

Димитрiй выступилъ со всѣмъ войскомъ изъ Самова и осадилъ Брянскъ. Здѣсь начальствовалъ сотнею Нѣмцевъ плѣнный Ливонецъ Гансъ Бергъ, мошенникъ пренскусный: за годъ предъ тѣмъ, онъ оставилъ Шуйскаго и передался Димитрiю; потомъ измѣнилъ своимъ товари-

1608. щамъ, осажденнымъ въ Калугѣ, явился къ Василію и былъ щедро награжденъ; спустя нѣсколько времени, снова перебѣжалъ къ Димитрію, покинувъ въ Москвѣ дѣтей, и взявъ съ собою только жену; Самозванецъ хотѣлъ его повѣсить; но Паны Польскіе испросили ему прощеніе. Не прослуживъ и года Димитрію, Гансъ Бергъ выдалъ Тулу, опять очутился въ Москвѣ и снова заслужилъ милость Царскую. Сообщникомъ сему измѣннику былъ другой старый плутъ, также Ливонецъ, Теннргъ фонъ Виссенъ: они выдали Димитрію Болрина Ивана Ивановича Годунова, мужа добраго и благочестиваго, котораго Самозванецъ велѣлъ утопить въ Калугѣ [96].

Не взявъ Брянска, Димитрій двинулся къ Орлу, куда уже прибылъ Князь Адамъ Вишневецкій съ 2000 конныхъ копѣйщиковъ и Князь Романъ Рожинскій съ 4000. До сихъ поръ главнымъ Полководцемъ Димитріевымъ былъ Мѣховецкій; Рожинскій, отнявъ у него начальство надъ войскомъ, въ Апрѣлѣ 1608 года приступилъ къ Болхову; Москвитяне ужаснулись; многіе Князья, Бояре и Нѣмцы, видя многочисленность Поляковъ, увѣрились, что ихъ привелъ истинный Димитрій, перешли къ нему и въ награду получили столько помѣстьевъ, сколько никогда прежде не имѣли; почему хотя въ послѣдствіи и увидѣли въ мнимомъ Царѣ обманщика; однакожъ не хотѣли его оставить. Димит-

рій еще болѣе увеличилъ число приверженцевъ, 1608.
объявивъ въ разныхъ городахъ, что крестьяне, согласные присягнуть ему, могутъ присвоить земли господъ своихъ, служившихъ Василію, и жениться на дочеряхъ Боярскихъ, коихъ успѣютъ захватить въ помѣстьяхъ. Такимъ образомъ многіе холопи сдѣлались Боярами, а господа ихъ, преданные Шуйскому, умирали съ голоду.

17 Апрѣля начальники Нѣмецкой дружины послали къ Димитрію II Ротмистра Бартольда Ламсдорфа, юношу неопытнаго, никогда въ чужихъ краяхъ не бывавшаго, Поручика Іоахима Берга и Прапорщика Георга фонъ Аалена, людей столь же малоопытныхъ, но въ плутовствѣ довольно искусныхъ: они предлагали Димитрію свои услуги и просили не останавливаться походомъ, обѣщая при первомъ сраженіи перейти на его сторону съ распущенными знаменами. Надобно знать, что сіи люди присягнули Шуйскому, около двухъ лѣтъ служили съ честію, брали деньги, и притомъ слыхали, что Димитрій—Самозванецъ. Вѣроломные уговаривали и прочихъ Нѣмцевъ передаться Димитрію, хотя многіе изъ нихъ имѣли въ Москвѣ женъ и дѣтей. Если бы сіе случилось, Шуйскій не пощадилъ бы ни одного Нѣмецкаго младенца; но Всевышній, по вѣчной Своей премудрости, удержалъ простыхъ воиновъ отъ измѣны, а начальниковъ такъ ослѣпилъ, что они ежедневно на-

1608. пивались до-пьяна и забыли о своемъ предложенiи непрiятелю. 23 Апрѣля, въ день Св. Георгiя, Димитрiй встрѣтился съ Русскимъ войскомъ при Каминнѣ: битва завязалась. Начальники Нѣмецкой дружины были такъ трезвы, что вовсе позабыли свою измѣну; простые же всадники, ничего объ оной не зная, по первому приказанiю, ударили на Поляковъ и побили ихъ до 400 человѣкъ. Раздраженные потерею, Димитрiй и Полководецъ его Рожинскiй вѣрно перевѣшали бы Нѣмецкихъ перемстчиковъ, если бы сiи послѣднiе не скрылись. Рожинскiй отдалъ приказъ не щадить ни одного Нѣмца въ слѣдующемъ сраженiи.

24 Апрѣля Димитрiй двинулся всѣми силами подъ Болховъ на Москвитянъ. Конные копѣйщики его, ударивъ на самый многочисленный отрядъ, обратили его въ бѣгство. Предатель же Ламсдорфъ отвелъ въ сторону своихъ всадниковъ и хотѣлъ итти къ Димитрiю съ распущенными знаменами. Многiе честные люди говорили ему: »Все кончено! Русскiе бѣгутъ; Поляки насъ окружаютъ: одни мы не въ силахъ устоять. Куда же идешь ты Капитанъ?« »Тотъ будетъ бездѣльникъ, воскликнулъ Ламсдорфъ, кто оставитъ свое знамя!« »Называй насъ какъ хочешь, отвѣтствовали воины; мы не останемся: сраженiе проиграно, а ты замышляешь передаться; жены и дѣти еще слишкомъ для насъ

милы, чтобы губить ихъ измѣною. Плутовства 1608.
же не любимъ!« Сказавъ сіе, они поскакали за Русскими въ Москву. Вскорѣ Запорожскіе Казаки, окруживъ покрытаго латами измѣнника Ламсдорфа и всѣхъ единомышленниковъ его, исполнили въ точности приказаніе Рожинскаго: всѣ Нѣмцы, числомъ до 200 человѣкъ, были изрублены, оставивъ женъ своихъ горестными вдовицами, а дѣтей несчастными сиротами. Никогда не загладитъ своей вины легкомысленный Ротмистръ, рано затѣявшій быть слишкомъ умнымъ: въ преисподнія ада низринутъ его слезы вдовъ и сиротъ, коихъ мужья и отцы сдѣлались жертвою столь постыднаго поступка! Измѣна его была бы еще пагубнѣе, если бы онъ живой передался непріятелю: тогда всѣхъ Нѣмцевъ, оставшихся въ Москвѣ, Шуйскій велѣлъ бы навѣрное перебить. Теперь же, когда многіе изъ ихъ единоземцевъ пали на полѣ битвы, Россіяне жалѣли о сихъ страдальцахъ и не отняли помѣстьевъ у вдовъ беззащитныхъ. Ламсдорфъ и единомышленники его затѣяли измѣну единственно для того, чтобы заслужить почтеніе Поляковъ; пускай другіе лишились бы головы, съ женами и дѣтьми—для нихъ было все равно. Правосудіе Божіе покарало предателей; не найдутъ они себѣ покоя и въ могилѣ — и тамъ будутъ преслѣдовать ихъ невинныя жертвы!

Разбитый Шуйскій возвратился въ Москву,

1608. въ день Вознесенія Христова; ему казалось, что всѣ Москвитяне хотятъ навострить лыжи изъ Москвы и бѣжать къ Самозванцу: и точно народъ оставилъ бы Василія навѣрное, еслибъ Димитрій поспѣшилъ пришествіемъ. »За чѣмъ не возвращаются Бояре, которые передались ему?« толковала чернь. Многіе граждане уже помышляли о средствахъ оправдать себя предъ Димитріемъ, когда онъ овладѣетъ столицею, и всю вину слагали на Бояръ, называя ихъ предателями, себя же оправдывая невѣдѣніемъ. »Говорятъ, что Димитрій весьма проницателенъ, сказалъ одинъ Москвитянинъ, и что онъ можетъ по глазамъ узнать виновнаго.« »Пропалъ же я, вскричалъ устрашенный мясникъ, если онъ меня увидитъ: этимъ ножемъ я закололъ пятерыхъ его Поляковъ!« Однимъ словомъ, Москва была въ ужасѣ.

9 Іюня Димитрій со всѣми силами подступилъ къ Москвѣ и остановясь въ селѣ Тайнинскомъ, осматривалъ окрестныя мѣста, гдѣ бы расположиться лагеремъ; въ семъ же мѣсяцѣ прибылъ къ нему изъ Литвы Янъ Петръ Павелъ Сапѣга съ 7000 конныхъ копейщиковъ. — Василій съ своей стороны выслалъ изъ столицы сильное войско, подъ начальствомъ Князя Михаила Скопина; но сіе войско, оградивъ станъ свой острогами, оставалось въ бездѣйствіи; Димитрій, напавъ на оное 24 Іюня, въ ночь на Ивановъ

день, такъ потревожилъ сонъ Московскихъ 1608. ратниковъ, что многіе изъ нихъ никогда уже не проснутся. Ожидая приступа къ самой Москвѣ, Василій велѣлъ поставить пушки на городскихъ валахъ. Поляки навѣрное овладѣли бы столицею, если бы напали на нее немедленно; но Димитрій, надѣясь на покорность жителей, не хотѣлъ разорять столь обширнаго города, и неоднократно удерживалъ нетерпѣливыхъ Поляковъ, шедшихъ самовольно на приступъ, сими словами: »Если разорите мою столицу и сожжете мою казну, чѣмъ же будетъ мнѣ наградить васъ?« Не другъ, а злѣйшій врагъ внушилъ Димитрію эту мысль! Гораздо было бы лучше истребить одинъ городъ, чѣмъ разорять половину Царства: въ Россіи скоро явилась бы новая Москва; спасая столицу, онъ предавалъ множество селъ и городовъ разрушенію.

29 Іюня 1608 года, въ день Петра и Павла, Димитрій расположился лагеремъ въ 12 верстахъ отъ Москвы, при селѣ Тушинѣ; тамъ стоялъ онъ до 29 Декабря 1609 года. Въ продолженіе сего времени была не одна схватка между непріятелями; не одинъ гордый витязь палъ на полѣ сраженія. Москвитяне, опасаясь, чтобы Поляки не освободили Воеводы Сендомирскаго, Марины, вдовы Димитрія I, Пана Стадницкаго и другихъ Польскихъ господъ, заключенныхъ въ Ярославлѣ и Ростовѣ, перевезли

1608. ихъ въ Москву, въ надежныя темницы; въ последствіи согласились отпустить плѣнниковъ въ Отечество; требовали только клятвеннаго обѣщанія не переходить къ непріятелю и не воевать съ Россіею. Поляки съ радостію присягнули и благодарили Бога за спасеніе себя отъ смертоубійцъ. И такъ Москвитяне повезли ихъ въ Польшу, окольными путями, чтобы не попасть въ руки непріятеля. Свѣдавъ о семъ, Димитрій II выслалъ на дорогу нѣсколько тысячъ всадниковъ, которые, побивъ провожатыхъ Марины, взяли Царицу, и со всѣми находившимися при ней Поляками, отвезли въ Тушинскій лагерь. Не помня себя отъ радости, Димитрій велѣлъ палить изъ всѣхъ пушекъ; Царица также хотѣла радоваться, но по нѣкоторымъ причинамъ не могла; впрочемъ для лучшаго обмана притворилась веселою; только не поѣхала прямо въ Тушинскій лагерь, а остановилась въ шатрахъ за версту отъ онаго. Тутъ начались переговоры; наконецъ условились: Воеводѣ Сендомирскому надлежало отправиться въ Польшу, а Марина согласилась остаться съ мнимымъ Димитріемъ, который однако долженъ былъ отказаться отъ правъ супруга, пока не завоюетъ Москвы и не достигнетъ престола. Самозванецъ обѣщалъ свято хранить договоръ и поклялся Богомъ. Послѣ сего было торжественное свиданіе; Царь и Царица искусно играли свои роли и привѣтствова-

ли другъ друга съ радостными слезами, съ та- 1608.
кою непритворною нѣжностію, съ такимъ вос-
хищеніемъ, что эта комедія ослѣпила мно-
гихъ зрителей. По всему Государству разнеслась
молва о семъ происшествіи; вездѣ признавали
Самозванца Димитріемъ; Бояре со всѣхъ сторонъ
стремились въ Тушинскій лагерь.

Не получая помощи отъ Бога, Шуйскій обратился къ дьяволу; пустился колдовать, собралъ всѣхъ чернокнижниковъ, какихъ только могъ найти (чего не успѣвалъ сдѣлать одинъ, за то принимался другой), приказалъ вырѣзывать младенцевъ изъ чрева беременныхъ женъ, и убивать коней, чтобы достать сердце: все это зарывали въ землю, около того мѣста, гдѣ стояло Царское войско. »Оно было невредимо, увѣряли »чародѣи, доколѣ не выходило за черту; »но лишь только переступало ее, всегда было »поражаемо. Съ Поляками случалось тоже: едва »подходили къ чертѣ, люди и кони падали или »обращались въ бѣгство.« Но все было тщетно: знатные Вельможи оставляли Шуйскаго и толпами стремились къ Димитрію, доколѣ не увѣрилъ Москвитянъ въ обманѣ Князь Василій Масальскій, который, въ числѣ другихъ передавшись Самозванцу, чрезъ нѣсколько дней со многими Боярами возвратился въ Москву, и объявилъ торжественно, что мнимый Димитрій есть новый *воръ* и обманщикъ. Съ тѣхъ поръ

1608. Москвитяне стали усердно защищаться. Шуйскій, по совѣту Бояръ, рѣшился призвать на помощь чужеземцевъ и отправилъ въ Швецію храбраго героя, Михаила Скопина [97]. Новые свидѣтели еще болѣе удостовѣрили Москвитянъ въ истинѣ словъ Масальскаго: то были два плута и измѣнника Ливонецъ Гансъ Шнейдеръ и Австріецъ Генрихъ Капельсенъ; оба сіи бездѣльника убѣжали отъ Димитрія въ Москву, взошли на Лобное мѣсто и хорошо разумѣя по-Русски, поклялись народу всѣмъ священнымъ, что Тушинскій воръ есть обманщикъ, а не первый Димитрій. Капельсенъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, бѣжалъ изъ Австріи въ Турцію и принялъ тамъ за деньги Мусульманскую вѣру; потомъ ушелъ отъ Турковъ и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Германіи; наконецъ, въ правленіе Бориса Годунова, пріѣхалъ въ Москву, разбогатѣлъ, зазнался, перекрестился, отрекся отъ своего Бога, котораго изъ дѣтства исповѣдывалъ, плевалъ для сего троекратно чрезъ плечо, и поклонился Русскому Богу Николаю [98]: одною смертію можно изгладить такое преступленіе! До трехъ разъ онъ перебѣгалъ отъ Шуйскаго къ Димитрію, отъ Димитрія къ Шуйскому; но Москвитяне вѣрили сему богоотступнику.

Утративъ надежду на добровольную покорность Москвитянъ, Димитрій далъ Пану Сапѣгѣ 15,000 воиновъ, съ повелѣніемъ осадить Троиц-

кій монастырь и пресѣчь подвозъ съѣстныхъ 1608.
припасовъ къ столицѣ. Сапѣга осаждалъ Троицкій монастырь въ продолженіе всего времени, когда Димитрій находился подъ Москвою; но не могъ овладѣть онымъ. Этотъ Монастырь лежитъ въ 12 миляхъ отъ Москвы. Шуйскій послалъ ему на помощь всѣхъ всадниковъ, сколько могъ собрать (числомъ до 30,000), подъ начальствомъ меньшаго брата своего Ивана Ивановича, съ повелѣніемъ отразить войско Самозванца. Непріятели встрѣтились при Воздвиженскомъ и сразились. Сапѣга ударилъ стремительно; но дважды былъ отбитъ, и Поляки уже начали трусить. »Друзья! воскликнулъ Польскій Военачальникъ, бѣгство насъ погубитъ; Польша далеко; лучше пасть на полѣ битвы, чѣмъ терпѣть побои, подобно женщинамъ непотребнымъ. Каждый изъ васъ дѣлай съ Богомъ свое дѣло. Я вездѣ буду впереди. За мною храбрые »товарищи! Ударимъ еще разъ: Богъ даруетъ »намъ побѣду.« Смѣло бросились Поляки на враговъ, побили нѣсколько тысячъ и одержали побѣду; съ тѣхъ поръ Шуйскій не показывался въ полѣ и не безпокоилъ Поляковъ подъ Троицкимъ монастыремъ, до прибытія Понтуса Делагарди. Сапѣга же отрядилъ небольшую дружину, состоявшую изъ Нѣмцевъ, Казаковъ и Поляковъ, подъ начальствомъ Испанца Дона Жуана Крузатти, для покоренія окрестныхъ селъ и го-

1608. родовъ. Переяславль присягнулъ Димитрію; но Ростовъ, отстоящій отъ онаго не далѣе 12 миль, не хотѣлъ покориться. 11 Октября онъ былъ преданъ огню и мечу. Всѣ сокровища, въ немъ найденныя, золото, серебро, жемчугъ, драгоцѣнные каменья, достались побѣдителямъ. Свирѣпые воины не щадили и Св. Иконъ, даже разрубили серебряный гробъ Св. Леонтія, а изображеніе сего Угодника, вылитое изъ золота, въ 200 фунтовъ вѣсомъ, присвоили себѣ. Митрополитъ Ростовскій Князь Ѳедоръ Никитичъ взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Подмосковный лагерь, гдѣ Самозванецъ принялъ его ласково и возвелъ въ достоинство Патріарха; при семъ случаѣ, Митрополитъ вынулъ изъ своего жезла восточный яхонтъ, цѣною въ полбочки золота, и подарилъ его Димитрію 99).

Несчастіе Ростова было урокомъ многолюдному и богатому Ярославлю; онъ изъявилъ готовность признать Димитрія Царемъ и служить ему, чѣмъ могъ, если только права граждань останутся неприкосновенными, домы не будутъ разграблены, а женъ и дѣтей ихъ не тронутъ Поляки. Заключивъ такое условіе, жители Ярославля, Русскіе и иностранцы, Англичане и Нѣмцы, присягнули назначенному къ нимъ Воеводою, перекрещенному Шведу, Греческой вѣры 100), и отправили въ Тушинскій лагерь 30,000 рублей для раздачи войску; сверхъ того обяза-

лись снарядить тысячу всадниковъ и выставить значительное количество съѣстныхъ припасовъ; но Панибраты не сдержали слова: грабили купеческія лавки, били народъ, оскорбляли Бояръ, и безъ денегъ покупали все, чего хотѣли. То-то была славная торговля! Это вѣроломство имѣло пагубныя слѣдствія, какъ ниже увидимъ. 1608.

Кострома, Галичъ, Вологда также покорились Димитрію и безъ сомнѣнія не измѣнилибъ присягѣ, если бы не взбунтовалъ ихъ проклятый перекрещенецъ Даніилъ Эйловъ, прибывшій изъ Нидерландъ и промышлявшій въ Россіи вываркою соли. Себѣ на бѣду и народу на пагубу, Эйловъ сперва разглашалъ въ окрестныхъ городахъ, что мнимый Димитрій есть обманщикъ, и что Россіяне не обязаны сохранять присяги, данной Самозванцу; наконецъ рѣшился перебить Поляковъ и собралъ въ свою соловарню до 200 человѣкъ, простаго народа, вооруженныхъ луками, стрѣлами и копьями. Но едва Поляки свѣдали о заговорѣ и явились предъ соловарнею, нашъ храбрецъ спрятался въ погребъ съ тремя старшими дочерьми, предавъ бѣдныхъ крестьянъ въ жертву непріятеля. Вскорѣ, т. е. 11 Декабря, онъ и самъ попался въ руки Поляковъ, которые заставили его внести выкупу 600 талеровъ, а дочерей задержали и вѣрно возвратили бы ихъ къ отцу совсѣмъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ были до плѣна, если бы не вступил-

1608. ся за нихъ Ярославскій Воевода Іоакимъ Шмитъ; сему благородному человѣку Эйловъ и дѣти его должны быть обязаны вѣчною благодарностію. 12 Декабря, Поляки умертвили близъ вышеозначенной соловарни 1000 Россіянъ и сожгли многія деревни. Въ тотъ же день прибыли въ Ярославль изъ Тушинскаго и Троицкаго лагерей Панъ Александръ Лисовскій съ 500 Казаковъ [101]) и Янъ Шучинскій съ 900 конныхъ копейщиковъ; изъ Ярославля они двинулись къ Даниловскому монастырю, сожгли его и умертвили всѣхъ жителей; потомъ пошли къ Костромѣ, Галичу и другимъ непокорнымъ городамъ: все обратили въ пепелъ и овладѣли несмѣтною добычею. Такъ миновалъ 1608 годъ, бѣдственный для Россіи; много пострадала она отъ стотысячнаго войска Димитріева!

ГЛАВА IX.

1609.

Тушинскій лагерь. Осада Смоленска Сигизмундомъ. Письмо Шуйскаго. Прибытіе Делагарди. Ляпуновъ. Волненіе сѣверо-восточной Россіи. Бѣдствіе Ярославскаго Воеводы Шмита. Марина жена Тушинскаго вора. Высокомѣріе Самозванца. Побѣды Михаила Скопина. Набѣги Лисовскаго.

Много страдала Россія въ 1608 году; но 1609 былъ для нея несравненно злополучнѣе: во всѣхъ концахъ Государства воспламенились войны; все доказывало, что Богъ прогнѣвался на Русскихъ, и рѣшился ихъ наказать; Димитрій продолжалъ осаду Москвы и Троицкой обители; воины его, числомъ до 100,000 человѣкъ, вездѣ, гдѣ только могли, обращали въ пепелъ города и села, грабили, убивали Москвитянъ. Добыча была несмѣтная; и въ Тушинѣ, и въ Троицкомъ лагерѣ войско плавало въ изобиліи: не льзя было надивиться, откуда бралось такое множество съѣстныхъ припасовъ—всякаго рода скота, масла, сыру, муки, меду, солоду, вина; даже собаки не успѣвали пожирать головъ, ногъ и внутренностей животныхъ, разбросанныхъ по улицамъ и производившихъ столь ужасный смрадъ, что уже опасались моровато повѣтрія. Польскіе солдаты готовили для себя кушанья

1609. ежедневно изъ наилучшихъ припасовъ; а пива такъ много забрали у крестьянъ и монаховъ, что его некуда было дѣвать: пили только медъ.

Въ семъ же году, Сигизмундъ, Король Польскій, вступилъ въ Россію съ 20,000 воиновъ, явился подъ Смоленскомъ и хотѣлъ, чтобы сей городъ, изстари принадлежавшій Польшѣ, добровольно ему покорился. Но какъ жители отвѣчали на сіе предложеніе пушечными выстрѣлами, то Король осадилъ Смоленскъ и простоялъ подъ нимъ около 2 лѣтъ, т. е. до 13 Іюня 1611 года. Во время столь продолжительной осады, пали на приступахъ многіе храбрые Нѣмцы, служившіе Сигизмунду; изъ цѣлаго полка ихъ осталось не болѣе 400 человѣкъ [102]. Осажденные могли и долѣе обороняться, но между ними появилась тяжкая болѣзнь, происшедшая отъ недостатка въ соли и уксусѣ; при взятіи Смоленска, нашлось не болѣе 300 или 400 здоровыхъ людей, которые уже не могли защищать его обширныхъ укрѣпленій, имѣвшихъ цѣлую милю въ окружности; городской валъ былъ толщиною въ 23 фута и такъ высокъ, что штурмовыя лѣстницы, въ 35 ступеней, не доставали до верха [103]; наваливъ вокругъ всей стѣны нѣсколько тысячъ возовъ съ каменьями, Смоляне даже безъ пушекъ, пороха, копей, саблей, легко могли бы отбить непріятеля, еслибъ при каждомъ отверстіи въ стѣнѣ было хотя по

одному человѣку. Осадныя орудія мало вредили 1609.
городскому валу, и только со стороны Днѣпра сдѣлали проломъ въ 40 саженъ шириною. Но это несчастіе такъ испугало жителей Смоленска, что они, прекративъ защиту, гибли безъ всякаго сопротивленія; не многіе граждане думали найти спасеніе съ женами и дѣтьми въ крѣпкомъ зáмкѣ, и всѣ тамъ погибли отъ взрыва пороховаго погреба. Комендантъ Смоленска взятъ былъ въ плѣнъ и отправленъ въ Польшу [104]. Сія двухлѣтняя осада погубила 80,000 человѣкъ, разоривъ въ конецъ область Смоленскую, гдѣ не осталось ни овцы, ни быка, ни коровы, ни теленка: враги все истребили.

За годъ до покоренія Смоленска, Василій Шуйскій предлагалъ Сигизмунду чрезъ нарочнаго посла престолъ Московскій, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Король пособилъ одолѣть плута Лжедимитрія. Но чрезъ два дни послѣ сего предложенія, Поляки схватили Русскаго переметчика съ Царскою грамотою къ Смоленскому Воеводѣ. »Обороняйся, писалъ Шуйскій, какъ можно долѣе всѣми средствами; я между тѣмъ постараюсь вооружить Сигизмунда сладкими рѣчами противъ Самозванца; когда не станетъ обманщика, мы подумаемъ и о томъ, чтобы не многія изъ этихъ стриженыхъ головъ вышли изъ Россіи.« Прочитавъ сіе письмо, Его Королевское Величество не мало дивился лукавству

1609. Москвитянъ. »Можно ли вѣрить теперь Русскимъ, воскликнулъ Сигизмундъ? Только дай, Боже, помощь: я проучу этого бездѣльника, Шуйскаго; забудетъ онъ меня обманывать [105]!«

Между тѣмъ Князь Михаилъ Скопинъ, посланный Шуйскимъ для набора иноземныхъ войскъ, возвратился изъ Швеціи и привелъ съ собою 5000 Нѣмцевъ подъ начальствомъ Понтуса Делагарди [106]. Въ послѣдствіи скажемъ, какимъ образомъ Скопинъ хотѣлъ освободить Москву при помощи Бояръ Новгородскихъ.

Лѣтомъ сего же года, Татары напали на Россію съ другой стороны, и въ три или четыре недѣли увели множество плѣнниковъ. Бѣдные разоренные крестьяне скитались изъ края въ край; вездѣ были слышны вопли несчастныхъ: иной потерялъ жену и дѣтей, другой родителей; слезы вдовъ и сиротъ могли бы самый камень тронуть.

Тогда же явился новый врагъ: то былъ Московскій Бояринъ Ляпуновъ; овладѣвъ нѣсколькими городами и принявъ имя *Бѣлаго Царя*, онъ воевалъ и съ Димитріемъ II, и съ Сигизмундомъ III, и съ Василіемъ Шуйскимъ, для спасенія Русской вѣры. Гдѣ проходило его войско, тамъ трава не росла [107].

Въ Февралѣ, Мартѣ и Апрѣлѣ мѣсяцахъ, вспыхнулъ бунтъ въ сѣверовосточныхъ предѣлахъ Россіи: Вологда, Галичъ, Кострома, Рома-

новъ, Ярославль, Суздаль, Молога, Рыбинскъ и 1609.
Угличъ измѣнили Димитрію; со всѣхъ сторонъ являлись толпы необузданныхъ крестьянъ, которые истребляли Нѣмцевъ и Поляковъ съ неримовѣрною злобою. Бѣда, если остервенится грубая чернь! Упаси, Боже, отъ рукъ ея каждаго честнаго воина! Причиною мятежа была наглость Панибратовъ: сіи пришельцы, недовольные усердіемъ народа, охотно дававшаго имъ все нужное для продовольствія, грабили безъ милосердія бѣдныхъ Россіянъ, какъ будто непріятелей; несчастные стали прятать свои вещи, даже зарывали ихъ въ землю; но и это не помогало. Вѣсть о прибытіи Скопина и Понтуса Делагарди наконецъ ободрила притѣсняемыхъ; народъ вооружился и отмстилъ Полякамъ: иныхъ повѣсилъ, другихъ изрубилъ, а нѣкоторыхъ побросалъ въ проруби, съ такими словами: »Полно вамъ, глаголи, жрать нашихъ коровъ и телятъ! Ступайте въ Волгу ловить нашу рыбу.« Для усмиренія мятежа посланы были Паны Самуилъ Тишкѣвичъ и Лисовскій, первый въ Романовъ, а второй въ Ярославль; сіи Полководцы, не успѣвъ одолѣть мятежниковъ, которые укрѣпились острогами и засѣками, отправили къ жителямъ Ярославля для переговоровъ прежняго Воеводу ихъ Іоакима Шмита, избѣжавшаго смерти съ немногими Поляками. Шмитъ старался образумить Ярославцевъ, увѣряя, что Ди-

1609. митрій пришлетъ къ нимъ Воеводу знатнаго, котораго Поляки будутъ бояться. Бунтовщики, подозвавъ сего несчастнаго мужа къ стѣнамъ крѣпости, вдругъ окружили его и увели въ городъ; онъ погибъ злою смертію: его бросили нагаго въ огромный котелъ, наполненный кипящимъ медомъ. Виновникомъ же сего неслыханнаго злодѣйства, зачинщикомъ всего мятежа былъ тотъ самый богоотступникъ Эйловъ, который уже однажды измѣнилъ Димитрію, попался въ руки Поляковъ съ тремя дочерьми и только по ходатайству честнаго Шмита, избавилъ себя отъ плѣна, а дочерей отъ посрамленія. Не довольствуясь несчастіемъ своего благодѣтеля, онъ старался еще болѣе озлобить Россіянъ. Злополучный Шмитъ до тѣхъ поръ варился въ котлѣ, когда тѣло его уже начало отставать отъ костей; наконецъ былъ выкинутъ за городскую стѣну на съѣденіе свиньямъ и собакамъ. Друзья не смѣли предать землѣ печальныхъ остатковъ мученика; вдова же его испытала горькія оскорбленія болѣе отъ измѣнника перекрещенца и его сообщниковъ, нежели отъ Русскихъ.

Смерть сего достойнаго мужа въ послѣдствіи отмстилъ Панъ Лисовскій: предавъ огню городскія предмѣстья, онъ разорилъ въ конецъ область Ярославскую, истребивъ все, что ни встрѣтилъ; не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей, ни дворянъ, ни земледѣльцевъ; сжегъ Кинешму, Поволжскъ, Геор-

гіевскъ, и обремененный добычею, возвратился въ Троицкій лагерь. Перо не можетъ выразить всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ 1609 году; я не рѣдко удивлялся, какъ могла она столь долгое время переносить свое злополучіе! 1609.

Димитрій II, узнавъ о прибытіи Скопина въ Январѣ 1609 года съ войскомъ Делагарди въ Новгородъ, отправилъ противъ него 4000 конныхъ копѣйщиковъ, подъ начальствомъ Пана Керносицкаго. Сей Панъ въ одномъ сраженіи разбилъ Шведовъ, прогналъ ихъ въ Новгородъ и осадилъ оный. Осада продолжалась цѣлую зиму до Мая мѣсяца. Димитрій не помнилъ себя отъ радости и думая, что уже все выигралъ, тайно женился на вдовѣ Димитрія I, жившей въ Тушинскомъ лагерѣ, забывъ клятву, данную Воеводѣ Сендомирскому—не прежде сочетаться бракомъ съ его дочерью, какъ по восшествіи на престолъ [108]. Онъ былъ упоенъ мечтою о своемъ величіи до такой степени, что называлъ только себя Христіанскимъ Царемъ во всей подсолнечной. Вотъ его титулъ: »Мы, Димитрій Ивановичъ, Царь и Государь всея Русіи, Богомъ избранный и дарованный, Богомъ хранимый и чтимый, Богомъ помазанный и возвышенный надъ всѣми прочими Царями, подобно второму Израилю руководимый и управляемый силою Божіею, единый Царь Христіанскій въ подсол-

1609. нечной, повелитель многихъ Княжествъ, и проч. и проч. и проч.«

Между тѣмъ, не задолго до праздника Св. Троицы, Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Новагорода, перешли болото, напали на Поляковъ врасплохъ и многихъ положили на мѣстѣ. Керносицкій долженъ былъ отступить въ Тушинскій лагерь. Раздраженный неудачею, Димитрій проклиналъ Нѣмцевъ, даже злился и на тѣхъ, которые ему служили. Скопинъ же и Делагарди, одержавъ побѣду, двинулись впередъ, перешли Волгу и заняли Тверь; тутъ встрѣтились они съ 5,000 конныхъ копейщиковъ, высланныхъ Димитріемъ подъ начальствомъ Пана Зборовскаго, сразились съ ними и, разбитые на голову, бѣжали за Волгу; но вскорѣ ободрились: на другой день опять начали битву и съ такимъ мужествомъ ударили на Поляковъ, что Зборовскій не могъ устоять; покрытый стыдомъ, потерявъ многихъ воиновъ, онъ удалился въ Тушинскій лагерь [109]. Эта неудача еще болѣе озлобила Димитрія противъ Нѣмцевъ.

Въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, Скопинъ прибылъ къ Колязину монастырю и укрѣпился въ ономъ съ Русскими Боярами; Делагарди же сталъ подлѣ монастыря; Димитрій снова выслалъ противъ нихъ Пана Зборовскаго, назначивъ ему въ помощь Полководца Сапѣгу, осаждавшаго Троицкій монастырь. Оба сіи вое-

начальника, предводительствуя 12,000 конныхъ 1609.
копейщиковъ, до самаго Сентября мѣсяца испытывали свое счастіе и старались вытѣснить непріятеля; но каждый разъ были отражаемы; наконецъ произошла рѣшительная битва. Понтусъ Делагарди велъ Нѣмцевъ, Скопинъ Русскихъ Бояръ: оба они напали на враговъ такъ стремительно, что Поляки бѣжали стремглавъ, и только подъ Троицкимъ монастыремъ могли опомниться отъ ужаса.

Не зная о семъ происшествіи, Александръ Лисовскій смѣлою хитростію воинскою хотѣлъ покорить мятежный Ярославль; шелъ день и ночь, и уже достигалъ своей цѣли: раскинувъ лагерь въ 3 миляхъ отъ Ярославля, онъ хотѣлъ выдать себя за героя Скопина, чтобы овладѣть городомъ нечаянно; но Скопинъ и Делагарди успѣли занять оный. Лисовскій спѣшилъ отступить въ ночное время, но уже поздо: дорога къ Троицкому Монастырю была занята Нѣмцами, которые, какъ объявилъ плѣнный Бояринъ, поджидали только другаго отряда съ Давидомъ Шерупцовымъ, чтобы чрезъ нѣсколько часовъ напасть на врага. Лисовскій не надѣялся на своихъ Казаковъ, отступилъ къ Суздалю, гдѣ укрѣпился острогомъ, и держался цѣлую зиму; иногда дѣлалъ вылазки, опустошалъ сосѣдственные города и монастыри и всегда возвращался съ богатою добычею; наконецъ, узнавъ, что вла-

1609. дычество Димитрія II кончилось и что войско Тушинское передалось Сигизмунду, оставилъ Суздаль въ Маѣ мѣсяцѣ 1610 года, сдѣлалъ большой кругъ и вышелъ на Псковъ; Псковитяне приняли его съ радостію, надѣясь имѣть защитника отъ Нѣмцевъ, которые нападали на нихъ изъ Шведскаго города Нарвы. Лисовскій въ самомъ дѣлѣ успѣлъ посредствомъ разныхъ происковъ переманить на свою сторону 300 Ирландцевъ и 500 Англичанъ; тогда Нѣмцы не смѣли болѣе тревожить Псковскихъ предѣловъ. Самъ же онъ, дѣйствуя въ пользу Сигизмунда, зимовалъ въ Миронычахъ; наконецъ свѣдавъ, что Казаки и Россіяне хотятъ измѣнить ему, выступилъ изъ крѣпости, овладѣлъ Краснымъ и распустивъ всѣхъ иноземцевъ, набралъ дружину изъ 300 Поляковъ. Тамъ онъ находится и теперь, не измѣняя въ вѣрности Сигизмунду. Такимъ образомъ, отрѣзанный Делагардіемъ отъ своихъ сообщниковъ, Лисовскій долженъ былъ, подобно хитрой лисицѣ, искать другой норы для выхода изъ Россіи.

Принудивъ Ярославль снова присягнуть Шуйскому, Скопинъ и Делагарди укрѣпились со всѣмъ войскомъ своимъ въ Слободѣ Александровской; тутъ они оставались до перваго пути. Поляки иногда нападали на нихъ; но ничего не выигравъ, спѣшили убраться восвояси. Въ день Св. Мартина, Скопинъ и Делагарди, рѣ-

шились посѣтить Троицкій монастырь, чтобы покушать тамъ съ Панибратами Мартинова гуся [110]. Поляки вовсе не ожидали такихъ незваныхъ гостей, забыли о гусяхъ и отступили къ Дмитровску, гдѣ въ укрѣпленномъ станѣ держались противъ Нѣмцевъ нѣсколько времени.

ГЛАВА X.

1610.

Рожинскій передается Сигизмунду. Бѣгство Самозванца въ Калугу. Злоба на Поляковъ и Нѣмцевъ. Волненіе Тушинскаго лагеря. Смерть Воеводы Стадницкаго. Тайный пріѣздъ Марины въ Калугу. Скопинъ и Делагарди спасаютъ Россію. Смерть Скопина. Переговоры Сигизмунда съ Поляками. Битва Клушинская. Звѣрство Лжедимитрія. Беръ осужденъ на смерть. Онъ спасаетъ себя и Нѣмцевъ.

Въ Декабрѣ 1609 года, Сигизмундъ прислалъ въ Тушинскій лагерь Пановъ Стадницкаго, Збаражскаго, Людвига Мейера и Ротмистра Манчина съ письмомъ къ главному Полководцу Димитрія II, Князю Роману Рожинскому и къ Польской Шляхтѣ. »Вспомните, писалъ Король,

1610. »какое преступленіе вы сдѣлали въ минувшемъ »году, взбунтовавшись противъ своего Государя! »Я готовъ забыть оное и возвратить все, чего »вы лишились, если только согласитесь выдать »обманщика, который называетъ себя Димит»ріемъ.« Королевскіе послы вели переговоры съ Княземъ Рожинскимъ весьма скрытно, и Димитрій, ничего не подозрѣвая, съ каждымъ днемъ ожидалъ ихъ торжественнаго представленія. Но видя, что послы къ нему не являются, онъ призвалъ Рожинскаго и спросилъ: »Съ какимъ »намѣреніемъ пріѣхали посланники и почему они »до сихъ поръ не идутъ ко мнѣ, хотя живутъ »въ лагерѣ нѣсколько недѣль?« Князь, уже задумавшій со многими господами исполнить Королевское повелѣніе, притомъ же будучи пьянъ, грозилъ Димитрію побоями и отвѣтствовалъ: »Какое тебѣ дѣло к.... с.... за чѣмъ послы »пріѣхали ко мнѣ? Чортъ знаетъ, кто ты таковъ! »Довольно мы крови за тебя пролили, а награ»ды еще не видимъ.« Много подобныхъ вѣжливостей наговорилъ Панъ Рожинскій. Димитрій выскочилъ изъ комнаты, прибѣжалъ къ своей супругѣ и упавъ ей въ ноги, сказалъ со слезами: »Мнѣ, или Рожинскому должно погибнуть! »Этотъ Панъ такъ оскорбилъ меня, что я буду »не достоинъ видѣть твои очи, если не отмщу »ему. Онъ за-одно съ своимъ Королемъ; тутъ »скрывается злой умыселъ; я долженъ удалить-

»ся! Ты же, моя милая супруга, останься здѣсь. 1610.
»Богъ да сохранитъ насъ!» Сказавъ сіе, Димитрій нарядился въ крестьянское платье, и ночью, 29 Декабря 1609 года, въ навозныхъ саняхъ отправился въ Калугу, съ шутомъ своимъ, Петромъ Кошелевымъ. Въ лагерѣ никто не могъ придумать, куда дѣвался Царь; нѣкоторые полагали, что онъ тайно убитъ.

Димитрій остановился въ монастырѣ, близъ Калуги, и отправилъ къ жителямъ сего города нѣсколько Монаховъ съ такимъ извѣстіемъ: »Поганый Король неоднократно требовалъ отъ »меня страны Сѣверской, называя оную вмѣстѣ »съ Смоленскомъ своею собственностію; но какъ »я не хотѣлъ исполнить сего требованія, опа»саясь, чтобы не укоренилась тамъ вѣра пога»ная: то Сигизмундъ замыслилъ погубить меня, »и уже успѣлъ, какъ я извѣстился, склонить на »свою сторону Полководца моего Рожинскаго и »всѣхъ Поляковъ, въ станѣ моемъ находящихся. »Къ вамъ, Калужане, я обращаю слово: отвѣчай»те, хотите ли быть мнѣ вѣрны? Если вы со»гласны служить мнѣ, я пріѣду къ вамъ и на»дѣюсь, съ помощію Св. Николая, при усердіи »многихъ городовъ, мнѣ присягнувшихъ, отмстить »не только Шуйскому, но и коварнымъ Поля»камъ. Въ случаѣ же крайности, готовъ умереть »съ вами за вѣру православную: не дадимъ толь»ко торжествовать ереси; не уступимъ Королю

1610. »ни двора, ни кола, а тѣмъ менѣе города, или »Княжества!«

Такая рѣчь весьма полюбилась кровожаднымъ жителямъ Калуги: они явились въ монастырь съ хлѣбомъ-солью, проводили Димитрія въ городъ съ торжествомъ, дали ему домъ Воеводы Скотницкаго, снабдили его всѣмъ нужнымъ: одеждами, конями, винами, съѣстными припасами. Утвердясь въ Калугѣ, Димитрій послалъ немедленно за Княземъ Шаховскимъ, который, выступивъ съ нѣсколькими тысячами Казаковъ противу Короля Польскаго, находился въ то время при Царево-Займищѣ, недалеко отъ Вязьмы. Князь прибылъ въ Калугу въ пятый день послѣ Крещенія. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ для себя новый Дворъ и во всѣ мѣста, гдѣ только были его приверженцы, разослалъ повелѣнія—истреблять Поляковъ при всякомъ случаѣ. Отъ сего неожиданнаго поступка погибло много несчастныхъ жертвъ. Нѣмцы также пострадали: нѣсколько сотъ Нѣмецкихъ купцовъ, которые везли въ Тушинскій лагерь, по дорогамъ Смоленской и Путивльской, бархатъ, шелкъ, ружья, вино Мальвазійское и пряныя коренья, бывъ перехвачены Казаками и приведены въ Калугу, лишились всего, что имѣли, нѣкоторые и самой жизни; а спасшіеся отъ смерти пошли по-міру. Богу одному извѣстно, чего не претерпѣли они въ Калугѣ, Перемыш-

лѣ и Козельскѣ! Сколько прежде Димитрій любилъ Нѣмцевъ, столько возненавидѣлъ ихъ въ послѣдствіи, когда потерпѣлъ важный уронъ въ битвахъ съ Делагардіемъ, и тѣмъ болѣе, когда бѣжалъ изъ Тушинскаго лагеря. Думая, что Нѣмцы благопріятствуютъ Королю Польскому, онъ приказалъ отнять у нихъ помѣстья, самые домы, и отдать Россіянамъ. Съ часу на часъ они ожидали насильственной смерти и не смѣли исполнять обрядовъ своего богослуженія. А болѣе всѣхъ претерпѣлъ гоненій въ городѣ Козельскѣ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, котораго старались всѣми силами погубить 25 Русскихъ Поповъ, желавшихъ завладѣть его имуществомъ: Богъ спасъ его чудеснымъ образомъ. 1610.

На другой день послѣ бѣгства Димитріева, Поляки, Русскіе Бояре и Патріархъ Филаретъ Никитичъ, въ общемъ совѣтѣ положили единогласно: жить въ мирѣ другъ съ другомъ, не передаваться ни Королю, ни Шуйскому, не вѣрить никому, кто вздумаетъ явиться подъ именемъ Димитрія, а тѣмъ менѣе служить прежнему обманщику. Во время сего совѣщанія, Русскіе безъ пощады поносили Царицу Марину, такъ, что она боялась остаться въ лагерѣ и тайно удалилась въ городъ Дмитровскъ, къ Пану Сапѣгѣ.

7 Января 1610 года Димитрій отправилъ изъ Калуги въ Тушинскій лагерь Боярина Ивана

1610. Плещеева, съ приказаніемъ развѣдать мысли Польскихъ воиновъ; когда же замѣтитъ, что они желаютъ его возвращенія, объявить имъ, что Царь пріѣдетъ съ казною и дастъ имъ жалованье за многія трети впередъ, если только они представятъ въ Калугу измѣнника Рожинскаго— живымъ или мертвымъ. Сіе покушеніе было неудачно: Поляки не хотѣли измѣнить клятвѣ, данной ими другъ другу послѣ Димитріева бѣгства. Плещеевъ думалъ склонить по крайней мѣрѣ Казацкаго Атамана, Ивана Мартиновича Заруцкаго, и убѣждалъ его итти съ Казаками въ Калугу; но и тутъ не имѣлъ успѣха: Заруцкій съ большею частію своего отряда отправился къ Сигизмунду подъ Смоленскъ; прочіе же Казаки, наскучивъ столь странною войною, удалились въ свои степи, а служить Димитрію согласились не болѣе 500 человѣкъ, которые пошли въ Калугу; но были настигнуты Поляками и большею частію побиты.

Вскорѣ послѣ того, Димитрій подослалъ въ Тушино Калужскаго Воеводу Пана Казимира, настоящаго Вертумна: съ Поляками онъ былъ добрый Полякъ, съ Русскими Русскій; видя, что у самихъ Поляковъ ничего нельзя выиграть, Казимиръ успѣлъ поддѣлаться къ Рожинскому, который дозволилъ ему даже возвратиться въ Калугу, куда хитрый Панъ хотѣлъ съѣздить, по словамъ его, только для того, чтобы взять

свое имѣніе и навсегда бросить Димитрія. Ро- 1610.
жинскій далъ ему письмо къ прежнему Воеводѣ Скотницкому, который потерялъ милость Димитрія отказомъ итти подъ Смоленскъ противъ Короля Польскаго. Въ слѣдствіе сего письма, Скотницкій долженъ былъ склонить на сторону Рожинскаго находившихся въ Калугѣ Поляковъ и схвативъ при помощи ихъ Димитрія, привезти его въ Тушинскій лагерь. Но лукавый царедворецъ вручилъ письмо самому Димитрію, который, узнавъ содержаніе онаго, закипѣлъ гнѣвомъ и тотчасъ велѣлъ палачамъ бросить Скотницкаго ночью въ Оку; сей добрый человѣкъ, видя смерть неизбѣжную, хотѣлъ знать по крайней мѣрѣ, за какую вину онъ погибаетъ; палачи отвѣчали: »Царь велѣлъ намъ не разсуждать »съ тобою, а бросить тебя въ воду.« Потомъ, накинувъ на шею петлю, потащили его, какъ дохлую собаку. Вотъ послѣднія слова несчастнаго: »Такой ли награды ожидалъ я за вѣрную службу »и двухлѣтнюю оборону Калуги! Господи по»милуй меня!« Жена и дѣти его лишились всего имущества. При семъ случаѣ, раздраженный Димитрій сказалъ: »Только бы взойти мнѣ на пре»столъ: не оставлю въ живыхъ ни одного ино»странца; не пощажу и младенцевъ въ матерней »утробѣ!«

13 Января того же года, пріѣхалъ въ Калугу Царицынъ Коморникъ [111]), юноша краси-

1610. вый и ловкій, съ словеснымъ донесеніемъ о прибытіи Марины въ городъ Дмитровскъ; Царь вскорѣ отправилъ его обратно и просилъ Царицу какъ можно скорѣе пріѣхать въ Калугу, чтобы не попасть въ руки Поляковъ, которые, какъ онъ извѣстился, хотѣли отвезти ее къ Королю Польскому въ Смоленскій лагерь. Между тѣмъ Скопинъ и Делагарди приступили къ Дмитровску: устрашенный Сапѣга убѣждалъ Царицу удалиться въ Калугу, если не желаетъ отправиться къ отцу своему. »Мнѣ ли, Царицѣ Всероссійской, »сказала ему Марина, въ такомъ презрѣнномъ »видѣ явиться къ роднымъ моимъ!. Я готова »раздѣлить съ Царемъ все, что Богъ ни пошлетъ »ему.« Она рѣшилась ѣхать въ Калугу; велѣла сшить для себя мужской Польскій кафтанъ изъ краснаго бархату, купила сапоги со шпорами, вооружилась пистолетами, саблею и, сѣвъ на коня, отправилась въ путь. Сапѣга далъ ей въ провожатые 50 Казаковъ и всѣхъ Нѣмцевъ, бывшихъ въ Дмитровскѣ; проскакавъ 48 Нѣмецкихъ миль, она достигла Калуги ночью, послѣ заутрени, и назвала себя Димитріевымъ Коморникомъ, привезшимъ важное извѣстіе, коего никому, кромѣ Царя, сообщить не можетъ. Димитрій тотчасъ догадался; велѣлъ Казакамъ отперетъ ворота и впустить мнимаго Коморника. Марина, подъѣхавъ къ крыльцу, соскочила съ коня, и всѣ увидѣли Царицу! Пріѣздъ ея произвелъ

радость неизъяснимую. Не имѣя при себѣ ни одной Польки, она учредила новый штатъ изъ Нѣмокъ, которыя не могли нахвалиться ея благосклонностію. 1610.

Между тѣмъ, Скопинъ овладѣлъ наканунѣ масляницы Дмитровскимъ острогомъ и принудилъ Пана Сапѣгу отступить къ монастырю Св. Іосифа. Оставивъ здѣсь нѣсколько сотъ Казаковъ, Сапѣга уѣхалъ къ Королю, подъ Смоленскъ; войско же его расположилось зимовать на берегахъ Угры, въ странѣ плодородной, обильной съѣстными припасами, и еще не испытавшей опустошительной войны: теперь дошла очередь и до нея! По удаленіи Сапѣги, вскорѣ опустѣлъ и Тушинскій лагерь.

Въ то же время Иванъ Тарасовичъ Граматинъ и Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, люди пронырливые и лукавые, со многими Боярами явились къ Сигизмунду и совѣтовали ему овладѣть Русскимъ Государствомъ, сиротѣющимъ безъ достойнаго и законнаго Правителя: »Дорога къ престолу, говорили они, уже проложена »Димитріемъ; вся страна, до самой Москвы, ему »покорилась; никогда не будетъ тебѣ столь удобнаго случая къ покоренію Россіи; мы же съ »своей стороны убѣдимъ соотечественниковъ покинуть Шуйскаго и покориться Вашему Величеству.» Тогда же Поляки, оставленные Димитріемъ, прислали къ Сигизмунду просьбу, въ

1610. коей изъявляли готовность служить ему противъ Русскихъ, если Король заплатитъ имъ жалованье, невыданное Димитріемъ за прошедшее время. Сигизмундъ отвергнулъ сіе условіе, объявивъ, что согласенъ производить жалованье токмо съ того времени, когда Поляки поступятъ къ нему на службу. Огорченные отказомъ, они проклинали Рожинскаго, измѣнившаго Царю, не щадили и самихъ себя за безчестное нарушеніе клятвы, данной Димитрію. Весьма немногіе изъ Тушинскихъ Поляковъ пришли въ станъ Королевскій; товарищи ихъ соединились большею частію съ войскомъ Сапѣги, стоявшимъ на Угрѣ, и ожидали тамъ отвѣта на свою просьбу о выдачѣ жалованья, рѣшившись дѣйствовать сообразно съ онымъ; между тѣмъ, грабили и опустошали окрестную страну, которую въ конецъ разорили.

Скопинъ и Делагарди вошли въ столицу безъ всякаго препятствія. Въ теченіе одного года, сіи Полководцы очистили все пространство отъ Ливоніи до самой Москвы, такъ, что изъ стотысячной непріятельской рати, около двухъ лѣтъ осаждавшей Москву и Троицкій монастырь, не видно было ни одного Поляка, ни одного Казака: все бѣжало отъ горсти Нѣмцевъ! Шуйскій весьма ласково принялъ своихъ защитниковъ; часто угощалъ ихъ за Царскимъ столомъ; одарилъ всѣхъ Офицеровъ золотою и серебряною

посудою; выплатилъ всему войску жалованье 1610.
золотомъ, серебромъ, соболями. Эта щедрость такъ избаловала Нѣмцевъ, что они дѣлали въ Москвѣ разныя безчинства, и Москвитяне съ нетерпѣніемъ ожидали весны, чтобы выпроводить сихъ гостей противъ непріятеля. Храбрый же Скопинъ, спасшій Россію, при помощи Нѣмцевъ, набранныхъ имъ въ Швеціи, получилъ отъ Василія Шуйскаго въ награду — ядъ. Царь приказалъ его отравить, досадуя, что Москвитяне уважали Скопина за умъ и мужество болѣе, чѣмъ его самого. Вся Москва погрузилась въ печаль, узнавъ о кончинѣ великаго мужа [112]).

Около Пасхи, въ концѣ зимы, Сапѣга возвратился къ войску, стоявшему на Угрѣ, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ отъ Сигизмунда: Король велѣлъ сказать, что Димитрія онъ и знать не хочетъ, а согласенъ давать жалованье чрезъ каждую четверть года только тѣмъ Полякамъ, которые согласятся служить въ Королевскомъ войскѣ. Недовольное симъ отвѣтомъ Польское Рыцарство, служившее прежде подъ начальствомъ Сапѣги и Рожинскаго, спѣшило оправдаться предъ Димитріемъ и отправило къ нему посла, который объявилъ, что Поляки никогда и не думали измѣнять Его Величеству, что предателемъ былъ одинъ Рожинскій съ немногими сообщниками, что Богъ уже наказалъ смертію сего вѣроломнаго измѣнника, что Сигизмунду

1610. передались только его клевреты; Рыцарство же Польское не хотѣло нарушить присягу, не выходило изъ лагеря и теперь готово послужить Царю, если токмо получитъ жалованье за прежніе 9 мѣсяцевъ, соглашаясь ожидать терпѣливо уплаты остальнаго въ послѣдствіи. Димитрій, весьма обрадованный такою вѣстію, отвѣчалъ Полякамъ, что онъ вскорѣ пріѣдетъ къ нимъ съ деньгами, и собравъ не одну тысячу рублей со всего народа, ему покорившагося, немедленно отправился съ Россіянами и Казаками на берега Угры. Тамъ примирился съ своими старыми сподвижниками, выдалъ имъ жалованье за три четверти года, взялъ новую присягу въ вѣрности и отдалъ приказъ: послѣ Троицына дня снова двинуться на Москву.

Между тѣмъ Шуйскій выслалъ войско подъ начальствомъ своихъ Бояръ, чтобы очистить Смоленскую дорогу и отразить Сигизмунда отъ Смоленска; при семъ случаѣ Делагарди получилъ отъ Царя много денегъ на жалованье своимъ воинамъ. Нѣмцы и большая часть Россіянъ остановились въ городѣ Можайскѣ, а Григорій Волуевъ съ незначительнымъ отрядомъ отправился впередъ, чтобы развѣдать о числѣ непріятелей, стоявшихъ подъ Смоленскомъ; но узнавъ въ Царево-Займищѣ о приближеніи Станислава Жолкѣвскаго съ великими силами, Волуевъ расположился лагеремъ близъ лѣса и укрѣпивъ

оный окопомъ, тотчасъ увѣдомилъ о семъ про- 1610.
чихъ Воеводъ. Жолкѣвскій не замедлилъ осадить его; а Русскіе Воеводы вмѣстѣ съ Делагардіемъ спѣшили отъ Можайска выручить передовый отрядъ. Это случилось 23 Іюля. Свѣдавъ о движеніи Царскихъ Воеводъ, Жолкѣвскій раскинулъ станъ подлѣ самыхъ укрѣпленій Волуева, обнесъ оный тыномъ и оставивъ тамъ небольшой отрядъ легкой конницы, съ приказаніемъ непрестанно быть въ виду осажденныхъ и уговаривать Волуева покориться Королю Польскому, самъ между тѣмъ пошелъ на встрѣчу Москвитянамъ, бывшимъ подъ начальствомъ Делагарди; оба войска сразились въ Ивановъ день, близъ села Клушина, въ 6 миляхъ отъ Можайска: во время битвы, двѣ роты Французовъ передались Жолкѣвскому и вмѣстѣ съ Поляками начали стрѣлять по Россіянамъ, которые, бывъ устрашены измѣною, бросились бѣжать къ Москвѣ и оставили союзниковъ своихъ, Нѣмцевъ. Сіи послѣдніе долго сражались съ упорствомъ и уже побили лучшихъ Польскихъ всадниковъ; но замѣтивъ, что Русскіе оставили поле битвы и что имъ одним не устоять противъ Поляковъ, вступили съ непріятелемъ въ переговоры. »Мы »готовы сдаться, говорили Нѣмцы, если только »жизнь наша будетъ въ безопасности; въ про»тивномъ случаѣ станемъ биться до послѣдняго »человѣка.« Поляки прекратили сѣчу и прислали

1610. къ нимъ Пана Зборовскаго съ клятвеннымъ увѣреніемъ, что Нѣмцы будутъ невредимы. Многіе изъ нихъ не хотѣли вѣрить сему обѣщанію, не забывъ вѣроломнаго поступка Поляковъ съ Динаминдскимъ гарнизономъ, который, сдавшись на честное слово, былъ весь истребленъ. Они напомнили о семъ Пану Зборовскому: тогда поклялись знатнѣйшіе изъ Польскихъ Вельможъ, что плѣнные не лишатся ни жизни, ни оружія. Нѣмцы рѣшились сдаться. Въ самомъ дѣлѣ договоръ былъ свято соблюдаемъ: кто хотѣлъ служить Его Величеству, давалъ присягу; а кто не хотѣлъ, удалялся безпрепятственно [113].

Торжествуя побѣду, Станиславъ Жолкѣвскій возвратился къ Царево-Займищу и приказалъ плѣннымъ Боярамъ извѣстить Волуева, что все Русское войско разсѣяно, а Нѣмцы покорились Сигизмунду. Волуевъ, переговоривъ съ плѣнными Боярами, сдался со всѣмъ отрядомъ Пану Жолкѣвскому. Послѣ сего Поляки, Нѣмцы и Россіяне подступили къ Москвѣ и осадили ее съ одной стороны. Въ то же время прибыли изъ Погорѣлаго [114] Капитаны Нѣмецкихъ ротъ Лавилла и Эбертъ: соединясь съ войсками Его Королевскаго Величества, они овладѣли Іосифовымъ монастыремъ и весь отрядъ, тамъ находившійся, изрубили до послѣдняго человѣка; сему отряду, бывшему на сторонѣ Димитрія, поручена была защита Іосифова монастыря На-

номъ Сапѣгою, когда онъ вывелъ войско свое 1610.
на Угру, а самъ отправился къ Королю подъ
Смоленскъ.

Димитрій, раздраженный такимъ событіемъ, немедленно приказалъ побросать въ воду всѣхъ Нѣмцевъ, при немъ находившихся. »Теперь-то »я вижу, говорилъ онъ, что Нѣмцы мнѣ ни»сколько не преданы: они служатъ невѣрному »Королю и бьютъ моихъ людей, забывъ, что »во всемъ мірѣ одинъ я — Государь Христіан»скій. Всѣ они дадутъ отвѣтъ, лишъ только бы »взойти мнѣ на престолъ!»

Бояре, услышавъ сіе дьявольское слово, спѣшили одинъ за другимъ безстыдно оклеветать Нѣмцевъ, особенно жившихъ въ Козельскѣ; послѣднихъ ненавидѣли они за то, что опасались потерять прекрасныя деревни, прежде пожалованныя Нѣмцамъ за вѣрную службу, потомъ отобранныя безъ всякой вины ихъ, по одному подозрѣнію, и розданныя Царскимъ Совѣтникамъ: Князю Григорію Шаховскому, Трубецкому, Рындину, Михайлѣ Константиновичу Юшкову, Третьякову и другимъ. Сіи Бояре, день и ночь искавшіе средствъ къ погубленію Нѣмцевъ, опасались не безъ причины: ибо знали невинность сихъ честныхъ людей, которые не щадили своей жизни за Димитрія, теряли здоровье, лишились друзей и пріятелей. И такъ, едва разгнѣванный Димитрій поклялся истребить всѣхъ Нѣмцевъ,

1610. въ Россіи находившихся, Господа Сенаторы донесли ему, что сіи мнимые измѣнники переписывались съ Поляками и предлагали Его Королевскому Величеству сдать городъ Козельскъ, что свѣдавъ о какой либо неудачѣ войска Димитріева, они были внѣ себя отъ радости, плясали, пѣли, веселились, между тѣмъ, какъ вѣрные Москвитяне предавались горести. Сія клевета еще болѣе озлобила Димитрія: онъ въ ту же минуту отправилъ въ Козельскъ гонца, а въ Калугѣ далъ повелѣніе: какъ скоро приведутъ Нѣмцевъ (числомъ 52), безъ всякаго допроса побросать ихъ въ Оку. Этотъ приговоръ вѣрно былъ бы исполненъ, если бы не спасъ несчастныхъ духовный пастырь ихъ, Мартинъ Беръ, которому готовилась та же участь. Распрашивая дорогою обреченныхъ на смерть, точно ли писали они къ Польскому Королю, не получали ль отъ него писемъ, или вообще не знаютъ ли за собою какой либо измѣны противъ Димитрія? Беръ требовалъ искренняго признанія, чтобы легче дать отвѣтъ и отвратить бѣду, обѣщая никому не сказывать словъ ихъ: всѣ Нѣмцы клялись небомъ въ невинности и преданности Царю - Государю. Пастырь съ своей стороны также поклялся, ободрялъ спутниковъ надеждою на Божіе милосердіе, говорилъ, что Всевышній не допуститъ погубить невинныхъ, что въ Его руцѣ сердце Царево, что Онъ внушитъ Государю

справедливость и разсѣетъ прахомъ замыслы 1610.
враговъ высокомѣрныхъ.

Но какъ ни старался пастырь одушевить мужествомъ своихъ духовныхъ дѣтей, — они, большею частію, были неутѣшны, и многіе выдумывали странныя средства къ своему спасенію: жизнь мила, а смерть ужасна! Достигнувъ Калуги, гдѣ находился Димитрій съ Дворомъ своимъ, Беръ оставилъ спутниковъ на лугу близъ Оки, а самъ хотѣлъ узнать отъ духовныхъ дщерей своихъ, Фрейлинъ Царицыныхъ, что было причиною столь ужаснаго Царскаго гнѣва? Для сего взялъ съ собою Капитана Давида Гильбертса, Прапорщика Мойтцена и двухъ Ливонскихъ дворянъ, переправился чрезъ рѣку и вмѣстѣ съ провожатыми пробрался къ Царицынымъ Фрейлинамъ. Гофмейстерина изумилась, увидѣвъ духовнаго отца; спрашивала, за чѣмъ онъ оставилъ несчастныхъ, и со слезами говорила, что никакія просьбы не могутъ смягчить Царскаго гнѣва, что всѣхъ Нѣмцевъ ожидаетъ неизбѣжная смерть. »Да поможетъ намъ Богъ! отвѣчалъ Мартинъ Беръ. Онъ знаетъ нашу невинность. Если же смерть неизбѣжна, умремъ по крайней мѣрѣ съ утѣшительною мыслію, что погибнемъ не какъ преступники, а какъ истинные Христіане, которые всегда подвергаются гоненію, клеветѣ и всякимъ опасностямъ. Господь, Отецъ нашъ, воздастъ въ свое время

1610. каждому по дѣламъ. Я также терплю гоненіе отъ Русскихъ, хотя служу не Царю, а Богу, никогда не замышлялъ вреднаго противъ Его Величества и всегда молился за него съ духовными дѣтьми своими. Не жалуюсь на его неблагодарность: такъ всегда награждаетъ міръ истинныхъ Христіанъ! Но всѣ прихожане клялись мнѣ Царствомъ Небеснымъ, что никто изъ нихъ не знаетъ никакой вины за собою; мы смѣло пустились въ дорогу, поручивъ себя благости Всевышняго: если бы совѣсть насъ упрекала, мы безъ сомнѣнія избрали бы иной путь.» Послѣ сего пастырь убѣждалъ Гофмейстерину и Госпожъ Фрейлинъ разсказать обо всемъ Царицѣ и умолить ее слезами, чтобы она испросила у Его Величества не помилованія измѣнникамъ, а пощады людямъ вовсе невиннымъ. »Доложите Государынѣ, говорилъ Беръ, что въ числѣ обреченныхъ на смерть есть дѣти, что вмѣстѣ съ ними погибаютъ духовный отецъ и многіе родственники падшихъ на полѣ битвы за Его Величество; что если и сіи витязи трехлѣтней войны умрутъ позорною смертію, во всей Россіи не будетъ никого ихъ злосчастнѣе; мы просимъ одного, заключилъ Беръ: чтобы милосердая Царица убѣдила Его Величество отдѣлить безвинныхъ отъ виновныхъ; первые да будутъ помилованы, а послѣдніе да испытаютъ всю тяжесть Царскаго гнѣва!» Тронутыя сими

словами, всѣ Фрейлины пошли къ Царицѣ, упа- 1610.
ли къ ногамъ ея и такъ горько плакали, что ни одна не могла выговорить ни слова. Царица, глядя на нихъ, также заплакала, велѣла имъ встать и догадываясь, о чемъ идетъ дѣло, спросила: »Пріѣхали ли Нѣмцы изъ Козельска?» »Русскіе выгнали ихъ, не исключая и духовнаго отца нашего!» отвѣчали, рыдая, Госпожи Фрейлины; потомъ весьма трогательно убѣждали Царицу помиловать несчастныхъ. »Не плачьте, дѣти мои! сказала Ея Величество. Царь страшно гнѣвается на всѣхъ Нѣмцевъ: уже отданъ приказъ утопить ихъ въ Окѣ, какъ скоро они сюда прибудутъ; никто не смѣетъ просить о пощадѣ; но я попытаюсь, не тронется ли онъ моими слезами и не успѣю ли на этотъ разъ спасти ихъ.» Сказавъ сіе, Царица немедленно послала камердинера къ лютому Шаховскому, коему поручено было исполнить Царскую волю, съ приказаніемъ остановить казнь до другаго повелѣнія, угрожая смертію въ случаѣ ослушанія; другаго же камердинера послала къ Царю съ просьбою удостоить ее на минуту своимъ посѣщеніемъ. Царь не хотѣлъ видѣть своей супруги. »Знаю, чего она хочетъ! сказалъ Димитрій. Она будетъ просить за поганыхъ Нѣмцевъ; напрасный трудъ! Всѣхъ въ воду сего же »дня — или я не Димитрій! А если она вздумаетъ »меня безпокоить, утопить и ее вмѣстѣ съ Нѣм-

1610. »цами!» Такой отвѣтъ весьма опечалилъ Царицу. »Богъ знаетъ, сказала она, чѣмъ такъ провинили»лись бѣдные Нѣмцы!»

Одна Фрейлина тотчасъ побѣжала къ Пастору и объявила ему со слезами, что просьба Царицы безуспѣшна. »Да будетъ воля Божія!« сказалъ Пасторъ, и въ ту же минуту послалъ дворянина Рейнгольда Энгеланда за Нѣмцами, бывшими на другой сторонѣ Оки, велѣвъ имъ взять церковную утварь, для того, чтобы вкусивъ Св. Тайнъ, послѣдовать примѣру Христа Спасителя. Ожидая прибытія духовныхъ дѣтей, онъ молился и пѣлъ псалмы, которые сочинилъ въ сіи злополучныя минуты. Эти псалмы будутъ приложены въ концѣ Лѣтописи [115].

Между тѣмъ, Царица рѣшилась придти къ Димитрію со всѣми своими женщинами, упала ему въ ноги и просила со слезами разсмотрѣть хладнокровно, всѣ ли Нѣмцы виноваты, чтобы не жалѣть послѣ о невинныхъ, какъ о Воеводѣ Скотницкомъ; убѣждала размыслить, что на смерть осуждено 52 человѣка, что въ этомъ числѣ одинъ Пасторъ, много безвинныхъ отроковъ; что вдовы и сироты, потерявъ мужей и отцовъ, не престанутъ умолять Небо о страшной мести дерзкому виновнику слезъ ихъ, — и что правосудіе предписываетъ наказать только преступниковъ. Сначала Димитрій ничего и слышать не хотѣлъ; наконецъ смягчился тро-

гательною просьбою Царицы, поднялъ ее и 1610.
всѣмъ женщинамъ также велѣлъ встать. Потомъ спросилъ камердинера: »Далеко ли отсюда до Козельска?« 12 миль, было отвѣтомъ.« И они уже »здѣсь! воскликнулъ изумленный Царь; я только вчера послалъ за ними! Чуть ли Бояре не »наболтали много лишняго. Не понимаю, какъ »могли Нѣмцы такъ скоро пріѣхать!—Они твои, »примолвилъ Димитрій, обращаясь къ Царицѣ, »дѣлай съ ними, что хочешь!«

Печальные Нѣмцы собрались въ одинъ домъ, и уже готовились принять Св. Тайны, какъ вдругъ явился главный Коморникъ Царицынъ Георгъ Гребсбергъ, съ радостною вѣстью, что бѣда миновала и что Государыня исходатайствовала у Царя милость. »Радуйтесь, Нѣмцы, »говорилъ Коморникъ, молитесь о здравіи »Царя и Царицы, своей матери; будьте по»корными дѣтьми ея!« »Богъ да сохранитъ мило»сердую нашу Государыню, вмѣстѣ съ супругомъ »ея! Вѣчно будемъ молиться за нихъ!« отвѣчали Нѣмцы.

По удаленіи Коморника, Пасторъ обратился къ духовнымъ дѣтямъ и сказалъ: »Любезные друзья! въ третій разъ мы дѣлаемся жертвою клеветы; Богъ доселѣ хранилъ невинныхъ отъ погибели; но если бы не открылся случай умилостивить Царицу, мы пропали бы навѣрное; жены же и дѣти наши мало бы выиграли

1610. отъ того, что мы погибли бы невинно. Подадимъ Царицѣ просьбу, въ коей изъявивъ благодарность, скажемъ, что какъ никто изъ насъ не знаетъ за собою преступленія противъ Его Величества, то всѣ мы просимъ не милости Царской, а строгаго правосудія, и что если хотя одинъ изъ насъ окажется виновнымъ, мы всѣ умереть согласны; посему станемъ просить Царицу, чтобы она убѣдила Государя дать намъ очную ставку съ неизвѣстными доносщиками. Они говорятъ, будто мы писали къ Сигизмунду: пусть представятъ сіи письма — каждый знаетъ руку товарища; никто не отречется отъ собственнаго почерка. Мы увѣрены въ своей невинности и преданности Государю.« Такой совѣтъ немедленно приведенъ былъ въ исполненіе. Царица, принявъ просьбу, представила ее своему супругу. Царь засмѣялся. »Правда, говорилъ онъ, я никогда не думалъ, чтобы Нѣмцы »мнѣ измѣнили: вотъ уже третій годъ они несутъ трудную службу. Завтре же подъ чистымъ небомъ, въ присутствіи всѣхъ Бояръ, »всего народа, доставлю имъ случай оправ»даться.« Такъ и случилось.

На другой день, Димитрій предъ выходомъ къ обѣднѣ, увидѣвъ Нѣмцевъ подлѣ крыльца и узнавъ Капитана Давида Гильбертса и Прапорщика Томаса Мойтцена, сказалъ громко: »Нѣм»цы! за трехлѣтнюю усердную службу, я далъ

»вамъ награду Царскую, далъ помѣстья Бояръ и 1610.
»Князей; вы разбогатѣли и жили въ довольствѣ; »всѣ сосѣды ваши знаютъ это. Но когда вы мнѣ »измѣнили, перестали оказывать должное почте»ніе, хотѣли предать Козельскъ поганому Королю »Польскому и перейти на его сторону, я взялъ »обратно пожалованныя вамъ помѣстья и роз»далъ оныя моимъ Боярамъ; а васъ велѣлъ сюда »привести и бросить въ Оку.« »Даруй Богъ тебѣ, Царь-Государь! здравіе, отвѣчали Нѣмцы съ низкимъ поклономъ; мы ни въ чемъ не виновны; намъ и въ умъ не приходило того, что на насъ насказали. Мы просимъ не милосердія, а строгаго правосудія. Пусть каждый преступникъ воспріиметъ должную казнь. Благоволи, Царь-Государь, оказать намъ сію милость!« Димитрій сошелъ съ крыльца вмѣстѣ съ Боярами и указавъ на нихъ пальцемъ, примолвилъ, обращаясь опять къ Нѣмцамъ: »Вотъ ваши обвинители! »Сверхъ того, я получилъ доносъ изъ Козельска »отъ Воеводы, Бояръ, Священниковъ и гражданъ.« »Государь! воскликнули, обвиняемые, въ твоей власти Воеводы, Князья, Бояре, какъ и мы иноземцы: вели имъ вознаградить насъ, или пусть займутъ наше мѣсто!«

Царь, сѣвъ на лошадь, обратился къ Господамъ Боярамъ и сказалъ: »Я вижу невинность моихъ иноземцевъ, и думаю, что вы поступили съ ними, какъ бездѣльники. Если же вы правы,

1640. покажите письма и уличите виновныхъ.« Бояре, не имѣя средствъ сего сдѣлать, смотрѣли на Нѣмцевъ съ видомъ презрѣнія и говорили: »Мы Русскіе; они ѣдятъ нашъ хлѣбъ, а не мы ихъ.« Тутъ Его Величество явилъ свое правосудіе: »Нѣмцы, сказалъ онъ ласково, вы правы! Бояре изъ одной ненависти васъ преслѣдуютъ. Все, »чего вы лишились, получите обратно!» Потомъ продолжалъ: »Князья и Бояре! отдайте немедленно имъ деревни, бывшія причиною вашей зависти; а вы, Нѣмцы, будьте вѣрны и впредь, »какъ были до сихъ поръ. Вы получите и другія помѣстья; удалитесь отъ враговъ своихъ изъ »Козельска; живите со мною въ Калугѣ: тутъ, »при моихъ глазахъ, Бояре не станутъ васъ безпокоить.« Такъ злодѣи умножили счастіе добрыхъ, а сами покрылись вѣчнымъ стыдомъ!

На обратномъ пути, Пасторъ говорилъ духовнымъ дѣтямъ своимъ: »Любезные друзья! подумаемъ о средствахъ избавиться отъ несчастія. Царь объявилъ, что мы окружены врагами, которые завидуютъ, вѣроятно, и тому, что у насъ осталось. Я рѣшился покинуть свой домъ; возьму жену, дѣтей, а если можно, и пожитки. Кто изъ васъ согласенъ со мною, пускай изготовиться въ дорогу: завтра мы отправимся. Не будемъ искушать Бога; довольно мы уже пострадали. Кто ищетъ опасности, тотъ и погибаетъ.« Одни согласились на сіе предложеніе Пастора; пере-

везли женъ, дѣтей, и поселились въ Калугѣ. 1610.
Другіе же изъ скупости не хотѣли бросить имѣнія и остались въ Козельскѣ, среди гонителей Христіанъ. Но вскорѣ испытали Божій гнѣвъ вмѣстѣ съ варварами: 1 Сентября незапно пришли отъ Смоленска *вольные люди*; въ два часа овладѣли беззащитнымъ городомъ, побили 7000 человѣкъ и предавъ оный пламени, увели въ плѣнъ Князей, Бояръ, Воеводу и всѣхъ Нѣмцевъ, которые отвергли совѣтъ духовнаго заступника своего; жены и дѣти ихъ также достались въ руки Поляковъ; все добро ихъ было разграблено.

ГЛАВА XI.

Жолкѣвскій подъ Москвою. Измѣна Ляпунова. Низложеніе Шуйскаго. Посольство къ Сигизмунду. Присяга Владиславу. Послѣднее покушеніе Самозванца овладѣть Москвою. Бѣгство его. Посольство въ Астрахань. Безумныя дѣла. Смерть Хана Касимовскаго. Петръ Еруслановъ. Умерщвленіе Самозванца. Марина и сынъ ея. Шуйскій въ плѣну. Свиданіе его въ Варшавѣ съ посломъ Турецкимъ. Грозное письмо Султана къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій, одержавъ рѣшительную побѣду при Клушинѣ, разсѣялъ всю рать Московскую, склонилъ на свою сторону Нѣмцевъ Делагардіевыхъ, заставилъ отрядъ Валуева положить оружіе и наконецъ осадилъ Москву со стороны Можайска. Въ то же время Димитрій II, высту-

1610. нивъ изъ Калуги съ своими Поляками, овладѣлъ Пафнутьевымъ монастыремъ и сжегъ его до основанія, перебивъ въономъ всѣхъ Монаховъ, Священниковъ, Бояръ и 500 стрѣльцовъ, присланныхъ изъ Москвы на помощь. Москвитяне были въ отчаяніи: не успѣвъ избавиться отъ одного непріятеля, они увидѣли предъ собою другаго.

Среди всеобщаго унынія, три отважные Боярина, уже давно бывшіе въ согласіи съ Жолкѣвскимъ, Захарій Ляпуновъ, Михайло Молчановъ и Иванъ Резецкій, составили заговоръ противъ Царя Василія Ивановича: 14 Іюля они вышли на Лобное мѣсто, созвали народъ и объявили, въ какомъ горестномъ состояніи находится земля Русская. »Ее, говорили сіи Бояре, какъ »беззащитную овчарню опустошаютъ волки. »Бѣдные жители гибнутъ, и никто не хочетъ, »или не можетъ спасти ихъ: Царь уже третій »годъ ни въ чемъ не имѣетъ счастія, ибо не»правдою присвоилъ себѣ правленіе; не одна »сотня тысячъ за него пострадала; кровопроли»тію не будетъ конца, доколѣ не оставитъ пре»стола сей злосчастный Государь, который съ »своими братьями только умѣетъ терять сраже»нія. Если нашъ голосъ, заключили Бояре, за»служиваетъ нѣкоторую довѣренность граждапъ: »родъ Шуйскаго долженъ быть сведенъ съ пре»стола; а Царемъ Государственные чины избе-

»рутъ того, кого укажетъ Богъ.« Этотъ совѣтъ 1610.
весьма понравился Москвитянамъ: они рѣшились немедленно приступить къ дѣлу. Тогда Бояре велѣли имъ итти въ Кремль и объявить свое намѣреніе Царскимъ Совѣтникамъ: граждане тотчасъ бросились съ начальниками мятежа въ палаты Шуйскаго, взяли корону и скипетръ, отнесли ихъ въ казну, а Царя отвели въ прежній домъ его; тамъ выстригли ему нѣсколько волосовъ и принудили его быть Монахомъ.

На другой день Москвитяне собрались за городомъ, въ той сторонѣ, гдѣ не было непріятелей, для рѣшенія, кому изъ Бояръ вручить Царскую корону. Но какъ скоро началось совѣщаніе и знатнѣйшія особы вмѣстѣ съ прочими стали подавать голоса, выступили впередъ нѣсколько человѣкъ съ сими словами: »Въ числѣ Князей нѣтъ никого, кто могъ бы сказать, что онъ знатнѣе другихъ родомъ и саномъ: слѣдовательно, если выберемъ Царемъ какого либо Князя, Бояре будутъ ему завидовать и крамольничать: никто не любитъ кланяться равному! И такъ возмемъ чужеземца, который самъ былъ бы Королевскаго рода и въ Россіи не имѣлъ бы себѣ подобнаго. Въ Римской Имперіи много Королей, достойныхъ носить нашу корону; но нѣтъ ни одного, кто и языкомъ и одеждою, и обычаями такъ былъ бы съ нами согласенъ, какъ Сигизмундъ Король Польскій, или

1610. сынъ его Владиславъ, уже герой знаменитый. Возведемъ его на престолъ; только тогда успокоится Россія; иначе, при всякомъ другомъ Царѣ, бѣдствіямъ не будетъ конца. О Димитріи не говоримъ ни слова: каждому извѣстно, что онъ плутъ и обманщикъ, бѣглый учитель Бѣлорусскій, достойный не престола, а висѣлицы. Итакъ, господа, если вы согласны, мы подумаемъ объ условіяхъ, съ коими возведемъ Владислава на престолъ, такъ, что наша вѣра и обычаи останутся неприкосновенными, и народъ не будетъ обремененъ новыми налогами: извольте объявить ваше мнѣніе!«

Всѣ сословія, воскликнувъ, что ничего не можетъ быть лучше этого совѣта, опредѣлили привести оный въ исполненіе, только осмотрительно; потомъ въ добромъ согласіи возвратились въ Москву. Съ Жолкѣвскимъ немедленно заключено было перемиріе, а подъ Смоленскъ отправлено посольство съ предложеніемъ Владиславу Русскаго престола, но на многихъ условіяхъ. Сигизмундъ, выслушавъ пословъ, отпустилъ ихъ съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ [116] и уполномочилъ Полководца своего Жолкѣвскаго вступить съ Русскими въ переговоры, давъ ему право дѣйствовать по его собственному благоусмотрѣнію и напередъ соглашаясь на все, что онъ ни сдѣлаетъ, кромѣ двухъ статей: 1) Королевичъ не перемѣнитъ вѣры и 2) будетъ

имѣть при себѣ Польскій дворъ: ибо Сигизмундъ не хотѣлъ предать его одного въ руки Москвитянъ. Впрочемъ же на все былъ согласенъ: обѣщалъ Москвитянамъ свободу вѣроисповѣданія, неприкосновенность ихъ законовъ, правовъ и обычаевъ, обѣщалъ, что сынъ его не только не дозволитъ нарушать Русскія права, но и будетъ имѣть о нихъ особенное попеченіе. 1610.

Обрадованные Королевскимъ отвѣтомъ, Москвитяне поклялись признать Владислава Царемъ и служить ему вѣрно, доколѣ онъ не нарушитъ предложенныхъ условій; Жолкѣвскій съ своей стороны далъ клятву именемъ Владислава, что всѣ статьи будутъ свято соблюдаемы и что самъ Королевичъ вскорѣ пріѣдетъ въ Москву для принятія Царства въ свое владѣніе. Послѣ того Польскій Военачальникъ въ лицѣ Государя приглашенъ былъ въ Кремль, гдѣ ему поднесли весьма богатые дары. Москвитяне подружились съ Поляками: толпы однихъ стремились въ лагерь, толпы другихъ въ Москву; ласкали, честили другъ друга.

Между тѣмъ Димитрій, свѣдавъ отъ нѣкоторыхъ Бояръ и Казаковъ, пріѣхавшихъ къ нему изъ Москвы, что жители оной присягнули Владиславу, но что въ ней есть люди ему преданные и что нужно только подступить къ столицѣ, дабы поселить въ жителяхъ раздоръ, немед-

1610. ленно оставилъ Пафнутьевъ монастырь, собралъ всѣхъ преданныхъ Поляковъ, Нѣмцевъ, Казаковъ, Татаръ, Русскихъ, и расположился лагеремъ между Москвою и Коломенскимъ монастыремъ, въ надеждѣ на счастливый успѣхъ своихъ клевретовъ; но сія надежда была напрасна: ежедневныя вылазки Москвитянъ доказывали, что народъ вовсе не помышляетъ ему покориться. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что въ столицѣ появились Польскіе копѣйщики и что Поляки, ему служившіе, весьма неохотно дерутся съ своими единоземцами; тутъ Самозванецъ съигралъ прежнюю ролю—бѣжалъ изъ лагеря, и покрытый срамомъ, возвратился въ Калугу съ нѣсколькими сотнями Казаковъ и Романовскихъ Татаръ, въ день Св. Варѳоломея [117]).

По удаленіи Димитрія, Поляки одинъ за другимъ приходили въ Москву: вскорѣ собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ. Нѣмцы также успѣли пробраться въ столицу, въ числѣ 800 воиновъ. Размѣщенные въ Кремлѣ, лучшей крѣпости Московской, они имѣли въ рукахъ своихъ военные снаряды. 5000 Поляковъ, вопреки желанію Москвитянъ, заняли внѣшній за́мокъ и учредили стражу вкругъ третьей стѣны: имъ отпускались въ избыткѣ всякіе съѣстные припасы и сверхъ того производилось ежемѣсячное жалованье отъ казны, которая чрезъ

то оскудѣла еще болѣе, нежели въ правленіе 1610. Шуйскаго [118].

Димитрій весьма досадовалъ на Поляковъ, виновниковъ его срамнаго бѣгства, и еще болѣе на Русскихъ, которые такъ жестоко его обманули. »Мнѣ болѣе ничего не осталось, говорилъ »онъ, какъ собрать Турковъ и Татаръ: они по»могутъ мнѣ завоевать наслѣдство моихъ пред»ковъ! Если же не успѣю овладѣть Россіею, ра»зорю ее такъ, что она ничего не будетъ сто»ить. Доколѣ я живъ—не будетъ ей покоя.«

Желая поправить неудачу, онъ послалъ въ Астраханское Царство любимаго Поляка своего, Пана Керносицкаго (который былъ впрочемъ болѣе Русскій) съ извѣстіемъ, что Царь и Царица рѣшились избрать своею столицею Астрахань, не желая жить въ Москвѣ, оскверненной присутствіемъ нехристовъ. Если бы удался этотъ замыселъ, Россія испытала бы новыя ужаснѣйшія бѣдствія; но Богъ спасъ ее: Димитрій совершенно потерялъ разсудокъ, не щадилъ никого, самыхъ вѣрныхъ сподвижниковъ своихъ, немногихъ Татаръ и Казаковъ. Сіи люди берегли его день и ночь, были съ нимъ безотлучно, участвовали во всѣхъ увеселеніяхъ, провожали его на охоту, между тѣмъ, какъ Нѣмцы и Поляки не смѣли къ нему подойти; но за всѣ услуги Татаръ, Димитрій приказалъ утопить въ Окѣ Хана Касимовскаго, обвиненнаго предъ Ца-

1610. ремъ собственнымъ сыномъ въ намѣреніи бѣжать въ Москву.

Раздраженный таковымъ поступкомъ Димитрія, Татарскій Князь Петръ Еруслановъ искалъ случая умертвить Ханскаго сына и уже думалъ исполнить свое намѣреніе, когда отцеубійца возвращался домой отъ Царя; но Князь ошибся: жертвою его мести былъ другой знатный Татаринъ, одѣтый такъ же точно, какъ и тотъ, кого онъ подстерегалъ. Еруслановъ, до тѣхъ поръ весьма уважаемый Царемъ за то, что онъ зналъ дорогу къ Астрахани, заключенъ въ темницу; а 50 другихъ Татаръ отданы подъ стражу; впрочемъ постращавъ ихъ нѣсколько дней, Димитрій даровалъ имъ свободу, сталъ по прежнему ласковъ, ѣздилъ съ ними на охоту, посылалъ ихъ въ окрестности для набѣговъ и опустошенія деревень, принадлежавшихъ ненавистнымъ Полякамъ. Но Татары не могли забыть своего оскорбленія и цѣлые два мѣсяца весьма искусно таили намѣреніе отмстить Димитрію. Каждую ночь привозили въ Калугу по 10 и по 12 Поляковъ, которыхъ не рѣдко хватали съ постелей; привозили иногда и купцовъ, пойманныхъ на дорогѣ. Царь обыкновенно приказывалъ еще до разсвѣта засѣкать сихъ несчастныхъ кнутомъ до смерти; тѣла ихъ бросали собакамъ на съѣденіе; остатки же зарывали въ землю, какъ падалище; благородныхъ Поляковъ топили въ рѣкѣ. Видя та-

кое усердіе Татаръ, Димитрій думалъ, что они 1610.
уже забыли прежнее оскорбленіе и такъ вѣрилъ
имъ, что отправляясь на охоту, всегда бралъ
ихъ съ собою человѣкъ по 20 и по 30, а изъ
придворныхъ не болѣе 2 или 3, да шута Петра
Кошелева, неразлучнаго своего товарища. Вѣроломные Татары изъявляли Царю безпредѣльную преданность, выжидая случая — отмстить ему. За нѣсколько дней до исполненія заговора, дали знать своимъ единоземцамъ, чтобы они, при первомъ выѣздѣ Царя на охоту, выбрались изъ Калуги въ Пельну и дождавшись тамъ Князя Еруслапова, немедленно отправились восвояси.

11 Декабря Димитрій, не предчувствуя своей участи, отправился на охоту съ Княземъ Еруслановымъ и 20 Татарами; товарищи ихъ, согласно взаимному условію, взявъ все, что только могли, выѣхали верхами въ разные ворота и соединились на Пельнской дорогѣ въ числѣ 1000 человѣкъ. Какъ скоро Димитрій отъѣхалъ отъ города около четверти пути, Князь Петръ, поравнявшись съ нимъ, прострѣлилъ его насквозь; потомъ отрубилъ ему голову. »Я научу тебя, примолвилъ Князь, топить Хановъ и »сажать въ темницу Князей, которые служили »тебѣ вѣрно, негодный обманщикъ!« Шутъ Кошелевъ и два Боярина не хотѣли быть свидѣтелями сего печальнаго зрѣлища: ударили по лошадямъ и не оглядываясь прискакали въ Калугу

1610. съ извѣстіемъ, какимъ образомъ кончилась охота.

Татары между тѣмъ пустились по Пельнской дорогѣ восвояси, опустошая и истребляя все, что имъ ни попадалось. Въ Калугѣ ударили тревогу; пушечными выстрѣлами дали знать, чтобы войско собиралось для преслѣдованія вѣроломныхъ; но уже поздо: ихъ не льзя было настигнуть. Только немногіе изъ Татаръ остались въ Калугѣ, потому ли, что не имѣли добрыхъ коней, или недовѣрчивые товарищи не открылись имъ, не извѣстно. Сихъ несчастныхъ гоняли изъ улицы въ улицу, хуже, чѣмъ зайцевъ въ полѣ, дубинами и саблями, пока всѣхъ не перебили. Такъ невинные пострадали за виновныхъ! Все доказываетъ, что они вовсе не знали о злодѣйскомъ умыслѣ; въ противномъ случаѣ, успѣли бы спасти себя, или донесли бы о заговорѣ. Удовлетворивъ мести, Князья, Бояре и граждане Калужскіе отправились туда, гдѣ погибъ ихъ Царь; нашли трупъ и голову; отвезли сіи бренные остатки въ крѣпость, обмыли ихъ и приставивъ голову къ трупу, положили Царя на столъ на показъ всему народу. Потомъ, чрезъ нѣсколько дней, похоронили его съ приличными обрядами въ Дворцовой Калужской церкви, гдѣ онъ лежитъ до сихъ поръ. Не забудутъ и позднѣйшіе потомки сего человѣка,

который былъ виною неимовѣрныхъ бѣдствій 1610. Россіи!

Легко вообразить, съ какою горестію узнала о семъ несчастномъ произшествіи благочестивая Царица Марина. Давно ли она потеряла одного супруга, теперь лишилась и другаго! Она была уже беременна, и вскорѣ разрѣшилась сыномъ. Бояре выпросили у нея себѣ новорожденнаго Царевича, чтобъ укрыть его отъ убійцъ и воспитавъ тайно, со временемъ возвести на престолъ. Москвитяне до сихъ поръ оказываютъ Маринѣ Царскую почесть [119]; какую же перемѣну произведетъ въ Россіи сынъ ея, узнаютъ тѣ люди, которые проживутъ еще лѣтъ двадцат [120].

Такъ кончилъ дни свои Димитрій II; смерть его была ужасна! Долго спорилъ онъ съ Василіемъ Шуйскимъ за безцѣнное сокровище; но не могъ имъ овладѣть. Да и Шуйскій не умѣлъ пользоваться онымъ: и ему пришлось изъ Монарха сдѣлаться Монахомъ; а яблоко раздора досталось Владиславу.

Низложивъ Шуйскаго съ престола, Москвитяне отправили его съ двумя братьями, Димитріемъ и Иваномъ, и знатнѣйшими изъ Князей, Голицыными, къ Польскому Королю, въ лагерь Смоленскій. Отсюда, по волѣ Сигизмунда, ихъ отвезли въ Польшу, какъ плѣнниковъ. Разсказываютъ за достовѣрное, что на Варшавскомъ Сеймѣ, бывшемъ около Мартинова дня 1611 года,

1610. присутствовалъ посланникъ Турецкаго Султана. Пируя за пышнымъ Королевскимъ столомъ, онъ желалъ видѣть прежняго Царя Московскаго: его желаніе было исполнено. Шуйскаго привели въ Царской одеждѣ, и посадили за столъ противъ посланника. Сей послѣдній долго смотрѣлъ на него, не говоря ни слова; потомъ началъ превозносить счастіе Короля Польскаго, который за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ Максимиліана, а теперь держитъ въ плѣну великомощнаго Царя Русскаго. »Не дивись, отвѣчалъ Шуйскій, оскорбленный словами посланника, не дивись моей участи! Я былъ сильный Государь, а теперь плѣнникъ; но знай: когда Король Польскій овладѣетъ Россіею—и твоему Государю не миновать моей участи! Есть у насъ пословица: *Сего дня моя очередь, а завтре твоя.*«

Султанъ, узнавъ о семъ отвѣтѣ, въ 1612 году прислалъ, какъ говорятъ, слѣдующее письмо къ Королю Польскому: »Мы, Султанъ пресвѣтлѣйшій, сынъ великаго Императора, сынъ Высочайшаго Бога, владѣтель всей Турціи, Греціи, Вавилоніи, Македоніи, Сармаціи, Король верхняго и нижняго Египта, Александріи, Индіи, Государь всѣхъ народовъ, блистательный сынъ Магомета, покровитель и защитникъ города Песразира и рая земнаго, стражъ Святаго гроба Бога небеснаго, Царь Царей, повелитель всѣхъ

владыкъ и боговъ земныхъ, обладатель древа 1610.
жизни и Святаго Града, Государь и наслѣдникъ всѣхъ странъ Черноморскихъ — Королю Польскому поклонъ! Дошло до насъ, что ты съ своими Корольками и Князьками затѣялъ противъ насъ, могущественнаго и непобѣдимаго Императора, злое дѣло, по внушенію людей легкомысленныхъ: расторгнувъ дружбу и миръ, о коемъ ты прежде умолялъ насъ, забывъ обѣщаніе не вести съ нами войны, ты напалъ на наши области, все грабилъ, губилъ, убивалъ, жегъ, истреблялъ. Теперь жди возмездія: изъ всѣхъ областей, намъ подвластныхъ, отъ одного края вселенной до другаго, мы соберемъ силы несмѣтныя, подавимъ ничтожныхъ владыкъ и въ Краковѣ явимъ предъ тобою наше величіе; тамъ мы воздвигнемъ такой памятникъ, что Государство твое вовѣки насъ не забудетъ. Въ знакъ же сей воли, посылаемъ тебѣ мечъ, стрѣлу и ядро, обагренныя кровію. Наши кони и вельблюды опустошатъ твои поля; да вѣдаетъ міръ, сколь ужасенъ гнѣвъ нашъ! Какъ Владыка небесный караетъ богоотступниковъ; такъ и мы, Владыка земной, хотимъ наказать твое вѣроломство: гнѣвъ нашъ поразитъ тебя прежде, чѣмъ получишь отъ насъ другое письмо. Вразуми себѣ все, что мы сказали; если же не поймешь, то почувствуешь.—Султанъ пресвѣтлѣйшій [121].«

ГЛАВА XII.

1611—1612.

Владислава признают Царем во всей Россіи. Своевольство Поляков въ Москвѣ. Негодованіе народа. Правосудіе Гонсѣвскаго. Всеобщая ненависть къ Полякамъ. Ссоры съ ними. Тщетныя усилія Намѣстника. Вербное Воскресенье. Патріархъ виновникъ возстанія. Кровопролитіе въ столицѣ. Мужество Маржерета. Пожаръ и разореніе Москвы. Полковникъ Струсь. Патріархъ въ темницѣ. Неистовство Поляковъ. Ляпуновъ осаждаетъ ихъ. Сапѣга и Ходкѣвичъ. Заключеніе.

По смерти Димитрія II, города, воевавшіе съ Москвою, прислали къ жителямъ оной письмо слѣдующаго содержанія: »Попуталъ насъ лукавый! Сгубилъ наше Царство проклятый Самозванецъ! Мы хотимъ жить съ вами въ добромъ согласіи, но прежде прогоните нехристовъ, поганыхъ Поляковъ: только тогда Россія успокоится и кровь христіанская перестанетъ литься [122].«

Москвитяне отвѣчали, что они будутъ рады и благодарны, если областные жители опомнятся и исправятся; но что не льзя нарушить присяги Владиславу: иначе въ Россіи никогда единодушіе не водворится. Вмѣстѣ съ симъ отвѣтомъ, разослали тайно грамоты, въ коихъ совѣтовали своимъ единоземцамъ признать Царемъ Королевскаго сына, чтобы внутренніе раз-

доры прекратились, и города воевать между собою перестали; но въ тоже время убѣждали исподоволь истреблять Поляковъ, имѣвшихъ въ Россіи помѣстья, или просто въ ней жившихъ. »Такимъ образомъ, писали Москвитяне, Государство незамѣтно очистится отъ сихъ невѣрныхъ. Мы же съ своей стороны довольно имѣемъ силъ побить при случаѣ всѣхъ Поляковъ, въ столицѣ живущихъ, хотя они и не скидаютъ съ себя ни латъ, ни шлемовъ [123]).« Слѣдуя сему внушенію, города присягнули Владиславу въ Январѣ 1611 года, и думали оставить Поляковъ въ дуракахъ; но Русскіе скоро испытали на себѣ пословицу: *Не рой яму другому, самъ въ нее попадешь.* 1611.

25 Января Московскіе обыватели жаловались Намѣстнику Владислава, Гонсѣвскому [124]), что Поляки притѣсняютъ народъ, не уважаютъ Русскаго богослуженія, ругаются надъ Св. Иконами, даже стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей; что Россіянамъ и въ домахъ нѣтъ безопасности; что казна Государственная расхищена и непомѣрныя суммы выдаются на содержаніе 6000 воиновъ, а Царь Владиславъ не является; и что Король, вопреки обѣщанію, до сихъ поръ не соглашаясь прислать своего сына, обнаруживаетъ намѣреніе только разорить въ конецъ Русскую землю. Въ заключеніе же недовольные велѣли сказать наотрѣзъ Намѣстнику и всѣмъ его Ротмистрамъ, чтобы они позаботились о

1611. скорѣйшемъ прибытіи Царевича, въ противномъ случаѣ убирались бы сами туда, откуда пришли: иначе имъ укажутъ дорогу. »Для такой невѣсты, говорили Москвитяне, какова Россія, мы »скоро найдемъ и другаго жениха.«

Панъ Гонсѣвскій ласково принялъ сію жалобу и просилъ Москвитянъ быть покойными, особенно же не замышлять ничего вреднаго, къ собственному несчастію: ибо, говорилъ Намѣстникъ, Его Величество такъ озабоченъ разными дѣлами въ своемъ Государствѣ, что не имѣетъ никакого средства ввести въ Россію своего сына съ приличнымъ Царскому сану достоинствомъ; притомъ же Король хочетъ непремѣнно овладѣть Смоленскомъ, искони принадлежавшимъ Польской коронѣ, чтобы въ послѣдствіи не имѣть объ ономъ спора съ собственнымъ сыномъ. Впрочемъ Гонсѣвскій обѣщалъ немедленно просить Сигизмунда о скорѣйшемъ пріѣздѣ избраннаго Россіянами Государя, и далъ слово строго наказывать Поляковъ, которые станутъ нарушать спокойствіе столицы.

Народъ, узнавъ о столь добромъ намѣреніи Гонсѣвскаго, тотчасъ приступилъ къ нему съ просьбою явить примѣрный судъ надъ пьянымъ Польскимъ дворяниномъ, выстрѣлившимъ въ образъ Богоматери, соглашаясь забыть о прочихъ своихъ обидахъ. Дворянинъ былъ взятъ немедленно и осужденъ на смерть. Близъ Стрѣлин-

скихъ воротъ, гдѣ находилась сія Икона, ему 1611.
отсѣкли обѣ руки и повѣсили ихъ подъ образомъ; а самого виновника вывели за городъ и сожгли [125]). При семъ случаѣ Панъ Гонсѣвскій обнародовалъ объявленіе, что скоро прибудетъ Царь Владиславъ, что Москвитяне должны молиться о здравіи Его Величества, что Государь повелѣлъ строжайшимъ образомъ наблюдать за правосудіемъ, наказывать своевольство, охранять граждапъ и Святыню ихъ, и что казнь виновнаго дворянина служитъ яснымъ доказательствомъ попеченій Владислава о благѣ и спокойствіи Россіи.

Москвитяне казались довольными; но Поляки, испытавъ на дѣлѣ ихъ вѣроломство, не дремали: разставили при всѣхъ воротахъ сильную стражу въ полномъ вооруженіи, запретили Русскимъ имѣть при себѣ что либо смертоносное, обыскивали всѣ возы, пріѣзжавшіе въ городъ, опасаясь, нѣтъ ли въ оныхъ оружія. Если же Москвитяне изъявляли досаду, Поляки говорили имъ: »Осторожность не мѣшаетъ; насъ горсть, »а васъ тысячи; мы не думаемъ ничего дурнаго, »вы же, Москвитяне, насъ не любите. Не хотимъ »съ вами ссориться—этого требуетъ Государь »нашъ; только вы будьте спокойны!« Не взирая на сіи убѣжденія, Москвитяне весьма негодовали на Поляковъ. »Уже и теперь, говорили они, »нѣтъ намъ воли; что же будетъ, когда наберет-

1611. »ся поболѣе сихъ лысыхъ головъ? По всему видно, они хотятъ быть нашими господами. Но »мы ихъ проучимъ! Мы выбрали Царемъ Поляжка, только не для того, чтобы каждый безмозглый Ляхъ здѣсь поднималъ носъ; мы не думали »отказываться и отъ своего права. Старая собака Король не хотѣлъ отпустить своего щенка: »теперь оба они могутъ навѣки остаться во свояхъ: не хотимъ Владислава! А эти глалоли, пусть »добромъ отсюда уберутся, не то, переколотимъ »ихъ, какъ псовъ. Насъ вѣдь семьсотъ тысячъ: »если на что рѣшимся, постоимъ за себя!«

Злоба народа безпрестанно увеличивалась; Москвитяне насмѣхались надъ стражею Гонсѣвскаго, и нерѣдко поносили Поляковъ, приходившихъ на рынокъ за покупками. »Эй, пучки! »кричали насмѣшники, долго ли вамъ здѣсь пировать? Видно придется собакамъ потѣшиться надъ »плѣшивыми головами, когда не хотите добромъ »оставить нашего города!« За все, что ни покупали, Поляки должны были платить вдвое дороже противъ Русскихъ, или возвращались съ рынка домой съ пустыми руками. Благоразумные Поляки, видя всеобщую ненависть, старались удерживать своихъ пылкихъ товарищей. »Смѣйтесь, какъ хотите, говорили они Русскимъ, »для насъ все равно; не мы будемъ зачинщиками. Но берегитесь, не пришлось бы вамъ раскаяваться!«—и уходили домой осмѣянные.

13 Февраля Польскіе дворяне велѣли сво- 1611.
имъ служителямъ [126] купить овса на рынкѣ, за Московскою дорогою. Одинъ изъ Поляковъ, замѣтивъ, сколько за оный платили Русскіе, приказалъ отмѣрить нѣсколько бочекъ и хотѣлъ заплатить за нихъ по одному флорину, такъ же, какъ платили и другіе. Московскій торгашъ, недовольный сею платою, требовалъ съ него за каждую бочку по 2 флорина. »Эй, ты к... с... »Москаль..... закричалъ слуга, какъ смѣешь ты »грабить насъ? Развѣ мы не одному Царю слу»жимъ?« »Коли не хочешь дать за бочку по два »флорина, возразилъ Москвитянинъ, возьми свои »деньги и отдай мнѣ овесъ. Полякамъ не поку»пать его дешевле. Убирайся къ чорту!« Полякъ выхватилъ саблю съ намѣреніемъ проучить Москаля, какъ вдругъ сбѣжалось человѣкъ 40 или 50, вооруженныхъ дрекольемъ; въ минуту собралось такое множество народа, что Польская стража, находившаяся у Водяныхъ воротъ, должна была прибыть на мѣсто драки. Слуги же, покупавшіе овесъ, искали спасенія въ бѣгствѣ, и преслѣдуемые Москвитянами, просили помощи у своихъ единоземцевъ, объявивъ имъ, что трое изъ товарищей ихъ убиты народомъ единственно за несогласіе платить вдвое болѣе Русскихъ. Тутъ 12 Польскихъ воиновъ ударили на многія сотни Москвитянъ, убили человѣкъ 15, а прочихъ разогнали.

1611. Какъ скоро узнали объ этой дракѣ жители предмѣстья и Бѣлаго города, со всѣхъ сторонъ набѣжало такое множество Москвитянъ, недовольныхъ Поляками, что дѣло едва не кончилось всеобщимъ бунтомъ. Благоразуміе Намѣстника отвратило сіе бѣдствіе. Онъ самъ явился среди народа и сказалъ: »Москвитяне! Вы считаете себя наилучшими Христіанами въ мірѣ; но боитесь ли вы Бога, когда жаждете крови и помышляете только о вѣроломствѣ и измѣнѣ? Или вы думаете, что Богъ васъ не накажетъ? Нѣтъ! вы испытаете всю тяжесть его десницы. Умертвивъ не одного изъ собственныхъ Царей, вы избрали наконецъ Государемъ нашего Королевича; но едва присягнули ему въ вѣрности,—вы уже стали поносить его только за то, что онъ не можетъ сюда пріѣхать такъ скоро, какъ вамъ хотѣлось бы; называете отца его старою собакою, а его самого щенкомъ, забывъ, что Богъ избралъ ихъ своими Намѣстниками. Вы сами нарушаете клятву, не признавая Царемъ своего законнаго Государя; а насъ, его подданныхъ, пріѣхавшихъ сюда по вашему приглашенію, предаете смерти! Или не помните, что мы спасли васъ отъ злодѣя Димитрія? Не повинуясь Царю, вы раздражаете Бога, который шутить не любитъ. Не хвалитесь силою и многочисленностію: конечно шести тысячамъ трудно устоять противъ семи сотъ тысячъ; но побѣда за-

виситъ не отъ числа, а отъ Бога: и горстію 1611.
людей Онъ можетъ истребить несчетныя полчища. Что побуждаетъ васъ къ бунту? Развѣ мы служимъ не тому же Государю, которому и вы присягнули? Если же вы хотите кровопролитія, то будьте увѣрены, что Богъ насъ не оставитъ: мы постоимъ за правое дѣло!«

»Полно врать! закричали изъ толпы; безъ ружей и дубинъ, мы побьемъ васъ колпаками.«

»Нѣтъ, братцы! продолжалъ Намѣстникъ, колпаками и съ дѣвками не управитесь: и онѣ васъ утомятъ; чего же не сдѣлаютъ 6,000 героевъ? Прошу васъ, умоляю, будьте мирны и спокойны!«

»Ну, такъ убирайтесь отсюда и очистите нашъ городъ!« сказали Москвитяне.

»Этого не дозволяетъ намъ присяга, возразилъ Намѣстникъ; Государь не за тѣмъ прислалъ насъ, чтобы мы тотчасъ разбѣжались по вашему требованію: мы должны ожидать его пріѣзда.«

»Такъ недолго вамъ оставаться въ живыхъ!» —воскликнулъ народъ.

»Это зависитъ не отъ васъ, а отъ Бога. Если вы начнете ссору, да не съумѣете кончить ее—тогда помилуй Богъ женъ и дѣтей вашихъ! Я довольно вразумлялъ васъ; повторяю: будьте покойны; а не то вы пропали. Съ нами Богъ!« Сказавъ сіе, Намѣстникъ возвратился въ замокъ;

1611. а Москвитяне разошлись по домамъ, скрывая въ душѣ злые умыслы.

Миновало еще нѣсколько недѣль, а Королевича все не было. Между тѣмъ разнеслась молва, что Король не отпускаетъ своего сына, изъ опасенія ввѣрить его столь вѣроломнымъ людямъ. Москвитяне были въ изступленіи, которое достигло высшей степени, когда Польскій Военачальникъ потребовалъ съѣстныхъ припасовъ и жалованья своему войску. »Пусть тре»буетъ платы отъ своего Царя«, говорилъ народъ.

Болѣе всего Москвитяне злились на своихъ Вельможъ, Михайла Глѣбовича Салтыкова, Ѳедора Андронова, Ивана Тарасовича Граматина, и требовали выдачи сихъ измѣнниковъ, вѣроломно предавшихъ Царство Королевичу Владиславу. Около 3000 мятежниковъ устремились въ Кремль и уже ворвались въ оный; но едва начальникъ Нѣмецкой дружины Борковскій ударилъ тревогу и Нѣмцы бросились къ ружью — Москвитяне поспѣшили удалиться. Стража хотѣла запереть ворота̀, чтобы напасть на вѣроломныхъ; однакожъ Капитанъ удержалъ ее, сказавъ: »Пусть нихъ ругаются! собака лаетъ, а вѣтеръ несетъ; но если вздумаютъ драться, тогда узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!« Въ четверть часа не было уже видно ни одного Русскаго. Но Поляки ежеминутно ожидали новой тревоги. Видя вездѣ вол-

неніе народа, Полководцы ихъ отмѣнили торжественный выходъ въ Вербное воскресенье, которое послѣ Николина дня считается важнѣйшимъ праздникомъ: они опасались при семъ случаѣ неминуемаго бунта. Обыкновенно въ этотъ день выходитъ къ народу Царь и отъ Дворца своего до церкви, называемой Іерусалимомъ, ведетъ за узду осла, на коемъ сидитъ Патріархъ; шествіе открываетъ Клиръ, воспѣвая *осанну*, съ приличными обрядами; за нимъ слѣдуютъ болѣе 20 Боярскихъ дѣтей въ красномъ платьи, и разстилаютъ оное по дорогѣ, гдѣ Царь ведетъ Патріаршаго осла. Какъ скоро проѣдетъ Патріархъ, они подбираютъ свою одежду и забѣжавъ впередъ, снова разстилаютъ ее до самой церкви. За Первосвященникомъ везутъ въ саняхъ огромное съ разными плодами дерево, на коемъ сидятъ три или четыре отрока, и поютъ священные гимны: шествіе заключаютъ Князья, Бояре и купцы. На этотъ праздникъ стекается безчисленное множество народа; при чемъ такая бываетъ тѣснота, что люди слабаго сложенія не смѣютъ присутствовать на церемоніи, если хотятъ остаться живыми. 1611.

Чернь, узнавъ о запрещеніи Намѣстника праздновать столь великій день, изъявила сильный ропотъ и лучше хотѣла погибнуть, чѣмъ стерпѣть такое насиліе; волю народную надле-

1611. жало исполнить; узду осляти держалъ, вмѣсто Царя, знатнѣйшій изъ Московскихъ Вельможъ, Андрей Гундуровъ. Нѣмцы же и Поляки, въ полномъ вооруженіи, охраняли тишину столицы.

Между тѣмъ дали знать Намѣстнику, что Москвитяне, подстрѣкаемые Патріархомъ, отложили мятежъ до Страстной недѣли, и что Бояре приготовили сани съ дровами, которыя намѣрены въ минуту возмущенія разставить по улицамъ и лишить Поляковъ средствъ подавать другъ другу помощь. Свѣдавъ о семъ, Намѣстникъ и Борковскій отдали приказъ, чтобы ни одинъ Нѣмецъ, ни одинъ Полякъ, подъ смертною казнію, не оставался въ городѣ и не выходилъ изъ крѣпости.

На другой день послѣ праздника, всѣ Поляки спѣшили убраться въ крѣпость; Москвитяне, замѣтивъ сіе, догадались, что ихъ замыселъ обнаружился, и въ ту же ночь собрали совѣтъ, гдѣ разсуждали, какимъ образомъ воспрепятствовать соединенію враговъ; наконецъ рѣшились: во вторникъ, т. е. 19 Марта, заняли улицы, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и побили многихъ Поляковъ, ѣхавшихъ въ замокъ. Намѣстникъ немедленно выслалъ на помощь своимъ нѣсколько отрядовъ конныхъ копѣйщиковъ: Москвитяне ударили въ нихъ смѣло, и если бы не подоспѣлъ Нѣмецкій полкъ, состоявшій изъ 800 воиновъ, всѣ Польскіе всад-

ники, числомъ 5000, остались бы на мѣстѣ: уже 1611.
Москвитяне стали одолѣвать Поляковъ; смѣло напирали на нихъ, и удивляясь собственному успѣху, испускали радостные крики, при громѣ набатовъ; въ сію минуту главный Капитанъ Нѣмецкой дружины, Яковъ Маржеретъ, выслалъ изъ зáмка три роты мушкетеровъ къ Лавскому мосту, въ Никитскую улицу, пересѣкаемую многими переулками, гдѣ укрѣпились мятежники и поражали Поляковъ. Воины Маржеретовы, овладѣвъ внѣшнимъ укрѣпленіемъ, напали незапно на поклонниковъ Николая [127] и побили ихъ какъ градомъ: сѣча была ужасная! Болѣе часу раздавался крикъ Москвитянъ, звонъ безчисленныхъ колоколовъ, громъ мушкетовъ, ревъ бури. Страшно было смотрѣть! Мушкетеры, пробившись разными улицами въ толпу враговъ, разогнали ее и преслѣдуя бѣгущихъ, били ихъ, какъ собакъ.

Когда прекратилась пальба, Нѣмцы и Поляки, оставшіеся въ крѣпости, начали горевать объ участи своихъ товарищей, и думая, что всѣ они погибли, заливались слезами: отчаяніе ими овладѣло; въ то самое время возвращаются мушкетеры, имѣя, подобно мясникамъ, окровавленные мечи и рубахи. Безъ ужаса не льзя было взглянуть на нихъ! Москвитянъ пало множество; Нѣмцевъ только восемь человѣкъ. Между тѣмъ, снова закипѣла битва на Срѣтенкѣ, гдѣ Моск-

1611. витяне также укрѣпились; набаты гудѣли безъ умолку. Мушкетеры и здѣсь явили свою храбрость: при помощи Небесъ, они побили въ два часа множество Москвитянъ.

Пораженные на Срѣтенкѣ, мятежники собрались на Покровкѣ. Мушкетеры уже утомились отъ дальныхъ переходовъ съ тяжелыми мушкетами, отъ непрестанной пальбы и сѣчи; посему Борковскій подкрѣпилъ ихъ нѣсколькими отрядами конныхъ копѣйщиковъ, и въ то же время велѣлъ зажечь всѣ домы около того мѣста, гдѣ Москвитяне, перегородивъ улицу, упорно сопротивлялись: въ четверть часа пламя объяло всю Москву отъ Арбата до Кулишки. Для насъ этотъ пожаръ былъ весьма выгоденъ: Москвитяне, не успѣвая и сражаться и гасить огонь, вышли изъ своихъ жилищъ и обратились въ бѣгство, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми. Тогда то сбылась древняя пословица: Haec mea sunt; veteres migrate coloni.

Весь Китай-городъ обратился въ пепелъ; многія сотни людей погибли отъ меча и пламени; улицы были завалены мертвыми тѣлами такъ, что невозможно было пройти. Побѣдители нашли въ купеческихъ лавкахъ несмѣтную добычу, въ вещахъ золотыхъ, шелковыхъ и въ пряныхъ кореньяхъ. Въ слѣдующую ночь Россіяне укрѣпились на Чертоли, подлѣ самаго зáмка, еще уцѣлѣвшаго отъ пламени. Москвитяне,

жившіе на другой сторонѣ, за Москвою рѣкою, 1611.
также выставили знамена въ своихъ укрѣпленіяхъ: и тѣ и другіе могли подавать взаимную помощь. Чертольскіе мятежники, имѣя въ своей власти уголъ Бѣлой стѣны, расположили на ней до ста стрѣльцовъ и заградили всѣ улицы, въ надеждѣ воспрепятствовать приближенію нашихъ воиновъ; Русскіе же, находившіеся на другой сторонѣ рѣки, укрѣпили мостъ противъ Водяныхъ воротъ, и поставили на немъ орудія, изъ коихъ палили по нашимъ чрезъ рѣку, думая, что и мы также станемъ перестрѣливаться. Но Капитанъ Маржеретъ употребилъ слѣдующую весьма удачную хитрость: онъ приказалъ своимъ воинамъ также сдѣлать укрѣпленія; а самъ, зная, что ледъ на Москвѣ рѣкѣ еще крѣпокъ, вывелъ мушкетеровъ въ Водяные ворота за́мка и неожиданно очутился среди непріятельскихъ отрядовъ, такъ, что могъ бить ихъ справа и слѣва. Въ то же время двѣнадцать Польскихъ эскадроновъ выстроились на льду для наблюденія, не вздумаетъ ли непріятель, стоявшій на лѣвой сторонѣ, подать помощь Россіянамъ, укрѣпившимся въ Чертоли; но какъ они не трогались съ мѣста, то Маржеретъ повелъ своихъ воиновъ по льду, мимо Бѣлой стѣны, и достигнувъ пяти башенъ, онъ ворвался незапно въ ворота, нарочно отворенные, только не для него, а для тѣхъ Москвитянъ, которые были на другой сто-

1611. ронѣ. Эта оплошность погубила мятежниковъ: наши воины перебили ихъ до послѣдняго, а за́мокъ Чертольскій предали пламени. Сіе несчастіе разстроило Россіянъ, стоявшихъ на противоположномъ берегу; они потеряли все свое мужество, когда узнали, что Поляки двинулись вверхъ по рѣкѣ, и что въ то же время прибылъ изъ Можайска Полковникъ Панъ Струсь, коего отрядъ, состоявшій изъ тысячи отборныхъ всадниковъ, напалъ на третій городъ, жегъ, рубилъ, опустошалъ все, что ни попадалось. Воины же Капитана Маржерета, разрушивъ за́мокъ Чертольскій, перешли Москву рѣку и предали пламени всѣ домы, уцѣлѣвшіе отъ прежняго пожара: тутъ уже ничто не помогало Москвитянамъ, ни страшный крикъ, ни звонъ колоколовъ; они нигдѣ не могли найти спасенія; даже пламя, разносимое вѣтромъ, обращалось въ ту сторону, куда бѣжали Москвитяне, и истребляло ихъ. По всему было видно, что самъ Богъ каралъ этотъ народъ за его кровожадность, вѣроломство, лихоимство и развратъ Содомскій [128]! Немногія толпы укрылись въ монастыряхъ; около полудня все кончилось; никто не думалъ сопротивляться побѣдителямъ.

Двухдневный пожаръ превратилъ въ пепелъ обширную столицу Русскаго Царства, имѣвшую въ окружности болѣе 4 миль; ничего въ ней не уцѣлѣло, кромѣ Царскаго за́мка, занятаго Коро-

левскимъ войскомъ, и немногихъ церквей каменныхъ: все прочее было жертвою огня; сгорѣли всѣ деревянныя зданія, всѣ красивые домы Боярскіе и купеческіе, остались только немногія стѣны, каменные погреба, церкви и часовни. Такимъ образомъ 700,000 человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ, должны были уступить свой городъ малочисленной дружинѣ, состоявшей изъ 800 Нѣмцевъ и 6,000 Поляковъ; должны были видѣть столицу жертвою пламени, и несмѣтныя сокровища оставить въ рукахъ чужеземцевъ. Въ числѣ сокровищъ Царскихъ (на счетъ коихъ и теперь, въ 1612 году, содержится Королевское войско), находились 7 коронъ, 3 скипетра, и другія вещи безцѣнныя. Одинъ скипетръ изъ цѣльной кости единорога, осыпанный яхонтами, затмѣвалъ все драгоцѣнное въ мірѣ. 1611.

Укротивъ мятежъ, Поляки отрѣшили Патріарха, бывшаго виною и началомъ всему злу; заперли его въ Кириловскій монастырь, и приставили къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ. Тамъ будетъ онъ содержаться до прибытія Владислава и получитъ воздаяніе за всѣ свои крамолы, за гибель несмѣтнаго множества душъ Христіанскихъ [129].

Есть пословица: не хочешь мира, иди на войну; не хочешь благословенія, терпи проклятіе. Сказано, сверхъ того, въ Книгѣ Премудрости:

1611. въ чемъ погрѣшишь, тѣмъ и наказанъ будешь. Москвитяне доказали собою истину сихъ изрѣченій: за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, напавъ на Ливонію, они все предавали огню и мечу, насиловали женъ и дѣвицъ; теперь имъ отплачено сторицею. Изъ Ливоніи они вывезли 100,000 гульденовъ, а сами лишились всего имѣнія, цѣною во 100 бочекъ золота; имъ удалось обезчестить и полонить нѣсколько женъ и дѣвицъ; за то Поляки осрамили нѣсколько тысячъ Москвитянокъ. Сверхъ того, пожары такъ опустошили всю Россію, что пять Ливоній могли бы помѣститься въ ея пустыняхъ. Наконецъ семилѣтняя война истребила, по изчисленію самихъ Россіянъ, болѣе 600,000 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, которые тайно умерщвлены или брошены подъ ледъ.

Послѣ великаго пожара, въ теченіе двухъ недѣль, Русскіе не являлись въ свою столицу; посему Нѣмцы и Поляки ничего болѣе не дѣлали, какъ только собирали сокровища; имъ не нужно было ни дорогихъ полотенъ, ни олова, ни мѣди; они брали одни богатыя одежды бархатныя, шелковыя, парчевыя, серебро, золото, жемчугъ, драгоцѣнные каменья; снимали съ образовъ дорогіе оклады; иному Нѣмцу или Поляку досталось отъ 10 до 12 фунтовъ чистаго серебра. Тотъ, кто прежде не имѣлъ ничего, кромѣ окровавленной рубахи, теперь носилъ богатѣй-

шую одежду; на пиво и медъ уже не глядѣли; 1611.
пили только самыя рѣдкія вина, коими изобиловали Русскіе погреба, Рейнское, Венгерское, Малвазію; каждый бралъ, что хотѣлъ. Вскорѣ открылось такое распутство, что Ляпуновъ принужденъ былъ стращать беззаконниковъ своими Казаками. Своевольные солдаты стрѣляли въ Русскихъ жемчужинами, величиною съ добрый бобъ, и проигрывали въ карты дѣтей, отнятыхъ у Бояръ и купцовъ именитыхъ: съ трудомъ возвращали несчастныхъ малютокъ въ объятія родителей. Никто не заботился о сбереженіи съѣстныхъ припасовъ, масла, сыра, рыбы, солода, ржи, хмѣлю, меду, и прочихъ жизненныхъ потребностей, коими за́мокъ могъ бы цѣлые шесть лѣтъ довольствоваться: безумные Поляки все истребили, воображая, что имъ ничего не надобно, кромѣ шелковыхъ одеждъ и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Правда сіи вещи имѣютъ высокое достоинство; однакожь голоднаго не накормятъ; глупцы вскорѣ испытали это: въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, часто не льзя было достать ни за какія деньги ни пива, ни хлѣба. За штофъ пива платили цѣлый флоринъ, за кусокъ свинаго сала 8 флориновъ, за корову 40 флориновъ, хлѣба же почти вовсе не было; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ обнаружился на третьей недѣлѣ послѣ мятежа, когда приведенные Ляпуновымъ Казаки и Москвитяне

1612. овладѣли Бѣлою стѣною (наши не могли удержать ее по малочисленности) и захватили весь провіантъ, сокрытый въ погребахъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара. Наши воины съ величайшею опасностію добывали съѣстные припасы.

Куй желѣзо, пока оно горячо, говоритъ пословица. Въ день Воскресенья Господня сего 1612 года, Москвитяне окружили крѣпость, гдѣ находились Королевскія войска, и начали томить ихъ долговременною осадою; много было работы пастырямъ душевнымъ и врачамъ тѣлеснымъ: нашихъ воиновъ осталось всего навсе 60 человѣкъ. Терзаемые голодомъ, они уже готовы были сдаться: къ счастію покойный Воевода Янъ Петръ Павелъ Сапѣга нашелъ путь чрезъ Бѣлую стѣну и ввелъ въ крѣпость 2000 быковъ. Вскорѣ однакожъ Москвитяне, воспользовавшись его отлучкою за съѣстными припасами, овладѣли Дѣвичьимъ монастыремъ и заградили нашимъ всѣ пути за Бѣлую стѣну, такъ, что никому не возможно было ни вытти изъ крѣпости, ни войти въ нее. Осажденные снова предались унынію—и снова нашли избавителя: по смерти Сапѣги, около Варѳоломеева дня, прибылъ къ нимъ на помощь Польскій Военачальникъ, Карлъ Ходкевичъ, присланный Королемъ въ Москву, съ нѣсколькими тысячами опытныхъ воиновъ.

Боже милосердый! положи предѣлъ сей вой-

нѣ кровопролитной; смягчи сердца упорныхъ 1612.
Египтянъ; да покаются они во грѣхахъ своихъ и да покорятся законному Государю! Внуши, Господи! и Его Величеству Королю Польскому благое намѣреніе спасти воиновъ, столь долго томимыхъ осадою, и даруй Русской землѣ миръ и тишину, во славу Твоего имени, для блага самихъ Россіянъ и всѣхъ иноземцевъ! Да исполнится въ семь же году моленіе мое!

КОНЕЦЪ

Беровой Лѣтописи Московской.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) *Тугапп.* Такъ называютъ Іоанна IV всѣ вообще иноземные современные писатели; потомство отвергло сіе неосновательное прозваніе и, согласно съ характеромъ Іоанна, именуетъ сего Государя *Грознымъ.*

2) *Петрей:* „По смерти безчеловѣчнаго Мучителя (*Іоанна IV, см. пр. 1*), въ Россіи случилось странное событіе: Царь назначилъ опекуномъ своихъ дѣтей Богдана Бѣльскаго (Bogda Bielszki), Вельможу знатнаго, сильнаго, первостепеннаго; но Бѣльскій, задумавъ устранить Царевичей отъ престола и присвоить себѣ достоинство Великаго Князя, собралъ многихъ единомышленниковъ и овладѣлъ Кремлемъ; Бояре и граждане вооружились противъ него: ибо, зная гордость и жестокосердіе сего Вельможи, они опасались вновь испытать всю тягость ужаснаго деспотизма; посему какъ высшія, такъ и низшія сословія, избравъ единодушно Государемъ и Великимъ Княземъ Ѳеодора Іоанновича, осадили крѣпость, навели на нее пушки, палили безъ умолка и побивъ многихъ единоземцевъ, въ крѣпости находив-

шихся, принудили прочихъ злоумышленниковъ выйти изъ оной. Бѣльскій остался какъ ракъ на мели, сдалъ крѣпость своимъ врагамъ и долженъ былъ смириться. Тогда Ѳеодора Іоанновича провозгласили Великимъ Княземъ и 31 Іюня (31 Мая) 1584 года короновали Царскимъ вѣнцемъ въ церкви Пресвятой Богоматери, на 22 году его рожденія." *Muszkowitische Chronica,* стран. 255.

Сіе извѣстіе подтверждаетъ *Лѣтопись о мятежахъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что по словамъ оной, народъ былъ обманутъ молвою о замыслахъ Бѣльскаго совершенно невиннаго. Впрочемъ Ѳеодоръ сослалъ его въ Нижній Новгородъ. *Рус. Лѣтоп. по Никонову списку*, *т. VIII.* 6.

5) *Петрей:* „Ѳеодоръ былъ средняго роста и весьма бѣлъ лицемъ; нрава же благочестиваго и набожнаго; отъ супруги своей, Ирины Ѳеодоровны (Irena Vdovia), онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей (?) мужескаго и женскаго пола, которыя однако всѣ умерли, какъ скоро увидѣли свѣтъ. Вступивъ на престолъ, онъ освободилъ немедленно всѣхъ узниковъ и уничтожилъ многіе налоги, обременявшіе подданныхъ: такъ завѣщалъ ему отецъ на смертномъ одрѣ. Но время было смутное и безпокойное: внутри Государства свирѣпствовали мятежи и бунты; съ Королевствомъ Шведскимъ Россія вела войну; съ Польскимъ

надлежало возобновить перемиріе; дѣла съ прочими Державами требовали также особеннаго благоразумія. Новый Царь былъ вовсе неспособенъ править въ такое время, имѣя умъ самый ограниченный и слабый; притомъ же весьма неохотно занимался дѣлами Государственными и мало радѣлъ о внутреннемъ благоустройствѣ: онъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ молился своимъ иконамъ, или бесѣдовалъ о предметахъ душеспасительныхъ; часто ходилъ въ церкви, иногда самъ трезвонилъ на колокольнѣ, созывая народъ къ обѣднѣ. Отецъ нерѣдко упрекалъ его симъ, говоря, что онъ похожъ болѣе на сына пономарскаго, нежели на Царскаго.“

„Бояре и Князья, созванные имъ для совѣта, какія мѣры надлежало принять къ лучшему управленію Государства, опредѣлили единогласно избрать въ Соправители Ѳеодору шурина его, *Государственнаго* Конюшаго, Бориса Ѳеодоровича Годунова. Сей Вельможа былъ весьма проворенъ, уменъ и проницателенъ; но душу имѣлъ коварную, обманчивую, лукавую, въ полномъ смыслѣ Русскую. Онъ-то погубилъ Россію. Его призвали въ Палату, гдѣ собранъ былъ Совѣтъ, и Ѳеодоръ, вставъ съ своего мѣста, повѣсилъ ему на шею золотую цѣпь, съ сими словами“. . . (*Слѣдуетъ рѣчь, выписанная изъ Бера*). *Muszkow. Chron.* 255—257.

Въ нашихъ Лѣтописяхъ нѣтъ ни слова о семъ происшествіи; въ Государственныхъ актахъ Борисъ назывался Великимъ Ближнимъ Бояриномъ, Великимъ Конюшимъ и Слугою; но Патріархъ Іовъ именуетъ его изряднымъ *Правителемъ*.

4) И наши Лѣтописи и современные писатели иностранные свидѣтельствуютъ единогласно, что никогда въ правленіе Царей, Россія не была такъ счастлива, какъ при Θеодорѣ, подъ властію умнаго Бориса.

5) *Петрей:* „По Русскимъ законамъ и обычаямъ, какъ Великій Князь, такъ и простой гражданинъ имѣетъ право, съ раздозволенія Патріарха и Епископовъ, развестись съ своею женою, если она безплодна, заключить ее въ монастырь и взять за себя другую. Посему Вельможи и граждане Московскіе рѣшились постричь бездѣтную Царицу въ монахини, а для Царя выбрали супругою сестру Вельможи знатнѣйшаго по Государѣ, Князя Θеодора Ивановича Мстиславскаго (*Floro Ivvanowitz Zizlphouschis*). Но Годуновъ искусно устранилъ опасность: онъ тайно убѣдилъ Патріарха, имѣвшаго въ семъ дѣлѣ верховный судъ, не давать Царю согласія на разводъ: ибо, говорилъ Борисъ, если у Царя будутъ дѣти, а

Димитрій, еще свѣжій и здоровый, между тѣмъ подростетъ; то все Государство сдѣлается жертвою возмущеній и кровопролитныхъ междоусобій. Патріархъ согласился съ Годуновымъ, и оба они, дѣйствуя за-одно, кончили дѣло тѣмъ, что невѣсту тайно вывезли изъ дома, постригли въ монахини и заключили въ монастырь, гдѣ она и умерла. Никто не смѣлъ осуждать сего поступка: ибо такъ рѣшилъ Патріархъ, да Борисъ." *Muszkow. Chron.* 258—259.

6) О сей нелѣпой молвѣ упоминаетъ и Авраамій Палицынъ: „Сему же Царевичю Ди„митрію, естествомъ возрастающу, и отъ „ближнихъ си смущаему, за еже не вкупѣ съ „братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и „часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ „и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ „брата си, паче же о семъ Борисѣ. И врази „суще, и ласкатели великимъ бѣдамъ замы„шленицы, въ десятерицу лжи составлива„юще, съ сими подходятъ Вельможъ, пачежъ „сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣ„ху сего низводятъ." *Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря. М. 1784, ст. 2.*

7) *Петрей*: „Борисъ подкупилъ четырехъ дворянъ Димитріевыхъ, далъ имъ серебра и золота, съ обѣщаніемъ наградить ихъ землями и помѣстьями, если они погубятъ

Царевича. Предатели исполнили сіе порученіе такимъ образомъ: однажды ночью зажгли городъ; когда сдѣлалась тревога, они бросились во Дворецъ и разбудили Димитрія, который въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно выходилъ изъ Дворца и смотрѣлъ на пожаръ. Онъ всталъ съ постели; но едва сошелъ съ крыльца, злодѣи бросились къ нему и закололи его длинными ножами, намазанными ядомъ.“

„Жители Углича, потушивъ огонь и узнавъ, что Димитрій былъ умерщвленъ, бросились во Дворецъ и въ яростномъ гнѣвѣ побили всѣхъ почти его служителей, думая отмстить имъ за смерть Царевича. Но Годуновъ не былъ еще симъ доволенъ: казался печальнымъ, сокрушеннымъ и чтобы лучше утаить свое злодѣйство, въ притворномъ гнѣвѣ казнилъ гражданъ Углицкихъ (которые и безъ того потеряли все имущество во время пожара): иныхъ потопилъ, другимъ отсѣкъ головы, нѣкоторыхъ сослалъ въ Сибирь; самъ же плакалъ о Царевичѣ, рыдалъ и вопилъ предъ народомъ, а сердце у него прыгало отъ радости. Въ то же время, желая извѣстить всю Россію о Димитріевой смерти, отправилъ въ Угличъ, вмѣстѣ съ своими клевретами, знатнаго Князя, Василія Ивановича Шуйскаго, бывшаго въ послѣдствіи Царемъ, поручивъ ему удостовѣриться, точно ли Димитрій умерщвленъ, и если сіе

окажется справедливымъ, похоронить его съ Царскою пышностію, а Дворецъ разрушить до основанія, какъ вертепъ злодѣевъ." *Muszkow. Chron.* 262.

8) Происшествія до 1600 года описаны Беромъ по словеснымъ преданіямъ; молва же народная была весьма несправедлива къ Борису Годунову: если вѣрить ей, Борисъ былъ тайною пружиною всего злаго. Но современники, обвиняя сего великаго мужа въ разныхъ преступленіяхъ, нелѣпостію расказовъ обнаруживаютъ очевидное недоброжелательство: говорятъ, что онъ былъ колдунъ, отравилъ Ѳеодора и даже нареченнаго зятя своего, Герцога Датскаго. Пожаръ Московскій принадлежитъ кажется къ сей же категоріи: явный врагъ Годунова, сочинитель Лѣтописи о мятежахъ, говоритъ только, что это было наказаніе Божіе.

9) *Петрей*: „Нѣкоторые думаютъ, что Ѳеодоръ отравленъ Борисомъ." *Muszkow. Chron.* 263.

10) Сказка: еслибы Царь предлагалъ скипетръ Ѳедору Никитичу Романову (въ послѣдствіи Патріарху Филарету) и его братьямъ, то безъ всякаго сомнѣнія о столь важномъ обстоятельствѣ было бы упомянуто въ грамотѣ о избраніи на Царство Ми-

хаила Θеодоровича: но тамъ именно сказано, что Θеодоръ *оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ; а душу свою праведную приказалъ Патріарху Іову, Θедору Никитичу Романову и Борису Годунову.* Соб. Госуд. Грам. I. 602. Впрочемъ Беръ не самъ выдумалъ эту басню: въ Москвѣ дѣйствительно вѣрили, что умирающій Царь наименовалъ своимъ преемникомъ Θеодора Никитича Романова. *См. Карамз. Ист. Госуд. Рос. X. пр.* 370.

11) Петрей говоритъ, что народъ удалился въ столицу и прислалъ оттуда къ монастырю нѣсколько тысячъ малчиковъ. *Muszkow. Chron.* 268.

12) Петрей считаетъ болѣе 200,000 воиновъ, Маржеретъ до 500,000.

13) „Послы видяху такое великое войско и слышаху стрѣльбу, вельми ужасошася, и пріидоша къ Царю, и едва посольство можаху исправити отъ такіе великіе ужасти.“ *Русс. Лѣт. по Ник. спис. VIII.* 38. Петрей присовокупляетъ, что Борисъ заключилъ съ Татарскимъ посломъ мирный договоръ, коимъ обязался *платить* Татарамъ ежегодную *дань. Muszkow. Chron.* 270.

14). Когда свершился обрядъ коронованія, Борисъ вовсе неожиданно воскликнулъ: „Отче

„Патріархъ! Богъ свидѣтель, что никто „въ моемъ Царствѣ не будетъ нищъ или бѣ„денъ! И тряся верхъ своей рубашки, при„молвилъ: сію послѣднюю раздѣлю съ наро„домъ." *Палиц. сказ. о осадѣ Т. м. 7.* Борисъ никогда не измѣнялъ этому правилу.

15) Борисъ намѣревался основать не однѣ школы, но и *Университеты*, какъ видно изъ письма Нѣмецкаго Ученаго Товіи Лонціуса отъ 24 Января 1601 года (*Карамз. Ис. Г. Р. XI. пр. 125*). Что сказать послѣ этого въ похвалу Борису? Мысль его привели въ исполненіе чрезъ полтораста лѣтъ.

16) Петрей присовокупляетъ, что трое изъ нихъ служили съ честію при Дворѣ Шведскаго Короля Карла IX. *Muszkow. Chron.* 272.

Изъ дѣлъ Московскаго Архива видно, что въ Любекъ послано 5 молодыхъ Россіянъ, о коихъ въ Ноябрѣ 1606 года Любскіе Бургомистры писали Царю Василію Шуйскому, что они *непослушливы и поученья не слушали, и что двое изъ нихъ бѣжали, невѣдомо за что.* Въ Англію послано 4 человѣка. *Карамз. Ис. Г. Р. XI, пр. 126.*

17) *Червонцевъ*, говоритъ Петрей. Тогдашній рубль (т. е. 100 денегъ) былъ вѣсомъ

около 15 золотниковъ: слѣдовательно цѣною равнялся червонцу. *Срав. Петрея, стр. 601.*

18) Густавъ принадлежитъ къ числу самыхъ злополучныхъ людей, упоминаемыхъ въ Исторіи: отецъ его Эрикъ XIV былъ низложенъ съ престола родными братьями и отравленъ въ темницѣ; самъ онъ едва не погибъ еще въ колыбели: похититель короны Шведской Іоаннъ велѣлъ утопить двухлѣтняго Принца. Судьба спасла его, но жизнь даровала ему злосчастную: достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ среди безпрерывныхъ опасностей, онъ долго скитался съ матерью изъ одной страны въ другую; наконецъ утѣсняемый бѣдностью, рѣшился искать убѣжища въ Краковѣ, гдѣ царствовалъ сынъ его гонителя, Сигизмундъ, надѣясь найти тамъ помощь у сестры своей Зигриды, бывшей въ числѣ Королевиныхъ Фрейлинъ. Въ одеждѣ нищаго, явился Густавъ въ Краковѣ и нашелъ покровительство у самого Сигизмунда, потому, что не имѣлъ никакихъ замысловъ и своимъ мягкосердечіемъ плѣнилъ сего Короля: безъ содроганія онъ не могъ видѣть даже птицы умирающей. Но милость Короля Польскаго продолжалась не долго: злые клеветники вооружили его противъ неосторожнаго Принца. Густавъ тайно удалился къ Рудольфу и былъ принятъ очень милостиво за рѣдкія познанія, особенно въ

любимой Императоромъ наукѣ — Алхиміи, такъ, что онъ заслужилъ имя втораго Ѳеофраста Парацельса. Вскорѣ однако, разстроивъ душевныя и тѣлесныя силы безпрерывнымъ ученіемъ, наиболѣе же химическими опытами, онъ оставилъ Императора, нѣсколько времени странствовалъ въ Европѣ, питаясь отчасти милостынею, отчасти продажею химическихъ запасовъ; наконецъ въ 1598 году прибылъ въ Торнъ, гдѣ получилъ отъ Годунова приглашеніе поселиться въ Россіи: Царь звалъ его къ себѣ не для того, чтобы женить на своей дочери: ему хотѣлось овладѣть Ливоніею, Густавъ же, какъ второй Магнусъ, по замѣчанію Карамзина, могъ служить орудіемъ его Политики. О пребываніи Принца въ Россіи Петрей разсказываетъ слѣдующія обстоятельства, отчасти несогласныя съ извѣстіями Бера: „Въ 1599 году Борисъ отправилъ двухъ пословъ—одного въ Прусскій городъ Торнъ, а другаго въ Лифляндскій—Ригу, съ богатыми дарами къ сыну Шведскаго Короля Эрика XIV, Густаву; послы, въ слѣдствіе Царской воли, объявили сему Принцу, что пора ему прекратить странствованія по бѣлому свѣту въ нищетѣ и бѣдствіи; убѣждали его пожаловать въ Россію, гдѣ онъ найдетъ въ Царѣ не Государя, а отца, получитъ Царское содержаніе; а если ему не понравится пребываніе въ Москвѣ, то всегда будетъ во-

ленъ выѣхать со всѣми слугами, со всѣмъ имуществомъ, куда ни пожелаетъ. Вмѣстѣ съ симъ, послы вручили Принцу опасную грамоту (Geleits-Brieff), которую онъ, при отъѣздѣ въ Москву, отдалъ для сохраненія одному знатному Рижскому гражданину."

„Густавъ, пріѣхавъ въ Россію безъ сей грамоты, принятъ былъ какъ не льзя лучше: до самой Москвы его угощали по Царски. Борисъ подарилъ какъ ему, такъ и свитѣ его, нѣсколько сотъ червонцевъ, множество всякаго рода дорогихъ матерій для платья, шелковыхъ, бархатныхъ, атласныхъ, камчатныхъ, парчевыхъ, всякаго сорта мѣховъ собольихъ, куньихъ, рысьихъ, лисьихъ, также верховыхъ коней съ сбруею, и сверхъ того весь приборъ для Княжескаго стола. Эта милость продолжалась два года; наконецъ Борисъ предложилъ Густаву принять Русскую вѣру, обѣщая не только выдать за него свою дочь, но и пособить ему овладѣть Шведскимъ престоломъ: добрый Принцъ на сіе отвѣчалъ, что онъ скорѣе согласится навсегда потерять свободу и умереть самою злою смертію, нежели для жены измѣнить своей Религіи и погубить любезное Отечество; въ слѣдъ за симъ, Густавъ просилъ дозволенія выѣхать изъ Россіи, ссылаясь на опасную грамоту; съ нимъ начали поступать совсѣмъ не такъ, какъ прежде; содержаніе уменьшалось день ото дня. Между

тѣмъ Царь, подкупивъ служителя его Іакова Шульша, родомъ изъ Кенигсберга, досталъ чрезъ него тайно Принцеву печать, и написалъ отъ имени Густава письмо къ Рижскому гражданину съ требованіемъ прислать опасную грамоту немедленно; тотъ, увидѣвъ на письмѣ Принцеву печать, исполнилъ приказаніе. Имѣя въ рукахъ опасную грамоту, Борисъ думалъ, что Густавъ не посмѣетъ упорствовать въ отказѣ перемѣнить свою вѣру; но вышло совсѣмъ не то: Принцъ объявилъ, что „Государи и Князья должны имѣть, по изрѣченію Балдуса, одно перо, одинъ языкъ; ибо сказано въ Писаніи, не нарушу глагола устъ моихъ." Симъ хотѣлъ онъ объяснить, что слово Царское должно быть неизмѣнно; но не могъ тронуть Повелителя *варваровъ*. И такъ онъ впалъ въ жестокую горесть; проводилъ все время въ занятіяхъ науками и Алхиміею; ослабѣлъ въ умственныхъ способностяхъ; не держалъ языка на привязи и часто, разгоряченный виномъ, говорилъ иногда въ шутку, иногда и въ правду, дерзко противъ Бориса. Такъ случилось ему однажды сказать для шутки Царскому Медику: „Если Царь меня не отпуститъ, какъ онъ обѣщалъ и клялся, то „я зажгу Москву и дамъ тягу." На другой день Медикъ донесъ объ этомъ Думному Боярину Семену Никитичу, а сей въ ту же минуту Государю: Борисъ такъ разгнѣвался,

что немедленно велѣлъ знатному Вельможѣ Степану Васильевичу отобрать у Принца все серебро, посуду, платья, прежде подаренныя, приставилъ къ нему крѣпкій караулъ, и нѣсколько дней морилъ его голодомъ и жаждою. Скоро однакожъ смягчился: далъ Густаву Княжество Углицкое, но съ тѣмъ, чтобы Русскіе Сановники, посланные для присмотра за нимъ, управляли этою областью и собирали доходы, а Принцу давали бы только необходимое для содержанія его съ служителями; тамъ жилъ онъ до самой смерти Борисовой. Потомъ Гришка Отрепьевъ, первый Лжедимитрій, сослалъ его въ Ярославль, гдѣ онъ содержался какъ плѣнникъ, единственно за то, что болѣе преданъ былъ Карлу IX, Королю Шведскому, нежели Сигизмунду III, Королю Польскому."

„По смерти Отрепьева, Царь Василій Ивановичъ Шуйскій отправилъ Принца въ Кашинъ: тамъ было ему нѣсколько лучше, относительно пищи и другихъ жизненныхъ потребностей. Тамъ онъ и умеръ въ 1607 году; похороненъ же за городомъ въ прекрасной березовой рощѣ, гдѣ не только я, но и Шведскій Полководецъ Делагарди, и многія другія особы видѣли своими глазами его могилу; посему несправедливо извѣстіе Мартина Бера (Bär), который пишетъ, что онъ самъ погребалъ Густава въ монастырѣ *Димитрія Солунскаго* (Mitrofzolonski) и полу-

чилъ за сіе 20 рублей въ награду *), ибо Россіяне никакъ не дозволятъ хоронить въ своемъ храмѣ, монастырѣ, или на кладбищѣ какого нибудь иновѣрца, ни знатнаго, ни не знатнаго."

„Не успѣвъ склонить Густава поднять оружіе на свое Отечество, Борисъ условился съ нѣсколькими иноземцами овладѣть Нарвою нечаянно посредствомъ коварства и отнять ее у Швеціи. Главнымъ начальникомъ заговора былъ Конрадъ Бусъ; но умыселъ не удался: заговорщики были пойманы, обезглавлены и колесованы: за сію достойную награду, имъ надлежало благодарить вѣроломнаго своего руководителя." *Muszkow. Chron.* 272—277.

19) Петрей называетъ его Христофоръ Ритингъ, родомъ изъ Венгріи, и говоритъ, что сей Докторъ былъ Архіатеромъ, т. е. самымъ главнымъ. 253.

20) Никто изъ Царей не былъ усерднѣе Бориса къ Православію: Іоаннъ похороненъ въ Лютеранской церкви единственно потому, что онъ былъ Лютеранинъ. „Сія Божница выстроена по просьбѣ Густава, Принца Шведскаго, который далъ вкладу 100 тале-

---

*) Въ моемъ спискѣ Беровой Лѣтописи объ этомъ ничего не сказано.

ровъ; каждый изъ пяти врачей Нѣмецкихъ внесъ по 40 талеровъ; прочіе Нѣмцы жертвовали по соразмѣрности съ своими окладами.“ *Петрей*, 253.

21) „Умный Борисъ, говоритъ Карамзинъ, не могъ дозволить себѣ такого дѣла.“ Впрочемъ достовѣрно, что Годуновъ ненавидѣлъ *Турскаго Магметъ Салтана* и старался вооружить противъ него всю Европу.

22) Ливонія (т. е. нынѣшняя Лифляндія, Эстляндія и Курляндія) въ древнѣйшія времена зависѣла отъ Русскихъ Князей. Въ началѣ 13 столѣтія присвоилъ ее Орденъ Меченосцевъ. Іоаннъ IV, пользуясь слабостью сего Ордена, рѣшился овладѣть Ливоніею, какъ древнею собственностію Россіи: Меченосцы не могли сопротивляться ему и искали покровительства у Державъ сосѣдственныхъ: 1561 года Эстляндія признала надъ собою власть Швеціи, а Лифляндія покорилась Королю Польскому, который принялъ подъ свое покровительство и Курляндію, вмѣстѣ съ Семигаліею. Съ тѣхъ поръ возгорѣлась за сію страну между тремя Державами, Россіею, Швеціею и Польшею, кровопролитная война, прекратившаяся уже въ половинѣ XVII столѣтія Оливскимъ миромъ.

23) Печоры нынѣ безъуѣздный городъ

съ 943 жителями, въ 58 верстахъ отъ Пскова.

24) 50 рублей тогдашнихъ составятъ нынѣ около 600 рублей сереб. Въ четверти считалось 1,200 квад. саженъ доброй земли; 800 четвертей составляли *соху* (400 десятинъ). *Карамз. И. Г. Р. Х.* 259.

25) Петрей присовокупляетъ, что Любскіе и Ганзейскіе послы поднесли Борису 20 вызолоченныхъ покаловъ, красивое, весьма искусно сдѣланное, также вызолоченное изображеніе корабля, со всѣмъ приборомъ, и двуглаваго орла, наполненнаго Венгерскими червонцами и розеноблями (монета въ 2 червонца); что Царь всѣмъ городамъ Ганзейскимъ даровалъ свободу торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ, дозволилъ купцамъ ихъ приходить въ Россію и выходить изъ оной безъ всякаго препятствія; и что подобное право получили Англичане и Голландцы, кои могли свободно купечествовать въ Холмогорахъ, Вологдѣ и Москвѣ, гдѣ находились ихъ конторы. *Muszkow. Chron.* 283. Но это ложно: извѣстіе Бера подтверждается не только бумагами нашего Архива, но и хроникою Ганзейскою (см. Wagner's Geschichte d. Europäischen Norden, ч. VIII. стр. 22 — 40): т. е. однимъ только Любчанамъ даровано было право платить половинную пошлину предъ всѣми иноземцами; съ Ганзою же Борисъ не

хотѣлъ имѣть никакого дѣла, во 1) потому, что многіе города Ганзейскіе находились подъ властію разныхъ владѣтелей, во 2), что они не прислали пословъ особенныхъ. Въ слѣдствіе сего Любскимъ посламъ было объявлено, что Государь Ганзы вовсе не знаетъ.

26) Такъ говоритъ о Борисѣ Патріархъ Іовъ: „Сей же изрядный Правитель, Борисъ „Ѳеодоровичъ, своимъ бодроопаснымъ прави-„тельствомъ и прилежнымъ попеченіемъ, по „Царскому изволенію, многіе грады каменны „созда . . . . . и самый царствующій богоспа-„саемый градъ Москву, яко нѣкую невѣсту, „преизрядною лѣпотою украси, многія убо „въ немъ прекрасныя церкви каменны созда „и великія палаты устрои. . . . . . и стѣны „градныя окрестъ всея Москвы превелики „каменны созда и величества ради и красо-„ты, проименова его Царь-градъ“ (*Русс. Лѣт. по Ник. сп. VII.* 328). Это случилось еще при жизни Ѳеодора. Въ послѣдствіи, вступивъ на престолъ, Борисъ воздвигнулъ въ 1600 году колокольню Ивана Великаго.

По словамъ очевидцевъ, древняя стѣна, выведенная Борисомъ около Смоленска, имѣетъ 25 футовъ въ вышину, 18 фут. въ толщину, 5000 тоазовъ въ окружности (Сегюра *Hist. de la grande armée*).

Борисовъ на Донцѣ, по словамъ Карамзина, основанъ въ 1600 году, а Царевъ-Борисовъ

на устьѣ Протвы, около того же времени (*Ист. Гос. Рос. X. пр. 439*).

27) Поссевин, бывшій въ Россіи въ 1582 году, говоритъ, что Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій былъ весьма жалуемъ Іоанномъ, находился при Дворѣ неотлучно 13 лѣтъ и спалъ въ Царской спальнѣ (*Moscovia A. Possevini, p. 27.*). Предъ смертію Грозный назначилъ его опекуномъ несчастнаго Царевича Димитрія. Бѣльскій въ свое время былъ то же, что Малюта Скуратовъ.

28) Нашъ Лѣтописецъ оправдываетъ Бѣльскаго, говоря, что онъ былъ человѣкъ добродѣтельный, и что Борисъ велѣлъ его *позорити многими позоры*, единственно за любовь къ нему народную. *Русс. Лѣтоп. по Никон. сп. VIII. 47.*

29) Т. е. Беръ вѣритъ клеветѣ, которою подозрительный Борисъ хотѣлъ очернить добродѣтельную фамилію Романовыхъ. Не только наши Лѣтописцы, но и Маржеретъ —иностранецъ, служившій Годунову, совершенно оправдываетъ сей родъ знаменитый. Онъ говоритъ: „Съ 1600 года, когда разне„слась молва о Димитріи Іоанновичѣ, Борисъ „занимался ежедневно только истязаніями и „пытками: рабъ, клеветавшій на своего госпо„дина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, по-

„лучалъ отъ Царя награжденіе, а господина „его, или главнаго изъ служителей дома под„вергали пыткѣ, дабы исторгнуть признаніе „въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не „слыхали и не видали.“ (*Состояніе Рос. Державы въ началѣ XVII вѣка. Рус. перев. стр.* 77).

Карамзинъ приводитъ несомнѣнныя доказательства, что Бояре, угождая Царю, старались самыми нелѣпыми выдумками очернить Романовыхъ. *Ист. Гос. Р. XI.* 99—107. Борисъ излилъ на нихъ злобу въ 1601 году: Θедоръ Никитичъ Романовъ, возведенный прежде самимъ же Годуновымъ въ достоинство Боярина, былъ пострижень, названъ Филаретомъ и сосланъ въ Сійскую Антоніеву обитель; супруга его Ксенія Ивановна, также постриженная и названная Марθою, отправлена въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; теща Θедорова — въ Чебоксары. Александръ Никитичъ, бывшій Бояриномъ, сосланъ къ Бѣлому морю; Михайло Никитичъ, Окольничій, въ Великую Пермь; Иванъ Никитичъ въ Пелымъ; Василій въ Яренскъ; зять ихъ, Князь Борисъ Черкасскій съ женою и дѣтьми ея брата Θеодора Никитича, шестилѣтнимъ *Михаиломъ* и съ юною дочерью, на Бѣлоозеро. Всѣ невинные родственники ихъ были также гонимы безъ всякой пощады. Василій, Александръ и Михайло Никитичи умерли въ темницахъ; Иванъ Никитичъ призванъ снова въ Москву.

Филаретъ по волѣ Годунова посвященъ въ Архимандриты; а сынъ его *Михаилъ* получилъ дозволеніе жить вмѣстѣ съ матерью въ отчинѣ своей, селѣ Клинѣ.

Лжедимитрій, овладѣвъ престоломъ, вызвалъ Филарета, мнимаго родственника, изъ Сійской пустыни, и далъ ему санъ Митрополита Ростовскаго; съ того времени Инокиня Мароа и юный *Михаилъ* жили до 1613 года, въ Эпархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Св. Ипатія. *Карамз. И. Г. Р. XI.* 215.

30) Петрей приводитъ слова сего легкомысленнаго поэта такимъ образомъ:

Hoc solum Monachus nimirum Daemone distat,
Quod quicquid vafer hic suggerit, ille facit,
At si juncta dolis anus adjuvet, et colat astu,
Audebant Erebi depopulare domum.

31) *Петрей:* „Борисъ правилъ Государствомъ до тѣхъ поръ, когда явился отчаянный Монахъ, который назвалъ себя Царевичемъ Димитріемъ, вырвалъ скипетръ изъ рукъ Годунова и заставилъ его съ родственниками и друзьями испытать то же самое, что онъ сдѣлалъ съ Царскимъ поколѣніемъ. Этотъ монахъ былъ Гришка Отрепьевъ (Griska Utrepeia), сынъ простаго дворянина, родомъ изъ Ярославля. Въ юности онъ велъ жизнь самую распутную и могъ служить

образцемъ для всѣхъ негодяевъ. Родители посадили его въ Крыпецкій монастырь (*Trinoika*), думая, что тамъ, среди суровыхъ Иноковъ, онъ перестанетъ непотребствовать и привыкнетъ къ благочестивой жизни; но Гришкѣ монастырскій хлѣбъ былъ весьма невкусенъ. Имѣя лукавый и проницательный умъ, онъ скоро подружился съ однимъ хитрымъ Монахомъ, Борисовымъ недоброжелателемъ. Этотъ Монахъ предугадывалъ, что Гришка рожденъ къ чему-то необыкновенному: ибо онъ походилъ на убіеннаго Царевича Димитрія нѣкоторыми признаками на носу и на правой рукѣ; впрочемъ имѣлъ смуглое лице, густые черные волосы, средній ростъ и плотное тѣлосложеніе. Монахъ познакомилъ его съ Русскими Лѣтописями и научилъ разнымъ плутнямъ, тѣмъ удобнѣе, что самъ былъ чернокнижникъ, а пріятель понималъ его наставленія весьма быстро. Потомъ оба они оставили Россію и пришли въ Княжество Кіевское; между тѣмъ злой Инокъ объяснилъ ему, въ какомъ положеніи были дѣла Государственныя, какъ ненавидѣли Царя Вельможи и что̀ надлежало предпринять для исполненія ихъ замысла: по совѣту его, Гришка долженъ былъ явиться къ Князю Адаму Вишневецкому" .... (*Далѣе изъ Бера*). *Muszkow. Chron.* 284—285.

Въ извѣстіяхъ Петрея и Бера о Самозванцѣ находится важное разнорѣчіе: первый

признаетъ его Отрепьевымъ, а второй Полякомъ, побочнымъ сыномъ Стефана Баторія; Отрепьевъ же, по мнѣнію Бера, былъ только руководителемъ Самозванца.

32) Петрей, разсказывая то же самое, не согласенъ съ Беромъ въ главномъ обстоятельствѣ: Отрепьевъ остался у Вишневецкаго, а злой чернокнижникъ возвратился въ Россію и взбунтовалъ Донскихъ Казаковъ.

33) Петрей прибавляетъ, что Самозванецъ довольно долго исправлялъ должность Камердинера; между тѣмъ учился владѣть конемъ и мечемъ, скакалъ, стрѣлялъ, билъ, рубилъ; участвовалъ въ играхъ воинскихъ и выжидалъ случая объясниться съ своимъ господиномъ. *Muszkow. Chran.* 287.

34) Княжество Висніовецъ находилось въ Подоліи; Бѣлорусскихъ Князей никогда не было.

35) Это помѣстье было Брагинъ, по извѣстію нашихъ Лѣтописей.

36) *Петрей:* „Воевода Сендомирскій, съ согласія Іезуитовъ, обѣщалъ Самозванцу склонить Короля Польскаго, Папу и другихъ Вѣнценосцевъ къ содѣйствію ему людьми, деньгами, всѣми средствами, овладѣть праро-

дительскимъ престоломъ и низложить Бориса, если только онъ обяжется уничтожить въ Россiи старинную вѣру. Самозванецъ, изъявивъ согласiе искоренить Греческую вѣру и ввести Католическую, далъ слово жениться на дочери Воеводы Сендомирскаго. Iезуиты радовались отъ всей души и тотчасъ дали ему двухъ учителей, которые вскорѣ сдѣлали его настоящимъ Католикомъ. Послѣ сего представленный Воеводою Королю Польскому, онъ принятъ былъ весьма ласково и получилъ дозволенiе набирать въ Польшѣ людей военныхъ. Многiе знатные Паны, вмѣстѣ съ обоими Воеводами, употребили всѣ силы, даже заложили свои помѣстья, чтобы доставить Самозванцу средства къ походу, и сами съ нимъ отправились. *Muszkow. Chron.* 291—292.

37) Окольничiй Степанъ Степановичъ Годуновъ былъ троюродный братъ Борису.

38) Кадь, бочка, или оковъ содержали въ себѣ 4 четверти; до 1601 года продавали хлѣбъ единственно бочками, четвертями и осьминами; а съ того времени безпримѣрная дороговизна ввела новую мѣру *четверика*. (*Ис. Г. Р. III пр. 8*) Карамзинъ выводитъ, что четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до 15 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ; по словамъ Петрея, бочка ржи,

стоившая прежде 12 грошей, продавалась по 19 талеровъ. *Muszkow. Chron. 293.*

39) *Петрей:* „Я видѣлъ въ Москвѣ бѣдную, истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ рученки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ. Народъ едва могъ силою отнять младенца и спасти его.“ *Muszkow. Chron. 292.*

40) Петрей говоритъ, что каждый получалъ по 3 гроша и что такимъ образомъ раздавалось ежедневно по 30,000 талеровъ, доколѣ дороговизна не уменьшилась. 293.

41) Справедливѣе *Убогій домъ.* Скудельницы или Убогіе домы учреждены въ Россіи по примѣру бывшаго въ Іерусалимѣ *Села Скудельнича.* На сихъ кладбищахъ погребали бѣдныхъ людей, странниковъ, также самоубійцъ и вообще погибшихъ насильственною смертію. Въ Москвѣ былъ не одинъ Убогій домъ: главный, кажется, находился тамъ, гдѣ нынѣ Убожедомскій Покровскій Монастырь. Сверхъ того были Скудельницы или Убогіе домы близъ церкви Іоанна Воина, близъ Варсонофьевскаго монастыря, въ Марьиной рощѣ, у Нѣмецкаго кладбища и проч.

См. Труды Общ. Истор. и Др. Рос. часть III. кн. 1.

42) По сказанію Авраамія Палицына, въ 2 года и 4 мѣсяца, схоронено въ трехъ Скудельницахъ 127,000 труповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось болѣе 400. *Сказ. о осадѣ Троиц. мон. 11.*

43) „Извѣстіе конечно несправедливое, говоритъ Карамзинъ, ибо наши Государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ къ Ивану-городу Нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ.“ *И. Г. Р. XI. 116.*

44) Авраамій Палицынъ свидѣтельствуетъ, что „послѣ, во время смятеній, обрѣтеся безчисленно расхищаемо всякаго хлѣба, и давныя житницы неистощены, и въ поляхъ скирды стояху: гумна же пренаполнены одоней, и копенъ, и зародовъ, и до 40 лѣтъ, оттолѣ же смятеніе бысть во всей Русской землѣ, и питахуся вси старыми труды, такоже и убивающихъ ихъ питаху (*Сказ. о ос. Т. м.* 11).“ Карамзинъ вѣритъ словамъ Бера; но едва ли не справедливо замѣчено въ Сѣверномъ Архивѣ (ч. 14), что изъ скирдовъ, поросшихъ деревьями, невозможно молотить

хлѣба: ибо деревья иначе не могутъ расти, какъ на твердомъ и плотномъ веществѣ, составляющемъ одну массу. — Впрочемъ дознано опытомъ, что хлѣбъ въ скирдахъ можетъ лежать до 40 лѣтъ безъ поврежденія.

45) Въ сіе время, по извѣстію нашей Лѣтописи, свирѣпствовалъ злодѣй Хлопко, который подъ самою Москвою сразился съ Царскимъ Воеводою Иваномъ Ѳеодоровичемъ Басмановымъ и убилъ его. *Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII-53.*

46) Авторъ не признаетъ сего Самозванца Царевичемъ и при всемъ томъ называетъ его Димитріемъ, вѣроятно для избѣжанія повтореній. Переводчикъ не счелъ нужнымъ безпрестанно повторять слово *Самозванецъ*: ибо всякій увѣренъ, что мнимый Димитрій былъ обманщикъ. То же должно разумѣть и о Тушинскомъ Ворѣ, или Царикѣ, котораго Беръ называетъ Димитріемъ II.

47) Маржеретъ, служившій тогда въ Царскомъ войскѣ, говоритъ, что у Мстиславскаго было отъ 40 до 50,000 ратниковъ (*Сост. Рос. Держ. въ нач. XVII вѣка, 79*).

48) *Петрей*: „Главный Воевода получилъ 15 ранъ; 2,000 Москвитянъ пало на мѣстѣ; рать Борисова навѣрное потеряла бы еще

болѣе, если бы Шведскій Капитанъ Лоренцъ Біугге не подоспѣлъ на помощь Басманову съ 600 иноземцевъ и не зажегъ Димитріева лагеря." *Muszkow. Chron* 299.

49) Т. е. 100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, говоритъ Карамзинъ (XI. пр. 278); но такой расчетъ не вѣренъ: если даже принять, что тогдашній рубль заключалъ 5 рублей серебр., какъ думаетъ Исторіографъ, то 2,000 составитъ только 10,000 рублей серебр. Основываясь на вышеизложенномъ расчетѣ (см. пр. 17), мы думаемъ, что Басманову дано 8,000 рублей серебр.

50) *Петрей* присовокупляетъ: „Узнавъ о побѣдѣ при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, Борисъ отправилъ въ свой лагерь знатнаго Боярина Василія Михайловича Мосальскаго, съ 80,000 талеровъ, для раздачи въ награду вѣрному войску; но Мосальскій не нашелъ дороги въ станъ Борисовъ и привезъ деньги въ лагерь Димитріевъ; Самозванецъ вышелъ къ нему на встрѣчу со крестомъ, знаменами, при звукѣ трубъ, съ барабаннымъ боемъ, и сдѣлалъ его своимъ Маршалкомъ; всѣ деньги были розданы Казакамъ; Поляки же, не получивъ ни гроша, отказались служить Димитрію; посему оба Воеводы Сендомирскій и Кіевскій (*Вишневецкій*) отправились на ро-

дину добывать денегъ и взяли съ собою 2,000 Поляковъ." *Muszkow. Chron. 300.*

51) Нынѣ село Добрунь на рѣкѣ Сѣвѣ, недалеко отъ Сѣвска.

52) Безъ сомнѣнія, ни одному Русскому не приходила въ голову мысль столь нелѣпая.

Петрей расказываетъ слѣдующія подробности о Добрынской битвѣ: „Послѣ сраженія при Новѣгородѣ Сѣверскомъ, Разстрига отступилъ на нѣсколько миль къ той сторонѣ, гдѣ находились города, прежде имъ покоренные; Москвитяне преслѣдовали его до деревни Добрыничи; далѣе же итти не смѣли, ибо не знали, какъ сильно войско непріятельское, и остановились лагеремъ въ трехъ миляхъ отъ сей деревни, въ густомъ лѣсу; между тѣмъ 7,000 ратниковъ отправились въ окрестности, съ намѣреніемъ ограбить жителей и достать овса, сѣна и съѣстныхъ припасовъ; но едва отошли съ милю отъ лагеря, наткнулись на Польскій эскадронъ, который ударилъ на нихъ стремительно и положилъ на мѣстѣ до 4,000; прочіе опромѣтью побѣжали въ лагерь и такой ужасъ навели на главное войско, что оно на другой день укрѣпило свой станъ огромными деревьями (*гуляемъ?*). Воеводы Московскіе однако ободрились, и на третій

день выслали 12,000 отборнѣйшихъ воиновъ, узнать, что дѣлаетъ непріятель и гдѣ его лагерь. Когда сей отрядъ открылъ враговъ, Самозванецъ бодро вышелъ къ нему на встрѣчу; завязалась перестрѣлка, однако не надолго — ночь прекратила битву — и обѣ стороны возвратились въ свои лагери. Въ этомъ дѣлѣ Россіяне потеряли 200 человѣкъ убитыми и 100 плѣнными; сами же захватили одного Поляка, привели его въ лагерь и отъ радости не знали, что дѣлать: прыгали, плясали, какъ будто одержали знаменитую побѣду.“

„Воеводы начали допрашивать плѣннаго; онъ былъ пьянъ, требовалъ вина и пива и только тогда соглашался дать вѣрныя свѣдѣнія. Раздраженные Воеводы приказали его пытать; но ничего не могли вывѣдать: плѣнникъ испустилъ духъ отъ ударовъ; трупъ его обнажили и повѣсили среди лагеря на высокой ели.“

„Не успѣвъ узнать о силахъ непріятельскихъ, Московскіе Воеводы весьма безпокоились и не знали, что дѣлать: идти ли впередъ или отступить; наконецъ послѣ многихъ совѣщаній ободрились: строго приказали всему войску готовиться къ битвѣ и на другой день, рано поутру, выступили изъ лѣса на ровное поле со всѣми силами, состоявшими болѣе, нежели изъ 200,000 человѣкъ. Гришка не долго медлилъ, вышелъ врагамъ

на встрѣчу, ударилъ отважно и обратилъ ихъ въ бѣгство. Но иноземная Борисова дружина храбро напала на Димитріевыхъ воиновъ, стрѣлявшихъ изъ пушекъ, побила ихъ и овладѣла орудіями. Москвитяне, коимъ дорога въ лагерь была уже отрѣзана, замѣтивъ успѣхъ иноземцевъ, соединились съ ними и снова начали сражаться: враги не устояли; ихъ преслѣдовали цѣлыя три мили съ такою яростію и быстротою, что не многіе уцѣлѣли. Самому Димитрію, казалось, не льзя было избѣжать смерти или плѣна: раненый въ ногу конь едва могъ нести его; но сами Русскіе Воеводы, не доброхотствуя Великому Князю, спасли Самозванца: они посылали къ войску гонца за гонцемъ съ приказаніемъ прекратить сѣчу и унять безполезное кровопролитіе: ибо, говорили они, дѣло сдѣлано: *попался курб во щи.* И такъ войско возвратилось въ лагерь. Сраженіе Добрынское случилось 20 Января 1605 года. Гришка потерялъ 8000 человѣкъ, со всѣми литаврами и орудіями. Борисъ лишился 500 Россіянъ и 25 иноземцевъ." *Muszk. Chr. 500—502.*

И Беръ и Петрей приписываютъ славу побѣды иноземной дружинѣ; но это ложно: Маржеретъ, который съ Розеномъ, по извѣстію Бера, спасъ Москвитянъ, признается откровенно, что иноземцы бѣжали вмѣстѣ съ прочими, и что не они, а Русскіе

воины, вырвали побѣду изъ рукъ Самозванца. (*Сост. Рос. Держ. во нач. XVII вѣка, 81*).

53) Около Сѣвска.

54) Петрей присовокупляетъ, что Корела былъ страшный волшебникъ и много пособлялъ Димитрію своимъ чародѣйствомъ! *Muszkow. Chron. 301.*

55) По свидѣтельству Маржерета и нашихъ Лѣтописей, въ товарищи Мстиславскому назначенъ былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій. К. Катыревъ-Ростовскій посланъ уже въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ Басмановымъ.

56) *Петрей:* „Иноземцы хотѣли взять сей городъ (*Кромы*) приступомъ; но Русскіе Военачальники удержали ихъ, объявивъ, что Великій Князь не хочетъ кровопролитія и желаетъ принудить осажденныхъ къ покорности голодомъ. Осада продолжалась болѣе 2 мѣсяцевъ. Въ Царскомъ лагерѣ между тѣмъ носилась молва, что Борисъ отправилъ пословъ къ Императору Римскому и Королю Датскому, жаловался имъ на вѣроломство Поляковъ, на измѣну своихъ подданныхъ, и просилъ прислать ему вспомогательное войско.“ *Muszkow. Chron. 301.*

57) *Петрей:* „Нѣкоторые думаютъ, что Борисъ самъ принялъ ядъ, а другіе полагаютъ, что онъ отравленъ.“ *Muszk. Chron. 306.*

Смерть Годунова, кажется, навсегда останется загадкою; по крайней мѣрѣ онъ не могъ быть самоубійцею, еще имѣя всѣ средства сокрушить Самозванца.

58) *Петрей:* „По смерти Борисовой, Москвитяне присягнули сыну его Ѳеодору; въ Кромской же лагерь посланъ былъ Петръ Басмановъ съ порученіемъ привести всѣхъ воиновъ къ присягѣ юному Государю. Но какъ главный Полководецъ Мстиславскій отозванъ былъ въ Москву для вспомоществованія Ѳеодору въ правленіи и Басмановъ принялъ начальство надъ войскомъ; то прочіе Воеводы весьма оскорбились и не хотѣли ему повиноваться; открылся раздоръ: когда одинъ желалъ битвы, другой шелъ восвояси; каждый помышлялъ только о томъ, чтобы захватить въ свои руки силу, богатство, самое правленіе, надѣясь воспользоваться смутными обстоятельствами. Воины слѣдовали ихъ примѣру, взбунтовались и раздѣлились на двѣ партіи. Преданные Годуновымъ поклялись въ вѣрности юному Царю и расположились съ орудіями на одной сторонѣ близъ города; недоброхоты же Борисову племени собрались на другой сторонѣ, ночью послали Казакамъ съѣстные припасы, убѣж-

дали ихъ быть твердыми и назначили часъ, когда надлежало сдѣлать вылазку, обѣщая въ то же время напасть на приверженцевъ Годунова съ противоположной стороны; такъ и случилось: измѣнники соединились съ Казаками, и восклицая: „да здравствуетъ Димитрій!" въ числѣ 150,000 ударили на вѣрныхъ Царю, кричавшихъ: „да здравствуетъ Θеодоръ!" выбили ихъ изъ лагеря, отняли орудія, многихъ побили, многихъ ранили и взяли въ плѣнъ двухъ знатныхъ Воеводъ Ивана Ивановича Годунова и Михаила Глѣбовича (Klebawitz) Салтыкова; остальные ратники бѣжали въ Москву. *Muszk. Chr. 306—307.*

59) Самозванецъ прислалъ въ Красное село дворянъ Пушкина и Плещеева.

60) *Петрей*: „Красносельцы, съ почтеніемъ принявъ посланнаго Димитріемъ, отправились толпами въ столицу, пришли на площадь и созвали гражданъ Московскихъ, коимъ гонецъ долженъ былъ также прочесть грамоту Самозванцеву. Послѣ сего Москвитяне явились къ Князю Василію Шуйскому съ просьбою сказать имъ откровенно, точно ли Димитрій Царевичъ убіенъ въ Угличѣ и его ли хоронилъ Шуйскій? Князь отвѣчалъ, что Димитрій спасся отъ сѣтей Годунова, что онъ живъ и теперь находится въ Тулѣ съ своимъ войскомъ; а въ Угличѣ,

вмѣсто его, убитъ сынъ Поповскій. Услышавъ сіе, народъ сказалъ, что свидѣтельство Шуйскаго, преданность Бояръ и всего войска доказываетъ неоспоримое право Димитрія на Русскій престолъ.... (*далѣе изъ Бера*). *Muszk. Chr. 310.* Петрей, кажется баснословитъ: если бы дѣйствительно спрашивали Шуйскаго, Беръ не умолчалъ бы о столь важномъ обстоятельствѣ.

61) *Петрей*: „Лжедимитрій, размышляя, что ему трудно будетъ исполнить свои преступные замыслы, если останется живъ юный Царь, который можетъ со временемъ лишить его престола, отправилъ въ Москву чиновника (Schreiber) Ивана Богданова, съ повелѣніемъ тайно умертвить Ѳеодора и мать его, а въ народѣ разгласить, что они сами себя отравили; сестру же Царскую приказалъ держать подъ стражею до своего прибытія. Богдановъ въ точности исполнилъ сіе порученіе: удавивъ Царя и Царицу въ ихъ комнатѣ, распустилъ молву, что они сами приняли ядъ; эта молва несправедлива: они погибли насильственною смертію, въ чемъ свидѣтельствовали знаки удавленія, которые я видѣлъ собственными глазами на ихъ трупахъ." *Muszk. Chr. 314.* Цареубійцами, по извѣстію нашихъ Лѣтописей, были Князья Голицынъ и Мосальскій. „Они взя съ собою Михалка Молчанова, да Андрея Шелеѳединова, да

„3 человѣкъ стрѣльцовъ, и поиде на старый „Царя Борисовъ дворъ, гдѣ сидятъ Царица „и Царевичъ за приставы, и внидоша въ храмину, гдѣ они сидѣша. Царевичъ же съ Царевною сидяще, аки агни несквериые, ждуще себѣ заклатія.... Тѣ же стрѣльцы убоицы ихъ разведоша по храминамъ порознь; „Царицу Марью удавиша товожъ часа; Царевича же многіе часы давиша, якожъ не младости въ тѣ поры далъ Богъ ему мужество; „злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырьмя „боряшеся; единъ отъ нихъ.... взятъ его за „таеные уды и раздавы." *Ник. Лѣт. VIII. 69.*

62) *Петрей*: „Возложивъ на себя корону, Самозванецъ показалъ первый опытъ своего мужества и великодушія надъ Ксеніею, дочерью Бориса Годунова: взялъ ее во Дворецъ и нѣсколько дней утопалъ въ гнусномъ сладострастіи; потомъ, когда Царевна ему надоѣла, приказалъ постричь ее и сослать въ монастырь, гдѣ она и умерла." *Muszk. Chr. 318.*

Ѳеодоръ Борисовичъ погибъ 10 Іюня 1605 года; а отъ 25 Декабря Воевода Сендомирскій, уже нареченный тесть Лжедимитрія, писалъ къ Самозванцу изъ Кракова: „Много здѣсь Вашему Царскому Величеству усердствующихъ, но много и злодѣевъ, которые о здравіи вашемъ разсѣваютъ разные слухи, отъ чего Богъ да сохранитъ васъ. Хотя люди разсудительные сему не вѣрятъ;

однако я, по искренней любви къ В. Ц. В., Богомъ дарованному мнѣ сыну, прошу васъ имѣть крайнюю предосторожность; *и поели-ку извѣстная Царевна, Борисова дочь, близко васъ находится, то благоволите В. Ц. В., вняв совѣту благоразумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить. Вѣдайте В. Ц. В. что люди самую малѣйшую въ Государяхъ погрѣшность обыкновенно примѣчаютъ и подозрѣніе наводятъ.*" *Собр. Госуд. Грам. II. 213.*

Злополучная Ксенія, въ Инокиняхъ Ольга, умерла 30 Августа 1622 года и погребена въ Троицкомъ Сергіевскомъ монастырѣ. Тамъ донынѣ уцѣлѣла на камцѣ надгробномъ слѣдующая надпись: „Лѣта 7130 Августа въ 30 день, преставися Благовѣрная Царевна Инока Ольга Борисовна." *Церк. Рос. Ист. Митр. Платона. II. 144.*

Такъ описываетъ ее современникъ Кубасовъ: „Царевна Ксенія, отроковица чуднаго „домышленія, зѣльною красотою лѣпа, бѣла и „лицемъ румяна, очи имѣя черны, велики, „свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалости „слезы отъ очію испущаше, тогда наипаче „свѣтлостію зѣльною блисташе; бровьми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію „обліянна; возрастомъ ни высока, ни низка; „власы имѣя черны, велики, аки трубы по „плечамъ лежаху; воистину, во всѣхъ женахъ благочиннѣйша, и писанію книжному

„многимъ цвѣтуще благорѣчіемъ, во всѣхъ „дѣлѣхъ чредима; гласы воспѣваемые любляше, „и пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше.“ (*Рускія Достопамятности, ч. I. 174*).

63) Въ одной изъ нашихъ Лѣтописей сказано: „Царя Бориса извергоша изъ храма „Архистратига Михаила, и повелѣша извлещи на сонмище съ великимъ поруганіемъ, „и каменіе нанъ метати и ногами пхати „тѣло его, поверженное и на земли лежащее; „и погребоша его въ единомъ отъ убогихъ „монастырей, именуемомъ Варсонофьевскимъ „обонъ страны Неглинны.“ Варсонофьевскій монастырь находился между Срѣтенкою и Рожественкою, гдѣ нынѣ церковь Вознесенія. *Кар. Ис. Гос. Рос. XI. пр. 351.*

64) *Жилъ какъ левъ, царствовалъ какъ лисица, умеръ какъ собака.* Такой приговоръ весьма несправедливъ: Годуновъ заботился о просвѣщеніи подданныхъ, объ искорененіи пороковъ, былъ точно отцемъ народа, строилъ города, ободрялъ промышленность мѣрами благоразумными и возвеличилъ Россію. Безпристрастный современникъ Сергѣй Кубасовъ описываетъ Годуновыхъ, отца и сына, такимъ образомъ: „Царь Борисъ благолѣпіемъ „цвѣтущи и образомъ своимъ множество людей превозшедъ; возрасту посредство имѣя, „мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ, вельми

„благовѣренъ, и нищелюбивъ, и строителенъ „вельми о Державѣ и многое попеченіе имѣя, „и многое дивное отъ себя творяще; едино „же имѣя неисправленіе и отъ Бога отлученіе, по врачемъ сердечное прилежаніе, и ко „властолюбію несытное желаніе, и на прежде бывшихъ ему Царей (?) ко убіенію имѣя „дерзновеніе; отъ сего же и возмездіе пріятъ.“

„Царевичъ Ѳеодоръ, Царя Бориса отроча „зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ „дивный на селѣ отъ Бога преукрашенъ, и „яко кринъ въ полѣ цвѣтущь; очи имѣя велики „черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію „блистаяся, возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, во отвѣтѣхъ дивенъ и „сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогда же изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со „усердіемъ прилежаше.“ *Рускія Достоп. ч. I. 173—174.*

65) *Петрей*: „Вшествіе въ Москву происходило слѣдующимъ образомъ: Царя окружали 60 знатнѣйшихъ Вельможъ, одѣтыхъ столь же великолѣпно, какъ и самъ онъ; всѣ они ѣхали на коняхъ. Впередъ посланъ былъ ѣздовой съ отрядомъ трубачей и литаврщиковъ, для наблюденія за порядкомъ и для развѣдыванія, не таится ли гдѣ измѣна. Гонцы скакали взадъ и впередъ съ вѣстями. Предъ са-

мимъ Димитріемъ ѣхали дружины Польскихъ всадниковъ, въ полномъ вооруженіи, по 20 человѣкъ въ рядъ, съ трубами и литаврами. За нимъ слѣдовали также нѣсколько дружинъ, въ такомъ же порядкѣ и вооруженіи. Далѣе иностранцы, Казаки и стрѣльцы, другъ за другомъ по 20 человѣкъ въ рядъ. Въ городѣ и крѣпости звонили во всѣ колокола, большіе и малые; вездѣ было веселіе и пышное торжество. На большихъ широкихъ улицахъ, на кровляхъ домовъ и церквей было такое множество зрителей, что издали толпы народа казались несмѣтными роями пчелъ. Вездѣ, гдѣ ни проходилъ Димитрій, Москвитяне падали ницъ и восклицали: „Здравствуй отецъ нашъ! Государь и Великій Князь Всероссійскій! даруй Боже тебѣ многія лѣта; да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семъ мірѣ. Ты наше солнце красное!“ „Здравствуйте, мои дѣти, отвѣчалъ Димитрій; встаньте и молитесь за меня Богу.“ Какъ скоро онъ въѣхалъ на площадь чрезъ живой мостъ и водяныя (Москворецкія?) ворота, поднялся такой страшный вихрь, что всадники и кони едва не попадали; пыль взвилась столбомъ и всѣхъ ослѣпила. Россіяне перепугались и сотворивъ крестное знаменіе, говорили другъ другу: „Господи спаси насъ! Быть бѣдѣ и несчастію.“ (*Muszkow. Chron. 315—317*).

66) Царица жила въ Выксинскомъ монастырѣ (*Кар. Ис. Гос. Рос. XI. пр. 379*).

67) Вотъ особы, составлявшія Государственный Совѣтъ Лжедимитрія: I) *Особы Духовныя*: Патріархъ (онъ сидѣлъ по правую руку), Митрополиты: Новгородскій и Великолуцкій, Казанскій и Свіяжскій, Ростовскій и Ярославскій, Сарскій и Подонскій; 7 Архіепископовъ и 3 Епископа. II) *Особы свѣтскія*: Бояре перваго класса: Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій; Князья *Василій* и Димитрій Ивановичи Шуйскіе; Князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій; Михайло Ѳедоровичъ Нагой, Конюшій Великій; Князь Никита Романовичъ Трубецкой; Андрей, Михайло и Аѳанасій Александровичи Нагіе; Князь Василій Михайловичъ Масальскій, Дворецкій Великій; Князь Иванъ Ивановичъ Пуговка-Шуйскій; Князь Андрей Романовичъ Трубецкой; Григорій Ѳедоровичъ Нагой; Князь Иванъ Ивановичъ Шпакъ-Голицынъ; Князья Василій, Иванъ и Андрей Васильевичи Голицыны; *Петрѣ Ѳедоровичѣ Басмановѣ*; Петръ Никитичъ Шереметевъ; Князь Василій Кардануговичъ Черкасскій-Кабардинскій; Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ; Князь Андрей Петровичъ Куракинъ; Князь Борисъ Петровичъ Татевъ Стародубскій - Ряполовскій; Князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ; Иванъ Никитичъ Романовъ; Князь Ѳедоръ Ивано-

17

вичъ Хворостининъ - Ярославскій; Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ; Князь Иванъ Никитичъ Большой - Одоевскій; Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, Оружейничій Великій; Князь Андрей Андреевичъ Теляшевскій; Михайло Богдановичъ Сабуровъ; Князь Семенъ Андреевичъ Куракинъ; Владиміръ Васильевичъ Кольцовъ-Масальскій; Князь Данило Борисовичъ Пріимковъ - Ростовскій; Князь Ѳедоръ Тимоѳеевичъ Долгорукій; Князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, Мечникъ Великій. III) *Совѣтъ Окольничихъ:* Михайло Борисовичъ Шеинъ; Василій Петровичъ Морозовъ; Князь Иванъ Дмитріевичъ Хворостининъ-Ярославскій; Михайло Михайловичъ Салтыковъ; Василій Яковлевичъ Щелкаловъ; Князь Владиміръ Ивановичъ Клубковъ-Масальскій; Князь Григорій Борисовичъ Долгорукій; Князь Александръ Ѳедоровичъ Жировый-Засѣкинъ; Иванъ и Василій Петровичи Головины; Князь Григорій Петровичъ Ромодановскій; Иванъ Ѳедоровичъ Колычевъ; Князь Иванъ Ивановичъ Курляшевъ-Оболенскій, Подчашій Великій; Алексѣй Романовичъ Плещеевъ; Князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ-Оболенскій, Кравчій Великій; Богданъ Ивановичъ Сутуповъ, Печатникъ и Секретарь Великій; Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ, Подскарбій Надворный и Секретарь Великій. IV) *Дворяне:* Гаврило Григорьевичъ Бобрищевъ - Пушкинъ, Сокольничій Великій;

Яковъ Васильевичъ Зюзинъ; Василій Борисовичъ Сукинъ; Григорій Ивановичъ Микулинъ; Артемій Васильевичъ Измайловъ; Андрей Матвѣевичъ Воейковъ, Ясельничій (*Собр. Госуд. Гр. II. 207.—210*).

68) Въ подлинникѣ: „Grobe Moscowitische Bestien." Предки наши, непоколебимые въ православіи, не заслуживали такого упрека.

69) Въ подлинникѣ: Geleetz; у Петрея Galitz. Лжедимитрій, увѣдомляя Папу о непремѣнномъ намѣреніи воевать съ Турками, просилъ его убѣдить Императора не мириться съ Султаномъ, и общими силами ударить на враговъ Христіанства. *См. его Грамоту въ Собр. Госуд. Гр. II. 232.*

Въ слѣдъ за извѣстіемъ о войнѣ съ Турками, Петрей присовокупляетъ: „Вспомнивъ свое обѣщаніе, данное въ Польшѣ, всѣми силами стараться о распространеніи въ Россіи Католической вѣры, Димитрій приказалъ отвести Іезуитамъ, вмѣстѣ съ нимъ прибывшимъ, обширный дворъ въ Москвѣ, гдѣ они могли совершать литургію по своимъ обрядамъ. Къ числу сихъ Іезуитовъ присоединились еще четыре Патера, коихъ прислалъ изъ Польши Папскій Легатъ Антоній Лонгинъ (Рангони?), вмѣстѣ съ своимъ племянникомъ, для скорѣйшаго распростра-

пенія Католической вѣры." *Muszkow. Chron.* *321.*

70) Власьевъ былъ Надворнымъ Подскарбіемъ. Кромѣ его, Лжедимитрій послалъ къ Воеводѣ Сендомирскому Секретаря своего, Яна Бучинскаго съ слѣдующимъ любопытнымъ наказомъ:

„Память Секретарю нашему Яну Бучинскому, какъ ему говорити, именемъ нашимъ, Воеводѣ Сендомирскому:

„1) Чтобъ Воевода у Ксенжа у Легата Папина промыслилъ и побилъ челомъ о вольномъ позволеніи, чтобъ ея милость Панна Марина причастилась на обѣднѣ отъ Патріарха нашего, потому что безъ того коронована не будетъ.

„2) Чтобъ Панъ Воевода послѣ обрученья, тотчасъ о томъ намъ вѣдомо учинилъ чрезъ гонца; а перстень обручальный прислалъ бы не съ жильцемъ и не съ слугою, но съ честнымъ человѣкомъ.

„3) Чтобъ ея милости Паннѣ Маринѣ позволено до Греческія церкви ходити; а набоженство и чинъ свой вольно будетъ держати, какъ похочетъ.

„4) Чтобъ ея милость Панну Марину звали наяснѣйшею и всякую честь Государскую воздавали, и чтобъ была во всемъ предостережена.

„5) Волосовъ бы не наряжала.

„6) Чтобъ никто ея не водилъ, только Панъ Староста Саноцкій, да Бучинскій, или который иной со племяни.

„7) Промыслити о вольности, чтобъ Марина въ субботу мясо ѣла, а въ середу бъ постилась.

„8) Послѣ обручанья не ѣла ни съ кѣмъ, только особно, или съ Воеводою, или съ Воеводиною и съ Хорунжею, и служилибъ у нея Крайчіе." Подпись Самозванца. In Peratог. (*Соб. Госуд. Грам. II. 228*).

71) Бучинскіе, по смерти Лжедимитрія, показали предъ Боярами: „Говорилъ имъ Гришка Разстрига, что, ... Стрѣльцы тѣхъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣкли на малыя части, мало де сами не пересѣклися, сѣкучи ихъ." (*Собр. Госуд. Гр. II. 297*).

72) Маржеретъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскій помилованъ по ходатайству Царицы-матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ. (*Сост. Рос. Держ. во нач. XVII в. Рус. пер. 88*).

73) *Петрей*: „Вся дорога отъ Царскихъ палатъ до самой церкви, гдѣ совершился обрядъ коронованія, была устлана по красному сукну золотою парчею. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли нѣсколько тысячь Москвитянъ въ парчевыхъ одеждахъ. Въ такомъ же платьи были Камеръ-юнкеры и дру-

гіе дворяне, имѣя на груди золотыя цѣпи, крестообразно висящія, а на головѣ высокія, чернолисьи шапки. Они открывали шествіе. За ними слѣдовали три Боярина: одинъ несъ золотой Царскій скипетръ, другой золотую державу, третій обнаженную саблю. Потомъ шелъ Царь въ коронѣ; его поддерживалъ Воевода Сендомирскій, отецъ невѣсты; по обѣимъ сторонамъ находились по два Боярина, также въ парчевыхъ одеждахъ, въ высокихъ черныхъ шапкахъ, съ золотыми на груди цѣпями, съ серебряными на плечѣ сѣкирами. Въ слѣдъ за Царемъ изволила итти Царица въ Русскомъ платьи; ее вела Московская Боярыня. За нею слѣдовали Польскія и Русскія женщины. По совершеніи коронованія и брачнаго обряда, Царица сѣла на золотой тронъ, вылитый изъ чистаго золота и усыпанный крупными драгоцѣнными каменьями. Сей тронъ, на коемъ сіяло 600 алмазовъ, 600 рубиновъ, 600 сафировъ, 600 смарагдовъ и 600 бирюзовыхъ каменьевъ (иные величиною въ половину голубинаго яйца), былъ подаренъ Персидскимъ Шахомъ Іоанну Васильевичу Мучителю.“

„По выходѣ новобрачныхъ изъ церкви, бросили народу нѣсколько тысячъ монетъ, нарочно для сего приготовленныхъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ орла двуглаваго. Нѣкоторыя изъ медалей стоили два Венгерскихъ червонца; другія менѣе. Свадьба

Царская была чрезвычайно пышная и великолѣпная: во все продолженіе оной, музыканты, одѣтые въ Русское платье, гремѣли безъ умолка на 32 трубахъ и 34 литаврахъ." *Muszkow. Chron. 338—339.*

74) Sie antworteten ihme: Er solte seine Mutter vexiren und ihnen ihren verrähterischen Groszfürsten überantworten.

75) Петрей присовокупляетъ, что Самозванецъ при семъ словѣ закололъ нѣсколько человѣкъ. *Muszk. Chron. 344.*

76) „Судьба достойная измѣнника и ревностнаго слуги злодѣйства, но жалостная для человѣка, который могъ и не хотѣлъ быть честію Россіи." *Карамзинъ.*

77) Съ 15 Драбантами, по словамъ Петрея.

78) Беръ (за нимъ и Петрей) объясняетъ на Латинскомъ языкѣ отвѣтъ Боярскій; хотя Переводчикъ увѣренъ, что почтенный Пасторъ клевещетъ на грозныхъ карателей Самозванца; но слѣдуя правилу не выпускать изъ подлинника ни одного слова, считаетъ обязанностію привести также и сей отвѣтъ, по всей вѣроятности вымышленный. Вотъ онъ: „Volumus nos omnes, unus post ali-

um stuprum inferre, unus in p..... alter in v...; audivimus Polonicas meretrices vestras plurimum concubitus bene sustinere posse; nec ipsis unus vir sufficere.“ Et postea nudabant sua equina pudenda (proh Sodomia!) coram toto Gynaeceo, dicentes: „videte, meretrices, videte nos multo fortiores sumus Polonis vestris. Probate nos!“

79) *Петрей:* „Самозванецъ отвѣчалъ: *Вы знаете всѣ, что я Царь вашъ, истинный сынъ Іоанна Васильевича. Если же не вѣрите, ступайте въ монастырь и спросите мать мою.* Василій Ивановичъ Шуйскій, начальникъ возмущенія, бросился въ монастырь и спрашивалъ Царицу, признаетъ ли она сего Димитрія своимъ сыномъ? Царица увѣряла съ клятвою, что у нея не было другаго сына, кромѣ Царевича Димитрія, который за нѣсколько лѣтъ, еще младенцемъ, погибъ въ Угличѣ. Какъ скоро Шуйскій возвратился съ симъ извѣстіемъ, одинъ богатый купецъ, съ пистолетомъ въ рукѣ, бросился на Самозванца и прострѣлилъ его прямо въ сердце, сказавъ: чего толковать съ еретикомъ? конецъ его измѣнамъ и крамольству.“ *Muszkow. Chr. 348.*

Въ Лѣтописи о Мятежахъ: „И пріидо-„ша (*стрѣльцы*) къ Царицѣ, допрошаху ее: „она же со слезами воззопи: *нынѣ* (*ни, не?*) „*знаю его окаянново; называла есмь его сы-*

„номъ себѣ, страха ради смертново.“ (*Рус. Лѣт. по Никон. сп. VIII. 75*).

Кажется извѣстіе Петрея и нашей Лѣтописи — несправедливо, т. е. Царицу не спрашивали: иначе какъ бы не упомянуть о семъ важномъ обстоятельствѣ въ грамотѣ, которою Шуйскій увѣрялъ народъ въ самозванствѣ Отрепьева? Тамъ именно сказано, что Царица повинилась въ своей слабости уже тогда, когда мощи Св. Димитрія принесены были въ Москву изъ Углича и изцѣлили многихъ больныхъ (*Собр. Госуд. Гр. II. 312*). Впрочемъ Самозванецъ остается Самозванцемъ.

80) Петрей считаетъ всѣхъ убитыхъ вообще 1702 человѣка. *Muszkow. Chron. 351.*

81) Въ грамотѣ Царя Василія Ивановича Шуйскаго изчислены преступленія Самозванца слѣдующимъ образомъ:... „Страд-„никъ вѣдомый, воръ, богоотступникъ, ере-„тикъ, разстрига Гришка Богдановъ сынъ „Отрепьевъ, отступя отъ Бога, по совѣту „дьяволю и лихихъ людей... назвалъ себя „Царя Ивана Васильевича сыномъ, Царевичемъ Княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ, и „въ Польшѣ и въ Литвѣ Короля и многихъ „Пановъ и служивыхъ людей своимъ вѣдов-„ствомъ и чернокнижствомъ прельстилъ, „да не токмо что въ Польшѣ, и въ Мо-

„сковскомъ Государствѣ многихъ людей „прельстилъ; а чаяли его Царевичемъ Дмитріемъ. И тотъ воръ, богоотступникъ, по „своему бѣсовскому умыслу и по совѣту съ „Польскимъ Королемъ и съ Паны Радами, въ Московскомъ Государствѣ многую „смуту и разоренье учинилъ, и церкви Божіи осквернилъ, и многихъ православныхъ „Христіанъ, которые его знали и злодѣйство вѣдали и его обличали, злой смерти „предалъ, и понялъ за себя Воеводы Сендомирскаго дочь Латинскія вѣры, и не крестивъ ея, въ Соборной церкви Пречистыя „Богородицы вѣнчалъ, и Польскихъ и Литовскихъ людей, для Христіанскаго разоренья, въ Москву многихъ привелъ, и церкви „Божіи и Св. Иконы обругалъ, и Нѣмецъ, и „Римлянъ, и Поляковъ и розныхъ вѣръ многихъ злыхъ еретиковъ въ церковь пущати „велѣлъ со оружіемъ, а иныхъ скверныхъ „дѣлъ и писати не вмѣстимо, какое злое „поруганье Христіанской вѣрѣ чинили, и „православнымъ Христіанамъ многое насильство и кроворозлитье учинили, и жены у „мужей отнималъ, и иныя нестерпимыя „грубости и поносы чинилъ; а послѣднее, „по совѣту съ Польскими и съ Литовскими людьми, измѣнным обычаемъ хотѣлъ „Бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, и „гостей и всякихъ лучшихъ людей побити, „а Московское Государство хотѣлъ до осно-

„ванія разорити и Христіанскую вѣру по-„прать, церкви разорить, а костелы Рим-„скіе устроить.“ (*Собр. Госуд. Грам. II. стран. 309*).

82) Воевода Сендомирскій съ дочерью, сыномъ и зятемъ отправленъ былъ въ Ярославль, какъ справедливо говоритъ Петрей. 369. *См. также Берову Лѣтоп. 139.*

83) Онъ даже разсорился съ Королемъ Польскимъ Сигизмундомъ III, за то, что вопреки совѣтамъ самого Воеводы Сендомирскаго, принималъ титулъ Цесаря и Императора. *Собр. Госуд. Грам. II. 226 и 259.*

84) Петрей обличаетъ самозванство Димитрія слѣдующимъ образомъ:

„1) Если бы истинный Димитрій вступилъ на престолъ, то онъ былъ бы не старѣе 22 лѣтъ; а Гришка имѣлъ по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ.“

„2) Едва Гришка былъ коронованъ, явился въ Кремлѣ одинъ Монахъ изъ того самаго монастыря, откуда бѣжалъ обманщикъ, и всенародно говорилъ, что онъ прежде зналъ новаго Царя; что сей Царь не сынъ Іоанна Васильевича, а Гришка Отрепьевъ (*Griska Trepeja*), бѣглецъ, обманщикъ, измѣнникъ; увѣрялъ, что самъ училъ его чтенію и письму, что знаетъ его родину, его отца и мать,

знаетъ, почему родня посадила его въ монастырь, какъ долго тамъ онъ былъ и когда скрылся. Народъ, услышавъ такія рѣчи, схватилъ Монаха и представилъ Царю. Чернецъ не испугался, говорилъ тоже самое, и смѣло называлъ Димитрія обманщикомъ. Его казнили мучительною смертію, безъ всякаго изслѣдованія: *правда глаза колетъ*.“

„3) Гришкинъ родственникъ Елеазаръ Отрепьевъ говорилъ и Московскимъ Боярамъ, и Польскому Королю Сигизмунду, предъ всѣмъ Сенатомъ, и Шведскому Государю Карлу IX, что мнимый Димитрій былъ сынъ его брата и что заключенный отцемъ въ монастырь, за негодные поступки, для исправленія, онъ ушелъ тайно въ Польшу, научился тамъ военному искусству и по совѣту злыхъ людей, недоброжелателей Борисовыхъ, особенно какого-то Монаха, назвалъ себя Димитріемъ.“

„4) Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, знавшій истиннаго Царевича, видѣвшій его мертвое тѣло и похоронившій оное, свидѣтельствовалъ самозванство Отрепьева. Гришка велѣлъ схватить сего уличителя, вывести на площадь и положить на плаху, въ намѣреніи умертвить его, если не отречется отъ своихъ словъ. Князь, по слабости человѣческой, любилъ жизнь болѣе смерти, зажалъ себѣ ротъ и объявилъ, что всѣ слова его были клеветою: ибо онъ цѣнилъ жизнь

и обманъ дороже истины и славы, по обычаю Москвитянъ, которые не знаютъ различія между честію и безчестіемъ (?). И такъ его простили и возвели въ прежнее достоинство."

„5) Одинъ стопятилѣтній благородный старецъ, служившій убіенному Димитрію, увѣрялъ въ Угличѣ многихъ, что онъ видѣлъ своими глазами мертваго Царевича, что убитый былъ точно сынъ Іоанновъ, а неподложный отрокъ, какъ разглашали крамольники, и что принявшій имя Димитрія былъ Самозванецъ."

„6) Голландскій Аптекарь, Арендъ Клаузендъ, бывшій 40 лѣтъ при Царскихъ аптекахъ, свидѣтельствовалъ, что онъ видалъ истиннаго Димитрія еще младенцемъ, что сей Царевичъ былъ такъ же смуглъ, какъ и мать его, Марія Ѳеодоровна, а въ мнимомъ Димитріи этого сходства не замѣтно."

„7) То же самое говорила благородная Лифляндка фонъ Тизенгаузенъ, которая безотлучно находилась при Царицѣ-матери, видѣла Димитрія мертвымъ въ Угличѣ и присутствовала на его погребеніи."

„8) Лжедимитрій, свѣдавъ, что общій голосъ именовалъ его Самозванцемъ, пришелъ въ монастырь къ Царицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и объявилъ ей о своемъ намѣреніи вырыть изъ могилы и перенести на другое кладбище кости того Священническаго сы-

на, который былъ убитъ вмѣсто его и погребенъ какъ Царевичъ; но Царица отвергла такое предложеніе, ибо знала, что въ сей могилѣ покоился прахъ ея собственнаго сына. Слѣдовательно, если бы Гришка былъ истинный Царевичъ, мать охотно исполнила бы его желаніе, для разсѣянія неблагопріятныхъ ему слуховъ и для утвержденія его на престолѣ. Называла же Царица обманщика сыномъ своимъ единственно потому, что сею ложью она возвратила себѣ прежнее достоинство, и что весь родъ Годунова, убійцы ея сына, долженствовалъ погибнуть.“

„9) Петръ Басмановъ, вѣрнѣйшій Совѣтникъ и Царедворецъ Лжедимитрія, пожертвовавшій за него жизнію, признавался по довѣренности многимъ людямъ, еще до смерти Самозванца, что Царь былъ не истинный Димитрій, а другой человѣкъ; но какъ онъ правилъ Государствомъ благоразумно и Россіяне ему присягнули, то, говорилъ Басмановъ, мы должны быть имъ довольны и молить Всемогущаго Бога о его здравіи и благоденствіи; притомъ во всей Россіи нельзя найти лучшаго и умнѣйшаго Государя.“

„10) Знатный Польскій Вельможа Янъ Сапѣга говорилъ, что мнимый Димитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія (но это ложь: онъ былъ Гришка Отрепьевъ), что посему-то Поляки словомъ и дѣломъ, войскомъ и казною, помогали ему завоевать

Москву; что на зло Россіянамъ, Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, умерщвленный и въ Угличѣ и въ Москвѣ, опять воскресъ и долженъ покорить ихъ, хотя бы они перебѣсились отъ досады, что если и сей Димитрій погибнетъ, Поляки найдутъ другаго и непремѣнно завладѣютъ Московіею.“ *Muszk. Chron. 370—375.*

85) Руководствуясь правиломъ не выпускать изъ подлинника ни одного слова, Переводчикъ оставилъ и эту басню, выдуманную, вѣроятно, самимъ Беромъ. Онъ, какъ Лютеранинъ, отвергающій дѣйствительность чудесъ, хотѣлъ объяснить богопосланныя явленія употребленіемъ обыкновенныхъ средствъ подлога. Самое простое замѣчаніе доказываетъ нелѣпость его расказа: Авторъ вѣритъ, что притворявшіеся слѣпыми дѣйствительно ослѣпли, и сомнѣвается, чтобы Св. Отрокъ подавалъ облегченіе вѣрующимъ! Между тѣмъ, безчисленные опыты свидѣтельствуютъ, что истинно-пламенная вѣра всегда можетъ творить чудеса. Сверхъ того, Беръ раскaзываетъ, что нарочно умертвили Поповскаго сына: это случилось, по его же словамъ, въ Угличѣ и притомъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ; спрашиваемъ всякаго безпристрастнаго, какъ могло быть свѣжо тѣло *подложнаго* Царевича, если привезли его за 350 верстъ, въ жаркіе дни? И почему не вѣритъ

нетлѣнности Димитрія, когда всякъ, кто бывалъ въ Кіевѣ, видѣлъ своими глазами мощи Св. Угодниковъ? Чьи же останки могли быть священнѣе, если не девятилѣтняго отрока, такъ ужасно погибшаго? Однимъ словомъ, отвергая сказку дерзкаго иновѣрца, мы убѣждены въ истинѣ словъ нашихъ Лѣтописей и Государственныхъ бумагъ, которыя единогласно свидѣтельствуютъ о семъ случаѣ такимъ образомъ: „Послали мы на „Угличъ (*пишетъ Царь В. И. Шуйскій*) по „мощи Царевича Дмитрія Ивановича, Митрополита Ростовскаго Филарета, и Астраханскаго Епископа Θеодосія, и Спасскаго „Архимандрита Сергія, и Андроновскаго Архимандрита Авраамія, и Бояръ: Князь Ивана Михайловича Воротынскаго, и Петра „Никитича Шереметева, и Григорія Θедоровича и Андрея Александровича Нагихъ; и „писали къ намъ изъ Углича богомольцы „наши Ростовскій Митрополитъ и Астраханскій Епископъ и Архимандриты и Бояре наши, что они мощи благовѣрнаго Князя Дмитрія Ивановича *обрѣли*, и мощи „его цѣлыя, ничѣмъ невредимыя, только въ „нѣкоторыхъ мѣстѣхъ немножко тѣло вредилося, и на лицѣ плоть и на головѣ волосы цѣлы и крѣпкіе, и ожерелье жемчужное съ пугвицами все цѣло, и въ руцѣ лѣвой полотенцо тафтяное шитое золотомъ „и серебромъ цѣлое, кафтанъ весь таковожь

„и подъ кафтаномъ камчатое шитое золо-„томъ и серебромъ цѣло на плечѣхъ, и са-„пожки на немъ цѣлы, только подошвы на „ногахъ попоролися, а на персѣхъ орѣшки „положеные на персѣхъ горсть. Сказываютъ, „что коли онъ игралъ, тѣшился орѣхами и „ѣлъ, и въ ту пору его убили и орѣхи кровью „полились, и того для тые орѣхи ему въ гор-„сти положили и тые орѣхи цѣлы. И ко-„торые были разслабленные различными бо-„лѣзнями, уздоровилися отъ раки его Царе-„вича Дмитрія Ивановича, въ прошлыхъ лѣ-„тѣхъ и въ нынѣшнемъ 1606 году, и до ихъ „пріѣзду тамошніе люди принесли къ нимъ „письмо, и тое письмо здѣсь къ Москвѣ при-„слано. . . . . И какъ понесли мощи его, мно-„жество больныхъ различными болѣзнями „уздоровилъ, и какъ его поставили въ церк-„ви Архангела Михаила и отъ его свя-„тыхъ мощей пролились рѣки милосердія, „много разслабленныхъ великимъ чудомъ уз-„доровились: впервое уздоровилъ различны-„ми болѣзнями содержимыхъ человѣкъ 13, и „посямѣстъ уздоровляти не перестаетъ всѣхъ, „которые къ нему приходятъ съ истинною „вѣрою.“ (*Собр. Госуд. Грам. II. 311—312*).

86) По словамъ Петрея, въ 4 недѣли присягнули Самозванцу 14 городовъ и крѣпостей.

87) Изъ нашихъ Государственныхъ бумагъ видно, что Болотниковъ былъ *холопъ* Князя Андрея Теляшевскаго (*Собр. Госуд. Гр. II. 521*). То же говоритъ и Палицынъ, *въ сказ. о осад. Тр. мон. стр. 51*.

88) Съ 9,000 вооруженныхъ воиновъ, говоритъ Петрей. *Muszk. Chr. стр. 387*.

89) Сей новый бездѣльникъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, убійца юнаго Царя Ѳеодора—чернокнижникъ, сѣченный за то кнутомъ въ Борисово время, какъ удостовѣрился Посолъ Василіевъ Князь Волконскій, бывшій тогда въ Краковѣ. *Кар. И. Г. Р. XII. пр. 49*.

90) По свидѣтельству А. Палицына, это былъ холопъ Свіяжскаго головы Стрѣлецкаго, Григорія Елагина (*см. его Сказ. 51*). То же говоритъ и Царь В. И. Шуйскій въ окружной грамотѣ или манифестѣ 15 Октября 1607 года (*Собр. Госуд. Гр. II. 525*).

91) Посланникомъ былъ тотъ самый Петрей, который написалъ Muszkowitische Chronica (*см. наше предисловіе*). Онъ пріѣхалъ въ Россію 1608 года.

92) Сіе любопытное происшествіе описано въ Лѣтописи о мятежахъ такимъ об-

разомъ: „Приде къ Царю Василью Муромецъ „сынъ боярскій, Ѳома Суминъ сынъ Кравковъ, и рече ко Царю Василью: дай мнѣ „посохи, язъ де потоплю Тулу. Царь же Василій и Бояре посмѣяхусь ему, како ему „градъ Тулу потопить! Онъ же съ прилежаніемъ къ нему: вели меня казнить, будетъ „не потоплю Тулы. Царь Василій даде ему „на волю; онъ же повелѣ со всей рати со „всякаго человѣка привезти по мѣшку съ „землею, и нача рѣку подъ Тулою прудити; „вода учала прибывати. Царь же Василій, „видя промышленіе, наипаче ему повелѣ совершати, и повелѣ ему дати на пособъ „мельниковъ: онъ же рѣку запрудилъ и градъ „Тулу потопилъ совсѣмъ.“ (*Рус. Лѣт. по Ник. списку VIII. 91*).

93) Въ подлинникѣ *Sloba*; у Петрея *Socola* въ Бѣлоруссіи: вѣроятно, нынѣшнее мѣстечко Соколъ въ Витебской Губерніи.

94) По свидѣтельству нашихъ Государственныхъ бумагъ и достовѣрнаго писателя Кобѣржицкаго, сей негодяй, извѣстный въ послѣдствіи подъ именемъ Тушинскаго Вора, былъ *Жидъ*. (*Кар. И. Г. Р. XII. пр. 158*). Такъ описываетъ его очевидецъ Маскѣвичъ: „Онъ былъ изъ простаго званія, весьма грубъ въ обращеніи, имѣлъ дурныя привычки, и въ разговорахъ употреблялъ самыя постыд-

ныя выраженія; почему Мѣховецкій, для своихъ выгодъ, училъ его свѣтскости и Польскому обращенію, по примѣру перваго Димитрія (*Отрепьева*), который былъ человѣкъ вѣжливый и обходительный." (См. *Дневникъ Сам. Маскѣвича, въ 13 части Сѣв. Арх. стр. 111*).

95) См. выше примѣчаніе 90.

96) Беръ безъ пощады бранитъ Русскихъ; но у насъ не было измѣнниковъ подобныхъ Гансъ-Бергу.

97) Скопинъ заключилъ въ Выборгѣ 28 Февраля 1609 года съ Шведскими Полномочными договоръ, по коему Карлъ IX обязался прислать намъ на помощь 5,000 воиновъ; а мы должны были давать имъ жалованья по 100,000 ефимковъ въ мѣсяцъ и сверхъ того въ знакъ признательности уступить Кексгольмъ. (*Собр. Госуд. Гр. II. 376*). См. также Петрея, который считаетъ, вмѣсто 100,000 ефимковъ, 32,000 руб., или по его словамъ, 10,000 талеровъ. *Muszk. Chr. 412*.

98) Беръ былъ человѣкъ не глупый; но часто, какъ и въ семъ случаѣ, не льзя не смѣяться надъ его сужденіями.

99) Митрополитъ Филаретъ возведенъ

въ достоинство Патріарха гораздо послѣ, уже въ царствованіе сына его Михаила Θеодоровича. Впрочемъ *см. Маскѣвича во XIII т. Сѣв. Арх. стр. 210.*

100) Сей Шведъ, по словамъ Петрея, былъ Капитанъ Біугге родомъ изъ Шведской провинціи Гелзингеланда, взятый въ плѣнъ Іоанномъ IV въ Ливоніи и жившій въ Россіи лѣтъ тридцать.

101) По словамъ Петрея, Лисовскій привелъ 5000 Казаковъ и 600 всадниковъ.

102) Этотъ полкъ состоялъ изъ 2000 человѣкъ и находился подъ начальствомъ Пруссака Людвига Вайера. *Днев. Маскѣвича.*

103) „Сдѣлали 80 лѣстницъ, однѣ вышиною, какъ самыя высокія деревья въ лѣсу, и такой ширины, что 5 или 6 человѣкъ могли всходить рядомъ; другія привѣшивались къ подвижнымъ подъемамъ, которые были построены на подобіе висѣлицъ, и къ коимъ лѣстницы доходили до половины: войско, идучи на штурмъ, катило ихъ предъ собою. Съ помощію сихъ лѣстницъ взятъ былъ Смоленскъ.“ *Днев. Маскѣв. во Сѣв. Арх. т. XIII, стр. 19.*

104) „Воеводою Смоленскимъ былъ Шеинъ,

храбрый и опытный воинъ, не разъ уже бывавшій на полѣ чести," говоритъ Маскѣвичъ—врагъ Русскихъ.

105) Достовѣрнѣе извѣстіе Петрея, который говоритъ, что „Шуйскій, не получивъ отъ Сигизмунда на просьбу свою отвѣта и негодуя на его коварство, послалъ гонца къ Смоленскому Воеводѣ съ повелѣніемъ обороняться всѣми силами." (*Далѣе согласно съ Беромъ*). *Muszkow. Chron.* 420.

106) См. выше примѣчаніе 97. Это былъ тотъ самый Делагарди, котораго Густавъ Адольфъ называлъ своимъ учителемъ въ военномъ искусствѣ. Wagner's Gesch. d. Nord. IV. 918.

107) Рязанскій дворянинъ, Прокопій Ляпуновъ, по словамъ Карамзина—„созданный быть вождемъ и повелителемъ людей въ мятежахъ и буряхъ, одаренный красотою и крѣпостью тѣлесною, силою ума и духа, смѣлостью и мужествомъ,"—сначала сражался за тѣнь Димитрія, въ послѣдствіи увидѣлъ обманъ и хотѣлъ спасти Вѣру и Отечество. Поляки избавились отъ сего страшнаго мстителя гнуснымъ вѣроломствомъ: при осадѣ ихъ вѣрными Россіянами въ Москвѣ въ 1611 году, Гонсѣвскій написалъ почеркомъ Ляпунова письмо, гдѣ выставивъ

его предателемъ, распустилъ оное въ Русскомъ войскѣ: обманутые Казаки изрубили героя въ куски. *Дневн. Маскѣвича въ Сѣв. Арх. ч. XIV, стр. 227.*

108) Марина, кажется, не очень была довольна своею участью. Вотъ ея собственноручное письмо къ отцу отъ 23 Марта 1609 года изъ Тушинскаго лагеря: „О дѣлахъ моихъ не знаю, что писать; вижу только проволочку со дня на день; нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ такъ же, какъ и при васъ; не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ родительскомъ... Помню, Милостивый Государь Батюшка, какъ Вы съ нами кушали лучшихъ лососей, и старое вино пить изволили: этого здѣсь нѣтъ; если имѣете, покорно прошу прислать.“ *Собр. Госуд. Гр. II. 360.*

109) Петрей, по своему обычаю, приписываетъ сію побѣду одному Шведскому Полководцу и говоритъ, что Скопинъ, не хотѣвшій вступить въ битву, по счастливомъ окончаніи оной, со слезами благодарилъ Понтуса. *Muszkow. Chron. 422.*

110) День Св. Мартина (11 Ноября) Западные Христіане праздновали въ старину какъ можно веселѣе, въ воспоминаніе угощенія Св. Мартина (жившаго въ IV столѣтіи)

Императоромъ Римскимъ Максиминомъ. Гусь былъ необходимою принадлежностію сего празднества.

111) *Komornik*—Спальникъ, чертожникъ, постельничій. См. Linde, Slownik Iezyka Polskiego.

112) „По двою мѣсяцу пришествія его „къ Москвѣ, мало поболѣвъ, страшный юно„ша ко Господу отъиде: но не вѣмы убо, ка„ко рещи, Божій ли судъ напь постиже, или „злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? Еди„ный создавый насъ се вѣсть." *А. Палицынъ, во Сказаніи о осадѣ Троиц. мон. 205.*

„Мнози же на Москвѣ говоряху что, что „испортила его тетка его Княгиня Кате„рина, Князь Дмитріева Шуйскова." (*Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 152*).

„Князь Михаилъ,—пишетъ современный Историкъ, — имѣлъ 23 года отъ рожденія (въ 1609), прекрасную душу, умъ не по лѣтамъ зрѣлый, наружность, осанку пріятную, искуссniво въ битвахъ и въ обхожденіи съ иноземнымъ войскомъ" (*Карамз. И. Г. Р. XII. 151.*). Замѣчательно, что изъ всѣхъ Русскихъ одинъ только Шуйскій-Скопинъ не заслужилъ укоризны отъ Бера, который называетъ его даже Героемъ. Хвалитъ и Басманова, но кажется болѣе какъ *друга* и покровителя Нѣмцевъ.

115) Описывая Клушинскую битву, столь достопамятную слѣдствіями, Петрей винитъ Россіянъ въ неудачѣ, говоря, что они разбѣжались въ малодушной робости. Это обвиненіе, кажется, несправедливо: послушаемъ, что говоритъ очевидецъ, который весьма не жаловалъ Русскихъ.

„22 Іюня, говоритъ Маскѣвичъ, двинувшись отъ Бѣлой къ столицѣ, мы увидѣли въ Шуйскомъ, въ 14 миляхъ отъ Царева Займища, нашихъ, возвратившихся изъ Тушина, и тѣхъ, кои прибыли туда съ Королевскими послами; они при семъ урочищѣ расположились лагеремъ. Здѣсь Гетманъ (Жолкѣвскій) получилъ извѣстіе, что къ Цареву Займищу только что прибыло 8000 отборнаго непріятельскаго войска: Великій Гетманъ Русскій, Димитрій Шуйскій отрядилъ ихъ съ Григоріемъ Волковымъ (*Волуевымъ?*) впередъ, для занятія выгоднаго мѣстоположенія при Царевѣ Займищѣ, и для построенія тамъ городка, изъ котораго Русскіе безпокоили бы насъ и пресѣкали подвозъ къ намъ съѣстныхъ припасовъ. Извѣстившись подробно о замыслахъ непріятеля, Гетманъ рѣшился дать имъ сраженіе прежде, нежели они успѣютъ укрѣпиться окопами и соединиться. Онъ хотѣлъ употребить въ дѣло новыя войска, перешедшія къ Королю отъ Самозванца; но они, по обыкновенію, начали торговаться и постановивъ условія,

не хотѣли съ нимъ итти, пока онъ не согласится на ихъ предложенія. Не желая мѣшать съ ними, Гетманъ двинулся одинъ впередъ, присоединивъ къ себѣ тѣхъ только, которые находились при послахъ."

„24 Іюня, подошедъ къ непріятелю, мы нашли его укрѣпленнымъ при Царевѣ Займищѣ; мы отогнали съ трудомъ отъ плотины Русскихъ, которые препятствовали нашей переправѣ на ихъ сторону, и сражались съ ними на лугу, въ прекрасной равнинѣ, подъ ихъ палисадами; успѣхъ долго былъ то на той, то на другой сторонѣ; они много намъ вредили пальбою изъ башенъ, которыя выстроили у себя, и наконецъ принуждены были отступить до своего рва. У насъ были убиты Панъ Мартинъ Вейеръ и Казацкій Ротмистръ Сподзиловскій. На другой день, войска, которыя накапунѣ торговались съ Гетманомъ, сами собою рѣшились къ намъ присоединиться.—Между тѣмъ Гетманъ, миновавъ непріятельское укрѣпленіе, расположился лагеремъ на Московской дорогѣ: спереди поставилъ сильную стражу, а кругомъ малые окопы, помѣстивъ въ нихъ отряды изъ пѣхоты и Казаковъ, чтобы они препятствовали подвозу въ крѣпость съѣстныхъ припасовъ, такъ что никто не могъ ни войти туда, ни выйти оттуда. Укрѣпленіе Русскихъ находилось въ углу лѣса, и съ двухъ сторонъ прилегало къ оному; съ

третьей стороны были болота, а съ четвертой ровные луга; отъ сихъ луговъ непріятель окопалъ себя глубокимъ рвомъ. Мы, пользуясь удобствомъ лѣса, расположили свои окопы, подъ начальствомъ Руцкаго Шиша, во флангѣ непріятеля, такъ что онъ съ той стороны не могъ дѣлать никакихъ покушеній."

„Главное Русское войско приближалось къ намъ. Гетманъ извѣстился о томъ черезъ шпіоновъ, равно какъ и о превосходствѣ ихъ передъ нашими, ибо насъ было немногимъ болѣе 3000, между тѣмъ какъ у непріятеля считалось слишкомъ 50,000 въ строю, кромѣ 20,000 вооруженныхъ крестьянъ, возившихъ за арміею рогатки, которыми они окружали лагерь. Сверхъ того мы держали въ осадѣ 8000 человѣкъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Волуева. Одна вѣсть приходила за другою, но всѣ не утѣшительныя: войско наше было въ безпокойствѣ, и болѣе потому, что не было удобнаго мѣста для встрѣчи непріятелей, ибо мы находились въ лѣсахъ, а сверхъ того имѣли врага въ крѣпостцѣ. Честной капитуляціи не льзя было ожидать, объ уходѣ не льзя было и думать: одинъ только Богъ могъ даровать намъ побѣду. Гетманъ выслалъ отрядъ для схваченія языка; привели четырехъ Нѣмцевъ, которые сказали, что искали насъ для того, чтобъ извѣстить обо всѣхъ

замыслахъ Русскихъ. Гетманъ созвалъ въ кругъ Полковниковъ и Ротмистровъ для совѣта: рѣшились предупредить непріятеля, и вмѣсто того, что онъ хотѣлъ ударить на насъ на другой день, положили напасть на него тотъ же часъ, ибо онъ стоялъ отъ насъ уже не далѣе, какъ въ 4 миляхъ. Тайно разосланы были во всѣ роты приказанія о приготовленіи къ походу, взявъ съ собою на два дня провіанта. Все это дѣлалось тихо, чтобъ непріятель, находившійся въ укрѣпленіи, не зналъ о нашемъ отступленіи, а то онъ конечно напалъ бы на лагерь и могъ бы имѣть успѣхъ, потому что нашихъ осталось тамъ весьма мало.—Такимъ образомъ за часъ до сумерекъ въ субботу, мы сѣли на коней, и тихонько вышли изъ лагеря, котораго защита поручена была ротамъ Брацлавскаго Старосты Калиновскаго и Бобровскаго, въ которыхъ находилось 700 человѣкъ, 4000 Запорожскихъ Казаковъ и 200 человѣкъ пѣхоты.—Съ Гетманомъ выступило въ походъ едва 2,500 всадниковъ и 200 человѣкъ пѣхоты; повозокъ никакихъ съ нами не было, кромѣ Гетманской кареты, да двухъ полевыхъ пушекъ, въ которыхъ запряжено было по четыре лошади.“

„Мы шли всю ночь, и 4 Іюля на разсвѣтѣ, явились неожиданно предъ непріятелемъ: задніе наши полки далеко отстали за пушками, увязшими на узкой лѣсной дорогѣ

въ болотѣ, котораго не льзя было обойти. Гетманъ, не смѣя напасть на обширный лагерь непріятельскій, послалъ нарочнаго къ отставшимъ, чтобъ они поспѣшали съ нимъ соединиться, а между тѣмъ, устроивъ войско, и приказавъ зажечь деревню, находившуюся при самомъ лагерѣ, далъ повелѣніе ударить въ барабаны и заиграть на трубахъ. Непріятели, встревоженные нечаяннымъ нашимъ появленіемъ, поспѣшно и въ безпорядкѣ, толпами выходили изъ лагерей и вступали въ дѣло. Русскій лагерь обставленъ былъ рогатками, а Нѣмецкій стоявшій особо, укрѣпленъ былъ возами. Нѣмцы первые вступили въ сраженіе, и пѣхота ихъ, пользуясь мѣстоположеніемъ, выходя изъ лагеря, располагалась за болотами или чащею кустарниковъ, и оттуда много намъ вредила, ибо состояла изъ копѣйщиковъ-мушкетеровъ. Русскіе между пѣхотными отрядами построили рейтаровъ, и всѣхъ ихъ было такое безчисленное множество, что страшно было взглянуть. Однакожъ Гетманъ, напоминая каждому объ ожидавшей его славѣ, приказалъ своимъ двинуться впередъ, а между тѣмъ Священники, разъѣзжая предъ полками, благословляли воиновъ. Сперва нѣсколько ротъ вступили въ дѣло, потомъ другія, а наконецъ по порядку и прочія. Предоставляю описывать подробности тѣмъ, которые только смотрѣли на битву, но мнѣ

это невозможно, ибо я самъ принималъ въ ней участіе. Я служилъ въ хоругви Князя Порицкаго, и намъ весьма было тяжело въ этомъ сраженіи. Кромѣ роты Мартина Казановскаго, которая, по повелѣнію Гетмана, оставалась въ резервѣ, прочимъ случалось по осьми и по десяти разъ вступать въ дѣло съ непріятелемъ. Гетманъ, смотря съ горы, какъ наши извивались въ огнѣ и пламени, и примѣчая только одни наши знамена, которыя въ серединѣ непріятеля то подавались назадъ, то съ крикомъ подвигались впередъ, уже потерялъ надежду, и поднявъ руки къ небу, молился о побѣдѣ. Не было никакой надежды къ преодолѣнію непріятеля. Мы теряли снаряды и силы, ибо, какъ говоритъ пословица: нѣтъ Геркулеса противу множества; лошади наши обомлѣли отъ усталости, находясь въ работѣ съ разсвѣта лѣтняго дня до самаго полудня, вѣрно въ продолженіе 5 часовъ. Лишаясь силъ, мы теряли и охоту къ бою, трудясь превыше человѣческой природы. Болѣе всего насъ ужасала мысль, что мы находимся посреди непріятельской земли, въ виду сильной арміи, почему не льзя было и думать о безопасномъ отступленіи. Не вѣроятно также было, чтобъ мы успѣли испросить на это согласіе противниковъ нашихъ. А потому, надѣясь только на милость Божію и на наше счастіе, мы симъ утѣшали одинъ

другаго, и этимъ придавали себѣ мужества и силы.“

„Наконецъ исчезла и охота утѣшать другъ друга. Мы потеряли всѣ копья, весьма нужныя гусарамъ и страшныя для непріятелей, съ которыми имѣли дѣло. Во всемъ былъ у насъ недостатокъ, а у непріятеля умножались и мужество и силы. Наши по обыкновенію, бросившись съ хоругвію на передовыя войска непріятельскія, сзывали всѣхъ къ бою, а у воиновъ не было оружія и силъ, да и Ротмистровъ и Полковниковъ вовсе не было видно. Вступаемъ однакожъ въ дѣло, и мѣшаемся какъ въ омутѣ. Непріятель, видя уже нашу слабость, приказалъ двумъ рейтарскимъ Корнетамъ *), которые стояли въ готовности, двинуться противъ насъ. Они-то преклонили побѣду на нашу сторону: ибо, наскочивъ на насъ неготовыхъ къ бою, выстрѣлили, и когда по обыкновенію стали поворачивать назадъ, чтобъ заряжать ружья, а другіе стали подходить къ намъ для пальбы, мы, не давъ всѣмъ выстрѣлить, бросились на нихъ съ одними палашами въ рукахъ. Тогда непріятель забылъ о зарядженіи, а иной даже не имѣлъ времени выпалить; всѣ оборотясь, поскакали назадъ, и опрокинулись на *Русское*

---

*) Нѣмцамъ, какъ видно изъ послѣдующаго.

войско, стоявшее въ порядкѣ у воротъ лагеря, смѣшали его, и увлекли съ собою въ бѣгствѣ. Тогда Русскіе и Нѣмцы искали спасенія въ самомъ лагерѣ, а мы на плечахъ ихъ, не останавливаясь у лагерныхъ воротъ, невзирая на стрѣльцовъ, (которые хотя стрѣляли по насъ, но не сдѣлали намъ никакого вреда), ворвались туда же за ними. Они видя, что и тутъ не могутъ избавиться отъ насъ, сдѣлали въ одномъ мѣстѣ отверстіе въ рогаткахъ и бросились въ разсыпную; мы гнались за ними цѣлую милю и далѣе, и вотъ такимъ образомъ мы изъ побѣжденныхъ сдѣлались побѣдителями.“

„Возвращаясь изъ погони, мы думали застать своихъ торжествующихъ побѣду; напротивъ того, вся *Русская* пѣхота, стрѣлки, остатки конницы и крестьяне, оставшіеся въ лагерѣ, гдѣ былъ также Гетманъ, тотчасъ послѣ нашего выходу, укрѣпили лагерь, всѣ входы заложили, и поставили кругомъ стрѣльцовъ. Ушедшіе прежде въ лѣсъ, снова возвратились въ лагерь. Русскіе, имѣя притомъ 18 полевыхъ орудій, защищали всѣ пути къ лагерю. Нѣмецкая пѣхота и рейтары, непоспѣвшіе прибыть къ своимъ на то крыло, которое мы прежде того опрокинули, заперлись въ своемъ лагерѣ. Но видя, какимъ образомъ ихъ земляки держатъ свое слово, и какъ противу насъ сражаются, *начали между собою шумъ и раздоры, не же-*

лая болѣе оставаться сб Русскими. Понтусъ не хотѣлъ на это согласиться и долго ихъ удерживалъ отъ сего поступка."

„Мы застали своихъ за холмомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Русскаго лагеря, сошедшихъ съ коней и не обезпокоиваемыхъ непріятелемъ. Мы послѣдовали ихъ примѣру, чтобъ отдохнуть отъ трудовъ, но Гетманъ, не довольствуясь симъ успѣхомъ, и желая нанести непріятелю рѣшительный ударъ, хотѣлъ ударить съ тылу на Нѣмецкій лагерь, которымъ легче было овладѣть, нежели Русскимъ. Между тѣмъ безпрестанно прибѣгало къ намъ по два, по три *Нѣмца,* объявляя, что всѣ они желаютъ перейти на нашу сторону. Наконецъ нѣсколько десятковъ *Нѣмцевб* пришло съ этимъ же извѣстіемъ, что они отдаются на волю Гетмана. Гетманъ, желая испытать, не льзя ли ихъ всѣхъ переманить, полагая, что лучше побѣдить враговъ условіями, нежели мечемъ, приказалъ трубачу дать сигналъ, чтобы Нѣмцы выслали кого нибудь для переговоровъ. Они согласились на это съ удовольствіемъ, и множество ихъ пріѣхало къ Гетману, жалуясь, что *одинб только Понтусб* мѣшаетъ имъ передаваться. За симъ Гетманъ отправилъ племянника своего Коронпаго Обознаго Жолкѣвскаго и Пана Борскаго, которые знали разные иностранные языки, къ Понтусу, чтобъ, напомнивъ ему о присягѣ,

нѣсколько разъ повторенной, что онъ никогда не возметъ оружія противъ Короля, обѣщать ему, если онъ сдастся на слово Государя, испросить для него прощеніе, и ввести его въ милость Короля. Понтусъ согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобъ всякому, кто пожелаетъ, позволено было возвратиться домой. Вслѣдъ за этимъ, послалъ онъ къ Русскому Военачальнику Димитрію Шуйскому съ извѣстіемъ, что онъ не можетъ болѣе удерживать въ повиновеніи ввѣреннаго ему войска. Сей послѣдній, услышавъ о томъ, сѣлъ на коня и побѣжалъ къ Москвѣ. Всякій, кто могъ, послѣдовалъ за нимъ, а пѣхота ушла въ ближайшіе лѣса. Мы, узнавъ отъ передовой нашей стражи, что Русскіе оставляютъ лагерь, бросились за ними въ погоню, и гнали ихъ на двѣ или на три мили, такъ, что ихъ погибло болѣе во время сего отступленія, нежели на мѣстѣ. Къ вечеру уже возвратились мы къ своимъ, и нашли всѣхъ Нѣмцевъ у Гетмана, и оба бывшіе лагери, Русскій и Нѣмецкій, разоренными. Тутъ отслужили обѣдню и пѣли: *Тебе Бога хвалимъ*. Гетманъ приказалъ тѣла убитыхъ собрать въ кучу и погребсти, тѣла же знатнѣйшихъ и товарищей велѣлъ взять съ собою.—Раненныхъ товарищей велѣлъ помѣстить, или въ своей каретѣ, или на носилкахъ, которыя укрѣплены были между двумя лошадьми, и такимъ образомъ перево-

зить въ нашъ лагерь, куда мы прибыли на закатѣ солнца, вмѣстѣ съ Нѣмцами. Лагерь отстоялъ отъ мѣста сраженія на 4 мили.— Русскіе, оставшіеся въ острогѣ съ Волуевымъ, вовсе не знали о нашемъ отступленіи въ лагерь, а то бы вѣрно напали на насъ, какъ послѣ того они сами намъ говорили."

„Нашимъ приказано было немедленно, не слѣзая съ лошадей, подступить къ острогу. Русскіе долго сражались съ нами, и не вѣрили намъ, когда мы, требуя отъ нихъ сдачи, говорили, что войско ихъ разсѣяно, и что никто не придетъ ихъ выручить. Тогда Гетманъ повелѣлъ всѣмъ Нѣмцамъ двинуться противъ острога: увидѣвъ ихъ, Русскіе увѣрились въ истинѣ нашихъ словъ, и отсрочили до другаго дня переговоры, чтобъ въ это время посовѣтоваться между собою. Тянулось это нѣсколько дней; наконецъ, въ пятницу, 400 Бояръ выѣхали на коняхъ съ Волуевымъ изъ острога, прибывъ въ лагерь къ ставкѣ Гетмана, присягнули на подданство Королевичу Владиславу, и на ночь воротились къ своимъ."

„На другой день Гетманъ съ 1000 всадниковъ пріѣхалъ къ острогу: полки выходили изъ онаго, и всѣ отъ стараго до малаго, присягали въ вѣрности. Для принятія присягъ, Гетманъ назначилъ Гг. Шиша, Бобовскаго, Добромирскаго и меня четвертаго."

„Не мѣшкая въ семъ мѣстѣ, всѣ, то есть,

мы, присягнувшіе Россіяне и Нѣмцы двинулись къ столицѣ, но едва прошли нѣсколько миль, какъ Гетманъ получилъ изъ Москвы извѣстіе, что Царя Василія Шуйскаго постригли въ монахи, что братьевъ его родныхъ, Димитрія и Ивана, содержатъ подъ стражею, что насъ ждутъ охотно и хотятъ Королевича избрать на Царство." *Сѣвер. Арх. ч. XIII. 123—128* и *221—251.*

114) Погорѣлое городище, древній городъ, нынѣ село, въ Тверской Губерніи.

115) Въ моемъ спискѣ ихъ нѣтъ.

116) Сигизмундъ задержалъ нашихъ пословъ—Митрополита Филарета и Князя Голицына съ товарищами, и отправилъ ихъ въ Польшу, какъ плѣнниковъ, вопреки всѣмъ правамъ народнымъ. Вообще извѣстія Бера о избраніи Владислава весьма неудовлетворительны.

117) „Предлагали ему, пишетъ Маскѣвичъ, чтобы онъ покорился Королю и удовольствовался Гродномъ и Самборомъ; но онъ этого не захотѣлъ, себѣ на бѣду, ибо до сихъ поръ могъ бы спокойно ѣсть свой кусокъ хлѣба." *Сѣвер. Арх. XIII. 237.*

118) *Маскѣвичъ*: „Заключивъ миръ съ

Русскими и утвердивъ его присягою, Гетманъ 29 Августа пригласилъ въ лагерь къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ изъ столицы, и отличнымъ образомъ угощалъ ихъ, при чемъ каждаго изъ нихъ одарилъ лошадьми, конскими приборами, палашами, саблями, кружками, рукомойниками, и роздалъ не только собственныя свои вещи, но даже выпросилъ лучшее у Ротмистровъ и товарищей, такъ, что никого не отпустилъ отъ себя съ пустыми руками; это, думаю я, много ему стоило."

„2 Сентября, Русскіе съ своей стороны, пригласили Гетмана въ столицу къ обѣду; угощалъ его Князь Мстиславскій, въ то время главнѣйшій изо всѣхъ Бояръ; я находился тутъ же съ Гетманомъ. Насъ помѣстили въ трехъ комнатахъ. Кушанья приготовлены были по Русскимъ обычаямъ. Мнѣ ничего не понравилось, кромѣ хлѣбеныхъ, которыя приготовлены были на подобіе Французскихъ. Подавая разные старинные меды, каждый разъ наливали другаго рода, давая симъ знать, что этого много у нихъ въ Государствѣ. Наши, желая повеселиться и порядочно попить, убѣдительно просили, чтобъ не мѣшая дали имъ какого нибудь одного, но не могли уговорить Русскихъ. Послѣ того Князь подарилъ Гетману сорокъ соболей, а Ротмистрамъ по парѣ; мы приняли подарки, не желая отказомъ

оскорбить нашихъ хозяевъ. Сверхъ того дали Гетману бѣлаго сокола и собаку для травли медвѣдей, которую сперва произвели на дворѣ. Потомъ мы возвратились въ лагерь. Чернь въ Москвѣ не успокоилась, и затѣяла было съ Боярами раздоръ, требуя перемѣны Государя; но это не удалось ей."

„5 Октября. При наступленіи морозовъ, расписывали на войско въ столицѣ квартиры, по одному двору на роту."

„9 Октября. Въ слѣдъ за симъ мы тихо вошли въ столицу, непримѣтно снимаясь съ мѣста по-эскадронно, дабы Москвитяне не знали о маломъ числѣ нашего войска."

„14 Октября. Съ согласія Бояръ, розданы войскамъ помѣстья, съ которыхъ они должны кормиться, во 100 миляхъ и далѣе отъ столицы. Моей ротѣ достались на часть два города Суздаль и Кострома, въ 70 миляхъ отъ столицы. Мы тотчасъ разослали товарищей съ лагерною челядью (pachol kami), для собранія живности, но наши такъ были неумѣренны, что не довольствуясь хорошимъ обхожденіемъ Русскихъ, брали безъ дальнихъ хлопотъ все, что имъ нравилось, такъ, что иногда у самаго знатнаго Боярина отнимали насильно жену, или дочь. Русскіе сильно вознегодовали и возстали на это, и по дѣламъ: наконецъ, для избѣжанія впередъ подобныхъ своевольствъ, они рѣшились давать намъ деньгами по 30 злотыхъ

на коня, предоставивъ себѣ собирать оныя съ жителей." *Сѣвер. Арх. XIII. 237—239.*

119) Вѣроятно въ одной только Калугѣ. „Евожъ вора взяша и погребоша честно въ „Соборной церкви у Троицы; а Сердомирско-„ва дочь Маринка, которая была у вора, „роди сына Ивашку; Калужскіежъ люди всѣ „тому обрадовашась и называху его Цареви-„чемъ и крестиху его честно." (*Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 150*).

120) Марина въ 1611 году предалась Ивану Заруцкому, и по восшествіи Михаила Ѳеодоровича на престолъ, удалилась въ Астрахань, откуда хотѣла бѣжать съ Заруцкимъ и сыномъ въ Персію; но въ 1614 году была схвачена на Уралѣ (*Собр. Госуд. Гр. III. 104*), и привезена въ Москву: сама она кончила преступную жизнь въ Московской темницѣ, Заруцкій посаженъ на колъ, а сынъ ея повѣшенъ (*Рус. Лѣт. по Ник. сп. VIII. 213*).

121) Письмо сіе, кажется, весьма сомнительно.

122) По извѣстію Петрея, эта грамота была прислана жителями Калуги. *Muszkov. Chron. 22.*

123) Въ Январѣ 1611 года жители Моск-

вы дѣйствительно розослали грамоты въ разные города Русскіе, только не въ такомъ смыслѣ, какъ расказываетъ Беръ: Москвитяне убѣждали единоземцевъ крѣпко стоять за Вѣру и Отечество (*Собр. Госуд. Гр. II. 495*).

124) Беръ называетъ его *Ianchovski*, Петрей *Solkouski*: Намѣстникомъ былъ Гонсѣвскій, какъ видно изъ *Дневника Маскѣвича*.

125) Въ Дневникѣ Маскѣвича: „Случилось, что солдатъ, изъ роты Масховскаго, Блинскій, стоя на караулѣ у однихъ воротъ, выстрѣлилъ нѣсколько разъ пьяный въ образъ Пресвятой Богородицы, написанный въ сихъ воротахъ на стѣнѣ. Бояре жаловались на это Гонсѣвскому. Присудили Блинскаго къ колесованію; но потомъ перемѣнили родъ казни: отрубили ему руки, и тѣло, положивъ на костеръ, сожгли."—*Сѣвер. Арх. XIII. 242.*

126) Въ подлинникѣ Pogalaken. Пахолками въ Польскомъ войскѣ называлась лагерная челядь. *Linde, Slownik Iez. Polsk.*

127) Чтобъ доставить читателю полную возможность судить о духѣ, въ которомъ писалъ Беръ, переводчикъ рѣшился удержать и сіе безмысленное выраженіе.

128) Такъ честитъ Беръ нашихъ предковъ за великій подвигъ, которому удивляется потомство!

129) Всякому извѣстно, что сей Патріархъ былъ великодушный Ермогенъ: потомство произноситъ имя его съ благоговѣніемъ. Онъ умеръ въ темницѣ жертвою усердія къ Вѣрѣ и любви къ Отечеству.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БЕРОВОЙ ЛѢТОПИСИ МОСКОВСКОЙ.

ГЛАВА I.

ЦАРСТВОВАНІЕ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА.

ГЛАВА II.

ЦАРСТВОВАНІЕ БОРИСА ГОДУНОВА.

ГЛАВА III.

Глава IV.

Царствованіе Θеодора Борисовича.

Глава V.

Царствованіе Димитрія I.

Глава VI.

Междуцарствіе.

Глава VII.

Царствование Василия Шуйскаго.

Глава VIII.

Глава IX.

Глава X.

Глава XI.

Глава XII.

УКАЗАТЕЛЬ

собственныхъ именъ и главнѣйшихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ Беровой Лѣтописи.

Составляя сей Указатель, я имѣлъ въ виду:

1) Облегчить желающему пользоваться Беровою Лѣтописью трудъ изслѣдованія.

2) Показать, какъ писалъ Авторъ имена собственныя. Въ текстѣ я счелъ удобнѣе соблюсти правильное названіе лицъ, городовъ и проч.; мнѣ казалось смѣшно писать съ Беромъ *Гуденовъ*, вмѣсто Годуновъ, *Красна села* вмѣсто Красное село, *Цирпахъ* вмѣсто Серпуховъ. Если же я ошибался въ *преложеніи*, читатель, взглянувъ въ Указатель, тотчасъ замѣтитъ мою погрѣшность, и по благосклонности къ переводчику, исправитъ ее.

3) Объяснить, по мѣрѣ возможности, мѣстоположеніе упоминаемыхъ въ Беровой Лѣтописи небольшихъ городовъ, селъ, монастырей, о коихъ не сказано ничего въ примѣчаніяхъ, изъ опасенія расплодить оныя.

УКАЗАТЕЛЬ.